Конкурс "Фэнфики по произведениям Стивена Кинга 2007"
Организаторы: сайты "Стивен Кинг.ру – Творчество Стивена Кинга" – http://www.stephenking.ru/
"Стивен Кинг. Королевский Клуб" – http://www.kingclub.ru/
и "Stephen King Russian Site – Русский сайт Стивена Кинга" – http://stking.narod.ru/.

ФИЛОСОФИЯ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ

Куклин Василий (опираясь на повесть Стивена Кинга «Долгая Прогулка»)

“Философия Долгой Прогулки” © Куклин Василий, 2007

«Я призываю всех американцев как можно больше ходить пешком. Это не только полезно для здоровья; это весело». (Джон Ф.Кеннеди)

«Абсолютным шоу было бы такое, где проигравшего участника убивают». (Чак Беррис)

«Не буду произносить речей. Просто поздравляю того из вас, кто победит, и выражаю сожаление проигравшим». (Главный)

«Спутывая нити,
Отбросьте идеалы,
Переведите дыхание…
Слушайте!
Я - человек прежде, чем мир…
Я был существом, прежде чем смог устоять
Я буду помнить, пока не забуду
Пока я не забуду это!
Я разорван, и уложен поперек канавы в грязь…
Я являюсь стежком, который вы любите повреждать…
Обратите внимание на свои искривленные и небольшие устремления!
Я не имел никакого права на победу, я только был подхвачен во всех сражениях!»
(Песня группы Slipknot «Before I Forget»)

Господа, делайте ваши ставки!

(вступление от автора)

Повторите-ка свое имя более
пятидесяти раз, и вы обнаружите,
что вы - никто.
(Стивен Кинг "Бегущий человек")

Хочется написать здесь гигантское вступление, в котором будет говориться о том, как я писал эту повесть, что меня подтолкнуло, да и, в целом, как у меня это получилось. Но разумнее будет позволить именно вам, читателям, понять всё самим.

Вообще-то, я фэнфики не люблю. Я могу с ходу назвать десятки причин по этому поводу. Но почему я всё-таки пошёл на это, взялся за клавиатуру, сконцентрировался и выдал довольно объёмный текст, поразивший меня своей какой-то странной необычностью и оригинальностью.

Стивена Кинга я уважаю и люблю читать его книги. Также я могу считаться начинающим писателем, правда, не достигшим ещё достаточно выразительных вершин своего ремесла. Ну, ничего, имеющиеся мои работы в Сети и без того, надеюсь, о многом говорят. Ну, да ладно. Поговорим лучше о Кинге.

Что такое «Долгая Прогулка»? С одной стороны это примитивная глупая немного фантастическая история, повествующая об игре «Долгая Прогулка», в которой сотня участников идёт по бесконечной асфальтированной дороге. Победит только один – тот, который переживёт остальных. Это глупое соревнование ставит участников игры даже ниже по уровню, чем каких-нибудь тараканов в тараканьих забегах. Зачем автор написал эту историю? Почему? Просто решил тупо расписать, как умирают один за другим девяносто девять человек? Вот тут и открывается обратная сторона медали: повесть пропитана великолепной совокупностью идей, взглядов, философских соображений. Идущим по Дороге навстречу смерти открывается новый взгляд на мир, они начинают понимать совершенно иное, видят то, что обыкновенные люди не замечают на фоне войн, телевизионных новостей, телесериалов, реклам, последних мод, глупых повседневных дел и т.д. Кому-то это понимание дано с рождения, и эти люди входят в историю, как великие философы. Другим же удаётся это понять, только пуская слюни на горячий асфальт и слыша, как истекает последнее предупреждение. Они становятся умны, разумны, начинают понимать суть жизни, и, хоть это и не прослеживается прямолинейно ни у меня в повести, ни у Кинга, но это, быть может, и есть основной принцип Долгой Прогулки…

Идея этого произведения пришла мне в голову летом. Не буду расписывать, как, просто скажу, что «Долгая Прогулка» восхитила меня, хоть и есть книги у Стивена Кинга намного лучше. Первые строки я набрал в сентябре, затем забросил, и думал, что уже не возобновлю процесс…

Но в начале ноября я узнаю (не без помощи рассылки новостей «Цитадели Олмера»), что проводится «Конкурс фэнфиков по Стивену Кингу 2007» с довольно привлекательными призами. Это и подтолкнуло меня к возобновлению написания повести, чем я и занимался практически целый месяц вплоть до последнего дня принятия работ. Хочется громко и грязно выругаться, чтобы показать, насколько я злобен и истощён после 30 дней, в течение которых долбил эту чёртову повесть, но я повременю с

этим, потому что в произведение будет достаточно подобных моментов. Прошу не понять меня неправильно, я, на самом деле, добрый и пушистый, и желаю человечеству только добра…

Всё. Повесть написана. Я остался доволен, хоть и поджимавшее меня время, слегка отразилось на написании произведения. Да, я впихнул в текст абсолютно все идеи, какие и планировал. Что из этого вышло – решать вам…

Но о том, что эта повесть – одна из самых непредсказуемых в мире, я могу повторять не единожды. Господа, в то время, пока вы будете читать, предлагаю задуматься – кто же дойдёт до конца? Думаете, главный герой, от лица которого идёт речь? А, может, паренёк с номером 40 и фамилией Куклин, так похожей на ту, что находится под названием повести? Или самый сильный из всех Идущих?

Ну, а кто же тогда умрёт первым? Самый слабый? А кто вторым? А потом?

Господа, делайте ваши ставки! Я уверен, многие из вас будут не раз удивлены и сконфужены, а это и является второй изюминкой произведения…

Первая, естественно, это – философия Долгой Прогулки…

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) Все кровавые сцены и грязные ругательства написаны не из-за какого-то извращенного склада ума или неправильного воспитания. Если вы кривитесь при виде матов или жестоких поступков главных героев – ПОДУМАЙТЕ ГОЛОВОЙ! Какие, на ваш взгляд, люди вышли на эту Тропу Смерти? Интеллигентные ботаники, чьи головы лопаются от избытка философских идей, теорий жизни и невозможных знаний? Или наоборот – те, кто находятся на нижних слоях социальной иерархии? Я думаю, что второй вариант более реален. Потому что умный человек вряд ли примет участие в этой несправедливой и жестокой игре. Если только он не знает какие-то безотказные лазейки!
2) По тексту раскиданы десятки намёков и ссылок на другие произведения – ВНИМАНИЕ! – не только Стивена Кинга, но и мои собственные.
3) Обращаю ваше внимание на то, что Вступление, Глава 5, Глава 6, Глава 7, Послесловие, Хроники и Эпилог писались в невероятной спешке – возможны многочисленные ляпы и ошибки, хотя я всё перечитал несколько раз. Также сам стиль становится поспешен и сумбурен, что заметно даже мне самому. Хотя чаще всего автор таких ошибок не замечает…
4) Писал целый месяц. Почти сто страниц. Писал на «тормознутой» клавиатуре, поцарапанном мониторе, параллельно с тремя репетиторами и подготовкой к зимней сессии. Писал каждый день, выискивая свободные минутки. Многие отрывки выкладывал в Сеть на некоторые творческие сайты, что большой пользы не принесло. Целое произведение ещё не читал абсолютно никто (до отправки на конкурс).
5) Было много разветвлений моих идей. Иногда приходилось делать сложнейший выбор из двух вариантов развития действий. Порой я объединял всё, что только мог придумать насчёт определённой ситуации. А концовок произведений (начиная с рокового момента в Главе 6) было около двадцати…. Надеюсь, я выбрал правильную…
6) Натыкаясь на неточности и отдаления от реальности, не забывайте, что это фантастическое произведение, а многие вещи сделаны со специальным авторским умыслом.

ПРОЛОГ: Лицо смерти

Похоже, жизнь - это всего лишь подготовка к аду.
(Стивен Кинг "Дорожные работы")

Солнце не светит, как когда-то,
В наши большие живые глаза.
Нас просят играть в войну и солдатов!
Кому это нужно?! Сказали: “Да”.
(Pet Nihil «Клиническая смерть»)

Толпа бушует. Люди стоят вдоль дороги, выкрикивая имена любимчиков наперебой. Толпа ревёт. Вся какофония превращается в одно сплошное растянутое гудение, сводящее с ума…

… Мокрое обессиленное тело безжизненно падает на горячий пыльный асфальт. Глаза парня слипаются. Ему выдают уже третье предупреждение. Надо подняться хотя бы за пятнадцать секунд. Придётся постараться, хоть это и невозможно – ноги полностью потеряли связь с мозгом, нервной системой и даже с реальностью. Парень не чувствует их. Руки чувствует, а ноги нет. Он больше не поднимется…

Сержант кивает мне. Я молча киваю в ответ, поняв приказ. Отложив в сторону кусок булки и флягу с водой, я снимаю с плеча карабин и выпрыгиваю из кузова автомобиля. Да уж, не позавидую Идущим: температура почти доползла до отметки в сорок градусов по Цельсию. Я направляюсь к упавшему парню, которому десять секунд назад выдали последнее предупреждение, поэтому наслаждаться жизнью он может теперь только разве что пять секунд.

Мимо, еле волоча онемевшие ноги, проходит грязный кучерявый мужчина. Он тоже участник игры. За шаркающими ногами по асфальту стелется коричневая жижа. У него – понос. На искажённом от боли и усталости лице прочитать можно только печаль и стремление к непосильной цели: сделать несколько шагов. Возможно, мне не придётся даже залазить в кузов – мужик тоже не так далёк от получения билета…

Я подхожу к лежащему парню и навожу на него оружие. Он не видит меня, так как лежит на животе. Но, почувствовав мою тень, в бедняге просыпается невероятная тяга к жизни. Он срывается с места ползком, бешено двигая руками, сдирая ладони и локти в кровь. Я иду за ним, не сводя карабина. Сержант показывает из машины, что минимальная скорость игрока восстановлена, но всем ясно, что он не сможет долго так перемещаться как змея. За парнем стелется кровавая дорожка, я иду сбоку, чтобы не поскользнуться. А вот идущий сзади Кучерявый, обливающийся поносом, заскользил и неуклюже рухнул, подняв небольшое облачко дорожной пыли. У него тоже уже есть три предупреждения – он не имел права падать…

- Стойте, я… Я случайно… - еле слышен бурлящий хрип сзади.

Я разворачиваюсь и, щёлкнув спусковым курком, всаживаю ему в голову пулю. Толпа на секунду замолкает, ближайшие люди в ужасе подаются назад. Их испуганные лица забрызганы кровью. Но в следующую секунду они уже смеются и фотографируют друг друга…

Мужчина, который мучился поносом, мёртв. Кучерявый получил свой билет. Игра продолжается. Я дальше иду за ползущим парнем – он уже выдыхается. Я посматриваю на сержанта с хронометром из нержавеющей стали. Едва он подаст знак, мучения парня закончатся…

Ползущий не сдаётся. Он напрягается всё больше и больше с каждым движением. Он не сможет встать на ноги, даже если это будет возможно, так как потеряет драгоценную скорость. А ползти целый час до снятия одного предупреждения – это за рамками человеческих сил.

Внешне создаётся впечатление, что вены парня вздулись везде, где только можно. На его виски страшно смотреть – кажется, вот-вот, и они лопнут, забрызгав окружение венозной кровью…

Ещё один Идущий проходит мимо, даже не глядя на ползущего товарища. Ему уже не до этого. Он держится руками за бока, дыхание больное и прерывистое. Все Идущие уже очень близки к билетам, а вместе с этим, один из них – к победе…

Я продолжаю наблюдение за ползущим парнем. Он умирает на ходу. Скорость практически добралась до роковой отметки. Если он хотя бы ещё чуть-чуть сбросит скорость, сержант махнёт рукой. Я иду рядом, наведя карабин на беднягу…

- Ну же… ну же… - шепчет тот, при каждом выдохе, выплёвывая слова вместе с брызгами вязкой розовой слюни. Я не свожу винтовки с его затылка. – ну же… смогу… смогу…

И тут он останавливается. Да, он сдался. Он резко затормозил и перевернулся на спину, воздев взгляд к небу. Окровавленные руки опали… В неподвижном взгляде читалась смерть…

Он умер. Я опустил карабин, не сделав требуемого выстрела…. Но меня поразило другое…

Мой рот раскрылся в беззвучном крике, нервная система напряглась, готовая взорваться…

Этот парень был мною. Это было моё лицо, моё тело, моя кровь…

Толпа ревела, люди галдели и улюлюкали, а карабин беззвучно вывалился из моих одеревеневших пальцев…

Глава 1: Утро Этого дня.

«Это была страшная игра — игра на выживание. Это была Долгая Прогулка. Прогулка со Смертью, ибо смерть ожидала каждого упавшего. Дорога к счастью — потому что победивший в игре получал ВСЕ. На долгую прогулку вышли многие — но закончит ее только один. Остальные мертвыми лягут на дороге — потому что дорога к счастью для одного станет последней дорогой для многих...»
(Рей Гаррати после участия в Долгой Прогулке)

5.00

Проклятый сон прервался…

Будильник, включающий не какое-нибудь глупое визжание или пикание, от которого потом всё утро звенит в ушах, а моё любимое радио «Эврика!», разбудил меня ровно в пять часов утра громким и радостным приветствием Андрея Потапова, известного диктора новостей:

- Приветствую всех моих уважаемых слушателей в новостной рубрике «Утро с Андреем Потаповым»! Снова я, снова с вами, снова на радио «Эврика!»! Сегодняшний выпуск новостей весьма необычен – догадываетесь почему? Да-да, вы правы – ведь на дворе первое мая – День Долгой Прогулки! Как долго мы ждали этого момента! Целый год! Для большинства людей на планете Земля этот день важнее и Нового Года, и даже собственного дня рождения! Ведь только тут мы станем свидетелями самой захватывающей и необычной игры! Миллиарды людей в мире делают ставки на кого-то из участников Прогулки, некоторые настолько уверены в своём мнении, что выкладывают всё, что у них есть! Риск, азарт, неудачи, потрясающие выигрыши и неожиданные повороты дела! Да-да, Долгая Прогулка – самая непредсказуемая игра в мире, ни один пророк не сможет предугадать исход событий, и всегда происходит так, как не думает большинство…

Я с трудом разлепил глаза. Утро не ослепило меня ярким светом, как обычно это случается после сна. Небо за окном было довольно мрачным и пасмурным – холодные,

злобные дождевые тучи собирались над городом и как будто набирали воздуха в лёгкие, чтобы резко разразиться громом, молниями и мощным ливнем.

«Ох-ох-ох! Будет весело… Мало, кто ожидал, что Долгая Прогулка начнётся под покровом дождя…» - мрачно подумал я.

Будто услышав мои мысли, диктор по радио заговорил о погоде:

- Первое, что может не только очень сильно помешать Идущим, но и испортить настроение многим уверенным людям, поставившим на игроков деньги, - это сегодняшняя погода. Синоптики обещали очень сильные порывы ветра, грозы и даже град. Глядя в своё окно, я вижу затянутое страшными тучами небо, которые готовы дать беспощадный залп из всего, что в них накопилось, в любой момент. Сегодня находиться на улице - действительно не самая лучшая перспектива. Будь я Идущим, то, наверное, сразу бы сел на землю, чтобы быстро получить билет и не мучиться долго. Ха, ха, ха…. Извините, это шутка!

Я перестал одеваться и прислушался к радио. «Надо же, какой сукин сын! Над такими вещами шутить вздумал! Какой олух писал для него текст?!». Я надел всю одежду, лежащую до этого на стуле, приготовленную для Долгой Прогулки. В коридоре меня ждал небольшой портфель, который я набил всем самым нужным и необходимым. Но я не спешил ещё выходить. Надо пойти умыться

(последний раз)

«Заткнись!»

(последний раз)

«Заткнись!!!»

(шанс 1 к 99)

Я сел. Если бы невесть откуда подвернувшегося стула не было, я упал бы копчиком на пол, возможно, повредил что-нибудь, и получил билет, ещё даже не дойдя до старта. Очень весело…. И о чём я только думал, когда ввязался во всё это?

«О том, что мне больше нечего делать в этом мире! У меня нет друзей, родственников, да и просто хороших знакомых…. Кому я нужен?»

«Заткнись!»

«Молчу-молчу!»

Радио в моей комнате продолжало работать, пока я принимал душ.

- Эта Долгая Прогулка, насколько мне известно, носит номер 2 и проходит на пару с Американской Долгой Прогулкой №29. Да-да, если кто-то не знает, я снова повторю – «Наша» Долгая Прогулка – это совсем не оригинальная игра, и придумали её не русские. Первая игра прошла в США, вызвав ужасный скандал, но она принесла столько денег и простым людям, и создателям Прогулки, что проект утвердился окончательно и стал игрой Мирового масштаба. До недавнего времени в Прогулке могли участвовать только подростки 16-18 лет, если судить по всем известным Правилам и Уставу Игры. Но вскоре возникло очень много причин, чтобы расширить список возможных игроков, и от этого игра стала менее жестокой и более интересной. Российская Федерация год назад провела первую игру на своей территории, и это оказалось довольно провальным делом из-за множества недочётов. Во-первых, создатели игры почему-то допустили к участию девушек (слава богу, всего трёх), но я думаю, что все будут помнить вечно, чем это закончилось. Во-вторых, правила были не до конца отточены до баланса, поэтому многие Идущие смогли воспользоваться некоторыми возможностями, перевернув суть игры с ног на голову. Ну и, в-третьих, все помнят неожиданную концовку игры, когда гигантская толпа нахлынула на Дорогу, защищая своими спинами восемь оставшихся игроков, отчего до сегодняшнего дня солдаты всё ещё не могут найти четырёх человек. Тогда же погибло около двадцати мирных жителей из-за неприцельной пальбы пулемётами по людям. Зрители до сих пор не могут оправиться от шока, сегодня в церквях вновь будут

оплакивать погибших в тот день, и я полагаю, что он нескоро забудется… и особенно не повторится, так как я думаю, что русские создатели Прогулки теперь знают свои ошибки.

Когда я закончил умываться, нужно было ещё быстро позавтракать, немного отдохнуть, сходить в туалет по-большому («Да-да-да, помни, Кучерявого!»), а затем – в путь. Мда, как много смысла в этом слове…

- Напомню, что следователи считают инициаторами взбушевавшейся толпы двух американцев, присутствовавших среди нарушителей порядка в тот роковой день. Это – Рей Гаррати и Генри Макклейн. Оба парня являются победителями Долгой Прогулки прошлых лет. Рей пережил Идущих в 1990, а Генри – в 1992. Создатели Прогулки искренне считают, что именно эти двое спровоцировали народ против солдат, вручающих билеты. В тот день Рей был ранен в руку и ногу, но, к счастью, остался жив; родственники, жена и ребёнок Победителя смогли увидеть любимого человека уже через месяц полностью здоровым. Ну, как полностью… Скорее, всё также прикованным к инвалидному креслу (напомню, что он уже 18 лет не может ходить после участия в игре). Генри оказался более везучим на физические повреждения – пулемётная очередь его не задела. Но власти обвинили бывшего призёра в убийстве одного из солдат и считают его главным виновным в происшествии, вследствие чего Макклейн посажен в тюрьму строгого режима на 20 лет. В последнем интервью, прошедшем полгода назад, Макклейн признал долю своего участия в заговоре и осознанное убийство одного из солдат с помощью бейсбольной биты. В то же время Генри во всю отрицает причастность Рея ко всему этому, уверяя всех, что последний оказался в тот день с ним по случайному стечению обстоятельств. Против Рея у милиции и вправду ничего нет, да и здоровье у 33-летнего мужчины уже не то, чтобы саботажи затевать и сидеть потом из-за них за решёткой. Кстати, напомню слушателям, что вот уже как 16 лет ходят неопровержимые слухи о Желании Генри Макклейна. Говорят, что он загадал у Главного вечную жизнь и идеальное здоровье. Вот почему, быть может, Генри так безразлично относится к собственному заключению на двадцать лет…

Радио продолжало говорить, но мне было не очень интересно – нового ничего я не услышал. Диктор вновь пересказывал правила игры, частично вспомнил самые важные моменты из истории проекта. В конце концов, Андрей Потапов перечитал весь список Идущих, называя номер, фамилию, имя, вес и возраст.

- … 59-ый номер, Миронов Григорий, 79 кг, 38 лет …

«Почти в самой середине, - подумал я и усмехнулся, сам не понимая почему. – Ну, хоть не тринадцатый! А то сразу бы инфаркт получил…»

Затем диктор стал рассказывать об одном из игроков, Короленко Александре. Его фамилия и номер просто не замолкали по телевидению и радио.

- Лично я поставил на него все свои накопленные сбережения, потому что я уверен, что такая машина-убийца просто непоколебима и сможет обойти хоть весь земной шар. На него, по некоторым данным, было сделано около 8% мировых ставок, что говорит очень о многом. Вы только посмотрите на его фотографию и почитайте анкету! Он ведь просто монстр! Нелегко придётся его соперникам…

Короленко Александр и вправду выглядел самым сильным, мускулистым и громадным не только среди Идущих, но и среди обыкновенных людей в мире.

«Да он сдохнет на первых пятидесяти километрах! – подумал я, усмехаясь и попивая горячий чай. – Вес играет немало важную роль в этом «забеге». Да, он сильный. Да, он выносливый. Но в Американской Долгой Прогулке постоянно побеждали какие-нибудь худощавые парни. Тут другое важно…. Лично я думаю, что дыхание и… хорошие мысли! Да, почему бы и нет? В каждой игре должна быть лазейка …»

Да, это была моя собственная формула успеха, и я был настолько в ней уверен, что готов был рискнуть собственной шкурой. Я сделаю это.

Я был фанатом Долгой Прогулки с момента её создания, не пропустил ни одной из игр, видел, как вручали практически каждый билет. Я изучал эту игру, изучал её слабые стороны, находил лазейки, которые и приводили к финишу Победителей…. Мне казалось, что я наконец-то понял секрет успеха…

Я был одним из тех солдат, которые вручали билеты. Да, тогда был очень строгий момент в Правилах: солдаты, убивающие проигравших, должны были быть из других стран (как я из России). То, что я был стрелком, никак не значилось в моей сегодняшней анкете, отчего я и прошёл кастинг. На меня поставили немногие, так как анкета была не самой впечатляющей (спортсмен, бывший морской пехотинец, три года в тюрьме в далёком прошлом), и на фото мрачно улыбался не какой-нибудь монстр по типу Александра Короленко, а худощавый бледный мужчина с немного седыми волосами и лёгкой щетиной. «Незапоминающаяся личность», как говорили некоторые люди на форумах в Интернете, добавляя иногда «Такие обычно выбывают первыми или в массовке»…

- Думайте, что хотите, - промолвил я, не заметив, что уже минуту разговариваю сам с собой.

Я улыбался, когда надевал кеды. Я улыбался, когда уже полностью собранный стоял возле своей гостиницы, ожидая приезда такси. Я улыбался в течение всего пути до старта Долгой Прогулки…

«Я подготовлен лучше всех. Десять лет тренировок ходьбы пешком. Двадцать лет выискивания изъянов в игре, лёгких путей. Двадцать восемь лет визуального опыта и обдумывания…. Другие Идущие даже не представляют, с кем они столкнулись. Какой там Короленко! Я их задавлю своей идеальной подготовкой, самым большим опытом, самой сильной уверенностью в победе! Я пройду эту Долгую Прогулку до конца! Ведь когда проходила 28-ая американская прогулка я, как и многие не прошедшие конкурс случайного отбора, шёл вдоль Дороги рядом с Идущими. У меня ситуация была даже сложнее – я нёс с собой всю еду и питьё (хотя воду игрокам подавали в любой момент), а также обходил некоторые препятствия. Но я тогда дошёл до конца! Я был готов к победе! Я могу это сделать снова, год спустя! Ибо даже тогда, когда Победитель, услышав девяносто девятый выстрел (убивший его последнего соперника), распластался по земле, я, не взирая на мешающую толпу, продолжал идти и знал, что силы ещё есть…

Я стану Победителем. Я получу славу и мировые богатства…»

Я закрыл дверь, оставив квартиру в полном одиночестве. Свет во многих комнатах остался включён, радио продолжало говорить…

- По Всемирной Компьютерной Сети пробежал шумок, что Главный – человек-волшебник – доведёт до конца свою игру в США, а под конец приедет в СНГ, чтобы взглянуть на концовку и лично поздравить победителя. Подробности не сообщаются, и остаётся только догадываться, станет ли он исполнять желание победителю конкурентной передачи. Даже если нет, призёр останется не в обиде – сто миллиардов евро не каждый день на голову сваливаются…

Глава 2: Стартовая линия

Любая игра кажется честной, если всех игроков надули в самом начале.
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

«А ну вперед, жопы! Вы что, хотите жить вечно?»
(Неизвестный сержант Первой Мировой войны)

Монахи давно изукрасили стены,

Молитвы утихли – мешают уснуть.

Остался позади великий символ веры.

И черная дыра знаменует мой путь!

(Pet Nihil «Клиническая смерть»)

5.40

Дождя, слава богу, пока не было. Тучи всё сгущались и сгущались, наливаясь всё более тёмной краской. Казалось, что ещё чуть-чуть, и они просто свалятся на землю из-за своей тяжести. Где-то далеко на горизонте низко висящая поверхность плотных облаков нередко озарялась вспышкой – молнии озлобленно метались по далёкому небосводу, воюя между собой…

Мой пикап подъезжал к молчаливой стоянке автомобилей. Вокруг бродило множество солдат с автоматами Калашникова и овчарками на цепях. Лица солдат были каменные, лишённые эмоций.

На въезде был установлен шлагбаум и бронированная коморка охранника. Сам служащий был одет в стандартную милицейскую форму и сонно торчал из земли рядом с механизмом, поднимающим шлагбаум. Я просунул через опущенное боковое окно свою

карточку участника. Тут же я отметил про себя, что невероятно сильно волнуюсь, а руки дрожат.

Страх окутывал меня, начиная с момента выезда из Москвы. Какое-то липкое напряжённое чувство, которое заставляет иногда вздрагивать, как от холода. Когда я уже был в километре от назначенного места, страх перешёл все границы. Меня била дикая дрожь, я вспотел, началась истерика, и даже галлюцинации…

«Господи, я даже до стартовой линии не дойду! Боже мой…»

Но охранник вставил карточку в специальное устройство, оно удовлетворённо пикнуло, он кивнул, и шлагбаум стал подниматься. Я въехал на стоянку…

Здесь предстояло оставить…

(навсегда)

… машину…

(навсегда)

«Да заткнись ты!»

(навсегда)

«Я не буду думать об этом!!! Главное, сохранять спокойствие духа! И всё!»

Пикап припарковался между двумя фургонами. Тот, который слева, был пустой. А правый лихо раскачивался и явно не на ветру.

«Ну и придурок! - подумал я. – Совет тринадцатый: берегите энергию любыми способами!»

Я оставил свой автомобиль, даже не оглянувшись. Я надеялся, что вернусь сюда.

За стоянкой располагалась открытая асфальтированная площадка. Я увидел множество людей, которые стояли вокруг, разбившись на маленькие группы.

«О, боже… О, боже… О, боже…»

Я видел Её. Я видел Дорогу. Я видел черту – свежую, ровную и ярко-белую - стартовую линию. Здесь всё начнётся…. И для девяноста девяти человек она станет символом смерти…

Дорогу я представлял себе совершенно другой. Я ожидал увидеть её в солнечный день – раскалённую, шероховатую, уходящую вдаль за горизонт, где её уже еле-еле видно из-за пара и знойного колыхания воздуха…

Но нет, она предстала передо мной в совершенно ином обличии. Её отреставрировали. Идеально чистый и гладкий асфальт чёрного как сажа цвета…. Она выглядела как грязный уродливый рубец на истинном чистом лице природы…. Грозные тучи покрывали дорогу и местность вокруг серым мраком своих теней…. Горизонта не было видно – мир вокруг стоянки для автомобилей был охвачен непроницаемой пеленой страшного тумана…

- Ну, как тебе Она? – раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся и увидел мужчину ростом чуть выше меня с широкими плечами, мускулистыми руками и коротко бритой головой. В первую секунду, я подумал, что это тот самый Короленко Александр, но потом увидел фамилию на майке незнакомца.

- Калашников, 22-ой номер, - сам прочитал вслух мужик, улыбаясь и протягивая руку в знак приветствия. – А ты, насколько я понимаю, Миронов Гриша? Номер… 59-ый, я прав?

- Откуда ты…

- Не удивляйся. Я уже весь список участников выучил. Все фамилии знаю и практически всю информацию о людях… - с гордостью начал рассказывать о своих знаниях номер 22-ой.

«Сомневаюсь, что ты знаешь много о моей предыдущей работе»

- … например, самый младший из нас всех – вон тот паренёк с номером 40 на майке и фамилией Куклин. Ему недавно 18 только стукнуло. Вон он там возле «мазды» стоит с родителями. А самый старший – это вон тот дед, номер 42-ой, а фамилия - Кучук. Он –

невероятный дурак, который додумался попытать удачу в тяжёлых армейских ботинках! Мне кажется, что они вдвоём получат билеты быстрее всех… - подвёл итог Калашников.

- А где вы взяли… - начал я, но мой болтливый собеседник опять перебил меня.

- Майки раздают вон на той стороне стоянки. Ты, кстати, поспеши – уже без пятнадцати. Скоро скажут напутственную речь, и начнётся Прогулка…

Я поблагодарил Калашникова, и двинулся в сторону, где раздавали майки с номерами и фамилиями. Здесь толпилось больше всего людей, они надевали выданную одежду. Один худощавый парень закатил истерику, потому что ему дали тринадцатый номер.

- Ладно, если в списке тринадцатый, но я не хочу идти под этим номером всю Долгую Прогулку! – кричал раскрасневшийся парень. Я заметил на его шее крестик на золотой цепочке. – Я требую поменять мне номер или не выдавать эту майку!

- Господи, да что ты паришься по пустякам! – бросил кто-то со стороны.

- Для тебя, может, и пустяк! А для меня это очень важно! – кричал Дьяченко, номер 13-ый. – Я и так по жизни невезучий, а тут ещё и под знаком чёртовой дюжины идти нужно…

- Дьяченко, Совет тринадцатый! Экономь энергию при любых обстоятельствах! – крикнул кто-то сбоку. Окружающие слушатели улыбнулись.

- НОМЕР ТРИНАДЦАТЫЙ! – загремел рупор где-то неподалёку. – ОБЪЯВЛЯЮ СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ВАС! ВСЕ УЧАСТНИКИ ИДУТ В МАЙКАХ ДО ОТМЕТКИ 10 КИЛОМЕТРОВ. ЭТО ИЗДАВНА УСТАНОВЛЕННАЯ НОРМА, С НЕЙ НИКТО НИКОГДА НЕ СПОРИЛ! ЕСЛИ ВАС ЧТО-ТО НЕ УСТРАИВАЕТ – ОБРАТИТЕСЬ К НАЧАЛЬСТВУ, ЕСЛИ У ВАС НАЙДЁТСЯ СВОБОДНАЯ МИНУТА!

«Хм, логично. Через восемь километров зрителям можно будет смотреть на Идущих, а, значит, корреспондентам и операторам вполне хватит времени рассмотреть участников в довольно свежем виде»

Парень озлобленно швырнул майку на грязный асфальт, крепко выругавшись. Потом, через некоторое время, опять подобрал и принялся отряхивать её. Некоторые участники с каким-то злорадным любопытством наблюдали за ним.

Я подошёл к столу, за которым сидел мужчина с несколькими рациями и рупором. Рядом лежали майки – осталось четыре штуки. Я подошёл к нему вместе с каким-то полненьким мужчиной.

- Что-то опаздываете… - проворчал человек с рупором, делая какие-то пометки в толстом журнале. – Берите, одевайте так, чтобы номер и фамилия были спереди.

- Как-то глупо… - удивился толстяк. – Может, всё-таки номер на спине должен быть?

Он взял майку с номером «один». Абажуров.

«Тоже претендент на быстрое выбывание, - подумал я. - Хоть вес и не играет в Прогулке большой роли, но, я думаю, в данном случае будет исключение. Он, наверное, даже не знаком с понятием выносливости… »

Человек с рупором ничего не ответил Абажурову. А я решил, что всё правильно – ведь у всех Идущих рюкзаки будут заслонять спины, а на груди тогда можно хоть объявления вешать…

Я взял свою майку. Здесь присутствовал мой номер, нарисованный гигантскими красными цифрами, и две надписи сверху и снизу от него: «Миронов», «Участник Долгой Прогулки». Я снял свою старую и надел эту. Старую не знал, куда девать, поэтому просто бросил её на землю и запихнул ногой под какой-то рядом стоящий автомобиль. А что? Я ведь спустя пару суток буду или трупом, или миллиардером. Тогда какого чёрта мне сдалась эта серая дешёвая майка…

Подул ледяной ветер, я поежился. Он принёс мне обрывки разговора стоящих неподалёку людей – номера 40 и его матери.

… Он почувствовал вину. Куклин Василий в свои восемнадцать уже знал кое-что о чувстве вины. Но его мать, в свою очередь, знала, что он слишком устал, слишком напуган или слишком далек от её взрослых страхов, чтобы остановиться, прежде чем заработает громоздкая безжалостная махина государства с её охранниками в хаки и компьютерными терминалами.
Он положил руку ей на плечо.
- Это мое решение, мама. Я… - он оглянулся. Никто не обращал на них никакого внимания. - Я люблю тебя, но мне придется это сделать, так или иначе.
Уже мягче номер 40 сказал:
- Пускай все идет, как идет. Ладно, мама? — он заставил себя улыбнуться. - Ладно, - он же ответил за нее.
Ее подбородок ещё дрожал, но она кивнула. Просто было уже слишком поздно, и она тоже это понимала...

- ВНИМАНИЕ! – опять загремел рупор. - ПРОШУ ВСЕХ ПОСТОРОННИХ ЛЮДЕЙ, НЕПРИЧАСТНЫХ К ИГРОВОМУ ПРОЦЕССУ, ПОКИНУТЬ СТАРТОВУЮ ЗОНУ! РОДИТЕЛИ, ЗНАКОМЫЕ, ДРУЗЬЯ, РОДСТВЕННИКИ! ПРОВОЖАЮЩИЕ! ПРОШУ ВАС ПОКИНУТЬ СТАРТОВУЮ ЗОНУ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ! ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИ ЖЕЛАНИИ НАБЛЮДАТЬ ЗА КАЖДЫМ ИЗ УЧАСТНИКОВ ЗА ЭКРАНОМ СВОЕГО ТЕЛЕВИЗОРА В СПЕЦИАЛЬНО ОТВЕДЁННЫЕ ПРОМЕЖУТКИ ВРЕМЕНИ! ПРИ СПЕЦИАЛЬНОМ ПЛАТНОМ ЗАКАЗЕ, ВЫ СМОЖИТЕ КРУГЛОСУТОЧНО СЛЕДИТЬ ЗА ИДУЩИМИ ИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ ФУРГОНОВ! А ТЕПЕРЬ ПРОШУ ПОКИНУТЬ СТАРТОВУЮ ЗОНУ! ВНИМАНИЕ, УЧАСТНИКИ! ПРОЙДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, К СТАРТОВОЙ ЛИНИИ!

Люди зашевелились. Самый молодой юноша вместе с отцом пытался успокоить разревевшуюся мать. Начали заводиться автомобили, люди прощались.

«Практически все, кто не один на стоянке – рыдают! Господи!»

И вправду – многие мужчины и юноши плакали, кто-то – во весь голос, другие прятали редкие слезинки кулаками, пытаясь не раскисать и не настраиваться отрицательно против предстоящего испытания. Остальные одинокие участники Прогулки хмуро молчали. Из раскачавшегося ранее фургона выскочил полуголый человек лет тридцати. Он поспешно одевался. В окошках фургона ему махали руками и посылали воздушные поцелуи две красивые девушки. Мужчина проводил взглядом скрывшийся за поворотом автомобиль, вытер слёзы, потом отправился к столу с майками, забрав предпоследнюю с номером 48 и фамилией Лобанов.

«Крепкий мужичок. Явно какой-нибудь футболист или боксёр. Хороший соперник будет…» - думал я, глядя на него.

Когда до начала оставалось девять минут все Провожающие покинули стоянку, а участники неуверенно столпились у белой черты. Основная масса тревожно молчала, глядя то на затянутую туманом дорогу, то на грозовые тучи, то на армейский фургон, пристроившийся рядом с Дорогой. В него по очереди залезали солдаты.

- А в США, кстати, они пользуются карабинами… - непонятно с какой целью выдал справку старик Кучук, глядя на АКМ у одного солдата, докуривающего сигарету.

- Никакой разницы, дед, - сказал парень с номером 75 и фамилией Павленко. – Об убойной силе не беспокойся, да и парни эти не промахиваются. Наше дело: идти и не останавливаться. Всё остальное не должно нас волновать…

Тем временем доносились какие-то недовольные приказы со стороны мужчины с рупором. Он кричал на кого-то по рации.

- Везите его на максимальной скорости! Он должен быть на старте сию минуту! Живее!

- Смотрите, - сказал Калашников, указывая на стол. Все участники подались вперёд, чтобы рассмотреть, что там лежит.

- О, господи… - проронил кто-то.

На столе лежала майка с номером «96» и фамилией «Фролов»

- Не завидую этому парню! – раздался басистый голос где-то сзади. Я обернулся и впервые вживую увидел легендарного Короленко. Колоссальных размеров машина-убийца, гигантские мускулы, накачанные ноги, широкая грудь и плечи. Очень непропорционально маленькая голова…. И, ясное дело, мозг вместе с ней…

«Ого, этот гигант, наверное, никогда не болел даже…» - с испугом подумал я. – «Чёрт, беру те свои слова обратно. Я думаю, что он пройдёт очень даже немаленькое расстояние…»

(до конца)

…до…

(до конца)

…заткнись ты…

(до самого конца)

… до своего билета!

- Его что… теперь убьют что ли?! – дрожащим голосом спросил низенький паренёк-очкарик с номером 18.

- Да нас всех тут убьют рано или поздно! – расхохотался Короленко и весело хлопнул сопляка по плечу, отчего тот согнулся, чуть ли не до земли. – Не сцать, Каштанка, в лес пойдём!

- Может, Долгую Прогулку начнут позже… - предположил стоящий рядом со мной Калашников.

- Такого никогда не было… - проронил я. – Прогулку никогда не переносили и не отменяли…

- ВНИМАНИЕ, УЧАСТНИКИ! – раздался голос, усиленный рупором. – ФРОЛОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ БУДЕТ ЗДЕСЬ С МИНУТЫ НА МИНУТУ, ПРОСЬБА ЗА НЕГО НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ! А ТЕПЕРЬ – ВНИМАНИЕ НА ЭКРАН!

- Больно переживали! - выкрикнул Короленко. - Меньше народу - больше кислорода! И больше шансов выиграть!

- И получить билет, - осмелился раскрыть рот кто-то с задних рядов. Короленко хмыкнул, обернулся, поводил взглядом по десяткам глаз, направленных на него, но ничего не сказал.

Мы начали оглядываться.

- Где экран?

- Какой экран?

И тут армейский фургон начал разворачиваться, поворачиваясь к нам другим боком.

- Ни хрена себе! – присвистнул кто-то.

- Да ладно, пацаны, у меня дома таких два… - усмехнулся Короленко, разминая ступни.

Вся боковая сторона фургона была заслонена гигантским плазменным экраном. На крыше фургона помимо спутниковой антенны были прикреплены две массивных звуковых колонки. Один из солдат включил «телевизор» и мы все встрепенулись от неожиданности.

На нас смотрел гигантский лик Главного. Это было очень простое и незапоминающееся лицо с усиками и в солнечных очках. В отражении их стёклышек можно было увидеть экран с изображёнными на нём человечками. Главный видел нас. Он хотел сам сказать вступительное слово.

- Раз-раз, меня слышно? – заговорил он на чистом русском языке.

Мы поспешно закивали. Сотня взглядов жадно пожирала лицо того, с кем вживую удастся поговорить только самому везучему из них всех…

- Ну что ж, парни, я приветствую вас. Я рад, что даже на других материках находятся такие смелые и безбашенные чуваки, готовые плюнуть в лицо судьбе!

По нашей группе пробежал гогот. Никто не ожидал, что Главный заговорит с нами таким языком…

- Я тут как раз свою команду несколько часов назад выпроводил, пока все живы и здоровы. Если не считать одного придурка, который забыл в туалет по-большому сходить – сейчас на корточках идёт со скоростью 4 мили в час.

Мы опять все дружно рассмеялись (хотя, догадывались, что вскоре это будет уже совсем не смешно). И только один мужчина с номером 75 и фамилией Павленко звучно хлопнул себя по лбу, выругался и побежал куда-то в сторону, расстёгивая брюки. Это вызвало новый порыв хохота.

- Ну, ладно, парни. Не буду вас больше задерживать. Помните Советы и Правила, и тот, кто будет следовать им, останется в живых и победит! Желаю вам достойной и интересной игры, а также успехов в пути! Пускай победит сильнейший!

«Аминь!»

- Да будет так! – прорычал Короленко, улыбаясь и выпятив вперёд свою грудь.

Лицо Главного исчезло, экран погас. Неожиданно на стоянку под грозный рёв мотора въехал военный грузовик. Из него выскочило несколько солдат, волоча за собой по асфальту худого юношу чуть старше 40-ого номера.

- А вот и Фролов, 96-ой номер, - прокомментировал Калашников, глядя на беднягу. Все участники внимательно следили за происходящим.

- Не троньте его! Я подам на вас в суд!!! Это незаконно!!! – раздался женский визг откуда-то издалека. Все обернулись и увидели женщину, которая нервно трясла решётчатое ограждение стоянки. Это, наверное, была мать Фролова. Сзади стоял автомобиль с раскрытыми дверями. На капоте сидел отец мальчишки – его лицо истекало кровью. Женщина рыдала и всё сильнее трясла несчастную решётку, понимая, что не в силах больше помочь сыну…. Неподалёку стоял один из охранников, который холодно наблюдал за незваной парой, готовый изрешетить их, если те попытаются зайти на запретную территорию…

- Господи, ребёнка забрали насильно! – воскликнул Кучук. – Боже мой…

Теперь всё стало ясно. Родители пытались спрятать сына от организаторов Прогулки, видимо, отнёсшись к этому совсем несерьёзно. Но всё было честно: даже если они не хотели, чтобы случайный отбор выбрал их сына, им необходимо было после этого в течение месяца сделать заявление об отказе от игры. Это была теперь вина родителей, что их сына обрекают на смерть. А смертью и вправду попахивало – он был без вещей и даже без нормальной обуви. На ногах были пушистые тапочки в виде розовых зайчиков. Несмотря на вымазанный в кровь и грязь вид, они всё ещё выглядели весёлыми и жизнерадостными…

Парня дотащили до стартовой линии через расступившуюся толпу участников. Добравшись до белой черты, его отпустили – тело небрежно…

«Как мешок с говном!» - подумал я.

… шмякнулось об асфальт. Парень не издал ни звука. Его лицо тоже было в крови, как и вся одежда. Его, наверное, били прикладами и дубинками. Руки пострадали больше всего – костяшки пальцев, сами пальцы, плечи и локти – всё было страшно изуродовано многочисленными ударами.

«Он сопротивлялся. Он держался за косяки дверей, за батареи, за перила…» - думал я, представляя всё это. – «Они били его, чтобы он не держался. Их задание было – довести парня ЖИВЫМ до старта Долгой Прогулки. Родители мешали им. Мать держала

мальчишку, вцепившись ногтями в кровоточащую кожу, она верещала. А её муж, отец мальчишки, полез на профессиональных солдат…»

Мне стало дурно. И не только мне – настроение участников, которое едва-едва улучшилось после речи Главного, сразу упало до минимальной отметки. А тут, в дополнение ко всему, раздался громкий голос над головами:

- ВНИМАНИЕ! УЧАСТНИКИ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ! ПОДОЙДИТЕ К СТАРТОВОЙ ЛИНИИ! ИГРА НАЧИНАЕТСЯ ЧЕРЕЗ 30 СЕКУНД! ПРОСЬБА НАСТРОИТСЯ НА СЕРЬЁЗНОЕ СОСТЯЗАНИЕ! ПОМНИТЕ: СОЛДАТЫ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ ТРИЖДЫ!

Толпа зашевелилась, выстраиваясь в шеренгу перед белой чертой. Я ещё ни разу не заметил, чтобы кто-то переступил её раньше времени. Вроде, за это не расстреливали. Так почему же? Неужели, Идущие просто боялись той атмосферы, того мира, того ужаса, который ждёт их по ту сторону черты? В том непроглядном молчаливом тумане?

Кто-то потыкал носком ботинка в рёбра Фролова. Солдаты минуту назад стянули с него грязную майку и натянули на окровавленное тело чистую с 96-ым номером. Теперь красных цифр почти не было видно из-за вновь перекрасившейся в такой же тон майки…

«Он первый из нас получит билет. Он не пересечёт даже стартовую черту. Он даже не откроет глаза»

Но чудо всё-таки произошло. Он очнулся. Избитые руки зашевелились, глаза разлепились, изо рта кровь потекла быстрее.

- ДО НАЧАЛА ИГРЫ ОСТАЛОСЬ 15 СЕКУНД! ПРИГОТОВЬТЕСЬ!

Мы подравнялись по линии. Ветер слегка переменился и стал дуть прямо нам в лицо, как будто протестуя, не давая нам сделать и шага.

- Господи, Господи, Господи, Господи… - тараторил под боком знакомый дрожащий голос. Это был Дьяченко. Я посмотрел на его майку и увидел, что суеверный мужчина сделал с ней. Этот придурок раздобыл где-то чёрный маркер и исправил в своём номере «тройку» на «восьмёрку», а для того, чтобы его не путали с восемнадцатым номером приписал перед номером «единицу». Получилось «118».

«Ну, ладно. Может, ему теперь легче будет…» - я вздохнул и решил полностью сосредоточиться на чёрной полосе исходящей из-под моих кед и уходящей в непроглядное облако обречённости, нависшее над дорогой.

- Чёртов ветер… - прошептал кто-то сзади, когда громкоговоритель начал отсчёт до старта.

- ДЕСЯТЬ! …

Между затихшими силуэтами обречённых людей возникла ещё одна. Фролов поднялся на дрожащие ноги. Некоторые с жалостью покосились на него. Он был весь в крови. 96-ой номер еле держался на ногах.

«Кровотечение добьёт его быстрее, чем сотрутся в пыль его пушистые тапочки!» - подумал я. Следом за этой мыслью я услышал, как стучат мои зубы…

- ДЕВЯТЬ! …

Фургон, наполненный солдатами, завёл двигатель, выхлопная труба брезгливо выплюнула комок чёрного дыма, подхваченного ветром и развеянного у нас над головами.

Раздался звонкий щелчок. Один из солдат проверял обойму своего автомата.

- ВОСЕМЬ! …

- Я смогу это сделать… - проронил Калашников тихим шёпотом себе под нос, но его услышали все.

- А я смогу ещё присунуть твоей жирной мамаше, когда стану миллиардером! – громко пробасил Короленко откуда-то сзади.

Все молчали. Даже Калашников.

- СЕМЬ! …

Гробовое молчание продолжалось.

- ШЕСТЬ! … ПЯТЬ! …

- Стойте! – раздался неожиданный крик откуда-то сбоку. Все участники оторвались от своих печальных мыслей и повернули головы в сторону. Крик принадлежал 75-ому номеру – Павленко Юрию. Он всё ещё находился за одним из ближайших столбов, доделывая своё «грязное» дело. – Продлите ещё на минутку, пожалуйста! У меня запор!

- ЧЕТЫРЕ! – всё также продолжал выкрикивать человек с рупором, прекрасно видя участника, забывшего сходить в туалет заранее.

- Ну, пожалуйста! – сдавленно захрипел Павленко. Его лицо было красным от натуги. Но у него ничего не выходило, в прямом смысле слова…

- Дебил, бросай ты это дело!!! – выкрикнул кто-то из участников. – Тебя же расстреляют!

- ТРИ-И-И! – протяжно взвыл громкоговоритель.

«Его убьют, - странная уверенность пришла ко мне внезапно. - Его убьют прямо на старте. Его убьют с застрявшим куском дерьма в заднице. Его переживут и 40-ой малыш и 42-ой старикашка. Даже 96-ой получит билет позже!»

- ДВА-А-А-А-А! – кричал мужчина в рупор.

Один из солдат снял предохранитель с автомата и выпрыгнул из фургона. Он шёл к обречённому человеку. Другие солдаты внимательно следили за участниками. Особенно им нравился тот, который истекал кровью в розовых тапочках.

- ОДИН! – коротко и тихо проговорил рупор.

Мотор фургона заревел, машина тронулась. Все участники дружно оторвали по одной ноге от земли, занеся в воздух для первого шага…

Солдат обходил в столб, держа автомат нацеленным пока ещё вниз.

- Идите без меня! – с трудом выговорил Павленко, сидя на корточках. Его колени ужасно дрожали…

«Как будто тут его кто-то собирался ждать!» - усмехнулся я.

- МАААААРШ! – заорал рупор.

И мы ступили за черту.… Сначала первая шеренга, потом и остальные…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОМУ!

- Сейчас, сейчас… - прошептал вспотевший мужчина. – Я… Я почти родил…

Я думал, что вначале будут вручать больше всего предупреждений, ведь начали марш все вместе, одновременно. Но, как ни странно, Идущие быстро растянулись в длинную свободную цепочку, где каждый участник занял удобное для себя место. Старт был тяжёлым, морально тяжёлым. Но едва мы начали идти, стало легче. Казалось, что самое сложное уже позади. Теперь – только Дорога. Только Путь. Вперёд и ещё раз вперёд…

- Как там наш сруль? – спросил Короленко и развернулся спиной вперёд, продолжая идти с той же скоростью. Практически все поступили также, всем было интересно, чем закончится история с Павленко.

- У него ещё в запасе пятнадцать секунд до следующего пре… - начал было Калашников.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОМУ! – рупор был беспощаден. Солдат стоял рядом с мужчиной, в одной руке у него был хронометр из нержавеющей стали, в другой – секундомер.

- Давай, 75-ый! – крикнул кто-то из Идущих. – Брось этому уроду в лицо куском дерьма!

- Да он что, быка съел?! – спросил очкарик Иванов, Идущий под номером 18.

Пятнадцать секунд подходили к концу. Мы всё дальше отходили от стартовой линии. Что происходило за тем проклятым столбом – стало абсолютно непонятно.

В душе мне стало ужасно жалко беднягу. Хоть он был и соперник, но так погибнуть… в самом начале.… Нет, это очень несправедливо…

Не в силах на это смотреть, я повернулся и уставился вперёд. Я заметил, что многие, идущие впереди поступили точно также. Кому-то не было до этого дела, кто-то следил за дыханием, а кто-то просто не мог вынести этого.

Короленко всё ещё шёл спиной вперёд.

- Ну, давайте, убейте его! – выкрикнул громадный мужик в воздух, сложив ладони рупором. – Да прошло уже пятнадцать секунд!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! – проговорил теперь уже такой далёкий громкоговоритель…

- Правильно! Давайте убивайте его уже!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ! – заговорил новый громкоговоритель рядом с Идущими. Звук исходил из колонок на военном фургоне. Солдаты лениво перевели безразличные взгляды на Короленко, случайно сбросившего от радости скорость.

- Это тебе сказали! – кто-то хлопнул силача по плечу. Тот ускорился, злобно скалясь в сторону фургона.

- Я вам ваш хронометр в жопу засуну! – процедил он сквозь зубы в сторону солдат. Парни в форме безучастно молчали. Один поглаживал автомат и глядел в сторону, где остался Павленко…

- Господи, 96-ого и вправду убьют! – воскликнул Калашников. Он всё ещё шёл спиной. – Блин у него ещё секунд пять осталось…

Я тоже решил опять развернуться. Горизонт был пуст. Стоянка начинала потихоньку скрываться за пеленой тумана…

«Ну, вот и всё. Прощай Павленко!» - мелькнула мысль.

И тут, неожиданно для всех, в далёком тумане возникла смутная тень. Он бежал!

- Он жив! – закричал кто-то.

Все удивлённо зашептались и развернулись спиной вперёд, чтобы посмотреть на удачно покакавшего человека. Короленко нахмурился, но тоже смотрел. Даже солдаты из фургона на секунду оторвали взгляды от Идущих и взглянули на отставшего участника.

- Я сделал это! – кричал Павленко вне себя от радости. Портфель смешно болтался за ним при беге. – Я сделал это! Я успел! Да! Я успел!

- Но у него целых три предупреждения, - сказал мужчина с номером 24 и фамилией Карасев. – Ему теперь три часа нужно идти не останавливаясь, чтобы его не убили!

Все это понимали и без слов 24-ого номера. Павленко уже почти догнал ушедших вперёд соучастников.

- Я сделал это! Я всё-таки это сделал! – кричал он. Лицо, залитое потом, было наполнено радостью. – Я сделал это!

- Смотри не обосрись от счастья! – тихо проговорил Короленко, разворачиваясь лицом по направлению пути. – Небось, даже не подтёрся…

- Я сде…

Идущие услышали странный заплетающийся звук, и скрёб чего-то твёрдого по асфальту. Те, кто успел обернуться в ту же секунду, могли заметить испуганное лицо Павленко, которое уже через долю мгновения со всего разгона врезалось в холодный асфальт, орошая его брызгами крови из размазанного носа и осколками зубов…

Он споткнулся. Или оступился. Это не имело уже значения. Он упал. А стрелка на хронометре одного из солдат перестала дёргаться и плавно опустилась на отметку ноль…

… Павленко медленно поднимает изуродованное лицо, отрывая его от окровавленного камня…

- Я …

Это всё, что он успел прохрипеть до того, как один из автоматов Калашниковых простучал по барабанным перепонкам окружающих несколькими смертоносными ударами…

… кто-то от неожиданности даже остановился…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОМУ!

Идущие молча развернулись и зашагали в гробовой тишине, немного ускорившись. Только лениво урчал мотор фургона. Дьяченко медленно вытащил крестик из-под майки и поцеловал его, что-то прошептав.

Сзади донеслась ещё одна короткая очередь. Контрольный выстрел. Где-то впереди слышны были чьи-то всхлипывания…

- Девяносто девять! – довольно громко сказал вслух Короленко. Он улыбался и весело шагал навстречу холодному ветру и тающему туману.

Эти слова подтвердились оглушительным раскатом грома. Казалось, по небу перекатилось на бок какое-то колоссальное чудовище. Вскоре, спустя пару минут, до Идущих долетели первые капли холодного дождя…

Глава 3: Зонтики

«Мне нравится участвовать в этом. Правда, многие считают меня шизофреником потому, что вне сцены я совсем не такой, как перед камерами…» (Николас Парсонс)

Они животные, правильно. Но почему ты думаешь, что мы - люди?
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

6.33

Дождь ещё не лил как из ведра, но, видимо, как раз над этим раздумывал. Капли были редкие, но какие-то слишком большие и очень холодные. Одна такая попадает тебе за шиворот, и ты готов проклинать весь белый свет, так как ощущение неожиданного ледяного душа просто ослепляет мозг. Идущие немного копошились, извлекая из рюкзаков куртки. Самые расчетливые взяли полиэтиленовые прозрачные накидки, занимавшие мало места и лучше державшиеся против дождя. Я был среди последних.

- Я сделал это! – вновь донёсся знакомый крик сзади. Ряды Идущих вздрогнули, все стали удивлённо оборачиваться. Я тоже решил обернуться, полагая, что у меня начинаются галлюцинации.

В задней части цепочки брёл невысокий парень лет двадцати трёх с цифровой видеокамерой в руках. Он просматривал запись. Идущие недовольно глянули на хозяина предмета, затем молча продолжили путь…

… до того момента, как в записи не прогрохотали выстрелы …

- Да убери ты это говно! – заорали некоторые.

- Парень, ты маньяк что ли?! – крикнул Лобанов, 48-ой номер.

Номер 100 пристыжено улыбнулся, спрятал камеру в чехол и оставил висеть на шее, прикрыв краями недавно надетой курточки от капель дождя.

- Я фильм снимаю о Долгой Прогулке, - сказал 100-ый номер, Ященко Денис. - Так сказать, «взгляд изнутри»…

Это услышал Короленко и с любопытством развернулся спиной вперёд, продолжая движение.

- И ты, может, думаешь, что дойдёшь до конца и выставишь этот фильм на показ?

- Вполне возможно… - начал было Ященко, но Короленко его перебил.

- Ха-ха-ха! – Александр просто согнулся пополам. – Давай, может, поспорим, что ты, рахит, погибнешь ещё в первой двадцатке!

- Не буду я спорить с тобой, - с улыбкой промолвил Ященко. – Я фильм снимаю, потому что он будет пользоваться очень большим спросом…

- Господи, так Победитель и так становится миллиардером! – во весь голос закричал Короленко, надрываясь от хохота и опять не дав договорить мысль сотому номеру.

- Короленко, ты обладаешь очень слабой логикой: во-первых, быть может, я снимаю сам для себя (просто хочется), во-вторых, а ты не подумал, что если я буду подыхать, я просто передам родителям и жене в толпу свою камеру, а там уже будет достаточно информации, чтобы сделать их миллионерами.

Короленко скривился от злости. Он остановился, затем быстро зашагал к сотому номеру в обратном направлении движения.

- Слабая логика, говоришь? – процедил он сквозь зубы. Чёрная как глазница черепа ветровка только предавала ещё больший эффект его ярости.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ! – раздалось над головами Идущих.

- Бля! – злобно ругнулся Короленко, резко развернувшись и вновь зашагав вперёд, так и не дойдя до вмиг вспотевшего номера 100. Силач посмотрел на часы и снова выругался. – Твою мать, я думал один час прошёл уже… - затем он повернул голову в сторону и крикнул Ященко. – Тебе через час пизда, я тебе обещаю!

- Утю-тю-тю-тю! – передразнил Ященко, улыбаясь во весь рот, хоть и проскакивали дрожащие нотки. – Какие мы злые и нехорошие!

Короленко просто пыхтел от злобы, но третье предупреждение получать не хотел.

«Бедный Ященко. Вряд ли за него кто-то заступится…» - подумал я. – «А он тоже – совсем не такой как большинство…. Хотя бы потому, что у него единственного из всех участников на майке три цифры…»

Ященко топал где-то сзади, опять включая камеру. Идущие смотрели в сторону от дороги, где вдалеке на небольшом холме происходило какое-то непонятное действие. Видны были плакаты «КОРОЛЕНКО-ПОБЕДИТЕЛЬ», «КОРОЛЕНКО АЛЕКСАНДР – ЛУЧШИЙ», «МЫ – ЗА КОРОЛЕНКО!». Под гигантскими плакатами суетились люди: гражданские и много солдат. До ушей Идущих ветер донёс пулемётную очередь…

- Суки, что они делают с моими фанатами?! – заорал Короленко, ускорившись.

- Им нельзя находиться в радиусе четырёх тысяч метров от дороги до того, пока мы не пройдём восемь километров, - выговорил Калашников. – Ни фанатам, ни родителям, ни корреспондентам. Никому!

Короленко промолчал, яростно шагая по мокрому асфальту и глядя вдаль. Вскоре Дорога завела нас в какой-то лес, и холм пропал из вида.

- А случайно не Москва будет через пять километров? – спросил Кучук, старик, идущий в тяжёлых армейских ботинках.

- Москва, - подтвердил кто-то.

- Москва… - протянул Ященко. – Миллионы жителей…. Они будут стоять вдоль всей нашей Дороги через город! Будут салюты! Залпы из орудий на Красной Площади! Красота!

- А в прошлой Долгой Прогулке разве они через Москву шли? – спросил я. - Меня тогда не было, я в США смотрел за Западной Прогулкой.

- Нет, только еле-еле пригород задели, но народа всё равно было немало, - сказал Калашников, кутаясь в непромокаемую куртку. Он посмотрел на сверкающие молниями тучи и сказал: - Тогда была солнечная погода. Все участники были ещё живы. Людей собралось на тротуарах столько, что, по-моему, говорили о том, как где-то асфальт провалился в метро…. Представляете? В Москве первого из Идущих убили. Он полез к зрителям, чтобы что-то взять у кого-то. Солдаты, наверное, подумали, что он хочет сбежать и изрешетили беднягу, не выдав даже ни одного предупреждения…

«Да. Им это сходит с рук при любом раскладе…» - подумал я, вспоминая нюансы своей старой профессии. – «А ещё денег платят много за каждое выданное предупреждение или убийство. Правда, отнимают столько же, за признаки подачи эмоций. Таковы правила…»

Я покосился на парней с автоматами, скучающих в фургоне. Трое следили за хронометрами, ещё пятеро просто глядели в оба за Идущими. Я узнал одного из солдат – да, точно, я помнил его. Он нередко сидел рядом со мной в кузове грузовика с карабином в руке. Мужик был высоковат, с короткими волосами и очень суровым взглядом. Я с ним заговорил только однажды, и то не на Прогулке, а за месяц до этого на Генеральном Совещании Организаторов. Нам рассказывали Правила Игры, Устав Игры, Служебные Правила и Законы. Мы тогда долго сидели в зале ожидания перед началом. Все скучали, кто-то играл в карты, кто-то просто общался. Мы разговорились с этим солдатом, правда, теперь я совсем не помнил, как его зовут. И всё же, быть может, он меня ещё помнит…

Я поравнялся с военным фургоном, делая вид, что рассматриваю погоны солдат и их обмундирование. Суровый мужчина покосился на меня. Я взглянул ему в глаза. На сонном уставшем, но всё же очень хмуром лице, не было написано никаких эмоций. Он даже вида не подал, что знает меня. Или просто по-настоящему забыл.

Один из сидящих солдат щёлкнул, снимая автомат с предохранителя, отчего я поспешил отойти подальше.

- А до Беларуси Идущие не дошли? – спросил Куклин, 40-ой номер.

- Да ты что! – рассмеялся Калашников. – Там столько пилить – тебе и не снилось! Мы не дойдём…

- А я слышал, что Дорога заканчивается в городе Могилёве в Беларуси… - продолжал парень.

- У Дороги есть конец?! – удивлённо спросил старик Кучук.

- Конечно, есть! 99 трупов – вот её конец! – выкрикнул какой-то молодой парень с номером 21. Казаков.

- Нет, вообще-то малыш прав, - подтвердил слова 40-ого номера Калашников. – Дорога не бесконечна. Она охраняется до определённой точки, которая путём несложных расчётов считается недосягаемой. То есть ни один человек на планете Земля не сможет дойти до конца из-за ограниченной выносливости и жизненных сил.

- Вот, блин, дык получается, что… - задумался Куклин, невидящим взором уставившись в асфальт.

- Да, - ответил ему Калашников. – Получается, что Могилёв твой теоретически просто недосягаем. Мы не дойдём туда, ни один из нас…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТОМУ!

Афанасенко хромал, стремительно теряя скорость.

- Твою мать! Что у меня с ногой?! Всё же было нормально! – на лице парня явно читался невероятный испуг.

- Может, нерв пережало как-то? – спросил его Иванов, юноша в очках. Казалось, что ему жалко всех и каждого. – Или спазм какой-то, просто ногу разотри хорошенько…

- Да, блин, я её не чувствую… одеревенела… - кричал номер пятый. - Как костыль какой-то! Чёрт, давай же, давай! …

Он бешено растирал ногу и хлопал по ней руками. Афанасенко всё ещё шёл на запрещённой скорости, пятнадцать секунд истекали. Идущие молча обгоняли его, не в силах ему помочь. Рядом оказался идущий в конце Ященко, он немного сбросил скорость и тоже получил пока что первое предупреждение. Он снимал на видео крупным планом искажённое лицо Афанасенко.

- Да отстань ты от него! – раздражённо крикнул Калашников.

- Стой, не надо… - я попытался задержать его, но накачанный номер 22 направился к Ященко. Я схватил его за плечо, пытаясь удержать, но в итоге мы потеряли скорость…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ!

- Вот блин! – злобно воскликнул я, пообещав себе, что больше никому не буду помогать, и никого не буду останавливать. Хочет Калашников быстрее получить билет – это не моё дело. Я, не оглядываясь, зашагал вперёд, ускоряясь…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ!

- Да что ж такое! – кричал Афанасенко, растирая онемевшую ногу. Он даже не обращал внимания на объектив видеокамеры в пяти сантиметрах от своего носа.

Ященко снимал видео с довольной ухмылкой на лице. Неожиданно к нему подошёл Калашников и отвесил увесистый подзатыльник. У оператора даже в глазах потемнело от силы мужчины. Любой другой выронил бы камеру, но Ященко перед началом каждой съёмки обматывал короткий ремешок вокруг своего запястья.

- Да плюнь ты на эту ногу! – крикнул кто-то спереди. – Расстреляют же!

Ященко и Калашников встрепенулись, глянули на солдат, выпрыгивающих из фургона под моросящий дождь. Они направлялись к Афанасенко. 22-ой и 100-ый номера поспешили отойти от обречённого участника. Ященко всё ещё снимал происходящее…

- Ладно… - прохрипел 5-ый номер и ускорился, хромая и держась одной рукой за ляжку. – Буду идти так…. Может, отпустит…

- Смотри осторожнее! Не споткнись! – крикнул ему Калашников. Он ещё раз недовольно глянул на Ященко, продолжающего снимать на камеру происходящее вокруг, покачал головой и решил нагнать меня. Я как-то и не заметил, что мы почти сдружились с этим накачанным общительным человеком.

«А как же твой план? А? Ты же собрался пройти Долгую Прогулку в гордом одиночестве! Ведь главное: равномерный поток мыслей, равномерное мягкое дыхание, никаких лишних движений при ходьбе…»

- Я думаю, что 5-ый номер будет следующим, кто получит билет, - тихо сказал мне на ухо Калашников.

- Кто знает: Долгая Прогулка – очень непредсказуемая игра… - высказал своё мнение я.

- А я бы хотел, чтобы побыстрее умер Короленко… - довольно громко проронил Калашников. – Да и Спилберг этот меня уже достал…

Некоторые Идущие, услышавшие всё это, понимающе улыбнулись…

«Чувствую, Короленко ещё нас переживёт…» - подумал я и как можно быстрее отогнал прочь мрачные мысли.

Один из солдат остался под дождём, идя неподалёку от Афанасенко. Бедняга знал, что за ним теперь внимательно наблюдают. Он шёл так быстро, как только мог. 6,4 км/ч – невероятно большая скорость для человека, которому свело ногу. Пятый номер закусил губу и смотрел только себе под ноги. Он шёл самым последним человеком из девяноста девяти участников, и практически всем было его жаль.

«Это очень просто идти, не спотыкаясь в обычное время, в обычной жизни. Но если на вас смотрит с сожалением сотня взглядов и наведено несколько автоматов, готовых разнести вам череп, если вы снизите скорость – тут становится очень тяжело. Это как пение: вы можете петь и красивее любой певицы, когда моетесь в душе, но, выйдя на сцену, вы вполне можете забыть, с чего начинается первый куплет…»

Вскоре о пятом номере забыли. Он вроде бы как влился в такт ходьбы, хоть и кривился иногда от боли.

- Сколько у меня теперь предупреждений? – неожиданно выкрикнул Короленко, поравнявшись с фургоном. Солдаты молчали: им было запрещено не только разговаривать с Идущими, но и просто подавать признаки того, что они слушают их. При этом вполне возможно, ни один из них не понимал русский язык.

- Суки, ответьте, снялось ли у меня хоть одно предупреждение? – выкрикнул Александр. – Эй, ответьте мне! – гаркнул он, постучав ладонью по металлическому корпусу фургона. В ответ на это один солдат вскочил и выпрыгнул из-под навеса, наведя дуло АК на лицо силача.

Короленко поспешил отойти, продолжая орать на солдат:

- Недоноски, я только время спросил! Козлы! Уже ведь час прошёл!

Он зашагал вперёд, а кто-то крикнул ему из задних рядов:

- Когда получаешь новое предупреждение, прошедшее время не засчитывается. Чтобы снять два предупреждения – надо идти два часа с момента получения второго! Это – новое внесение в Правила…

- Да ну?! – Короленко настолько удивился, что остановился как вкопанный.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Да ёбаны в рот! – выкрикнул в воздух Короленко, быстро ускорившись и достигнув скорости 7 км/ч. – Я ведь не знал! Не знал!!!

- Правила надо читать… - брезгливо поморщился Калашников, глядя на широченную спину Короленко, обгоняющего одно Идущего за другим.

- Ты ещё поговори мне! – донеслось издалека.

- Идём сюда! – крикнул в ответ Калашников и участники Прогулки расхохотались. – Идём сюда, подлый трус!

- Через три часа я тебя по асфальту размажу… - еле-еле долетал до задних рядов недовольный бас Короленко.

- Желаю, чтобы ты подвернул ногу! – уже не так громко проговорил 22-ой номер, маршируя рядом со мной.

Я улыбался. Короленко близок к получению билета…. Что может быть приятнее!

Дождь усиливался. Об этом говорила не только увеличивающаяся частота барабанной дроби по моей накидке – мир медленно погружался в темноту, в завесу ливня…

Проклятый ветер начал сильно мешать движению. До этого он дул как-то сзади, даже немного помогая ходьбе. Теперь же он стал самым главным врагом участников – ветер тормозил их, не давал свободно сделать шаг, бросал острые брызги прямо в неприкрытые лица…

Солдаты были безжалостны. Одно за другим сыпались предупреждения. В основном их получали те, кто ещё не имел ни одного, так как остальные уже знали свою меру.

Я посмотрел на часы. 7.30 утра. Минут через десять истекает предупреждение…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ!

Я был в шоке. Неужели я совсем перестал следить за скоростью?

- Вот блин, так это мне ещё два часа идти до снятия предупреждений?! – ужаснулся я. Мне, несмотря на возраст, неожиданно захотелось разрыдаться. - Это несправедливо. Время должно сохраняться…

- Всё в порядке? – спросил Калашников. Мы шли с ним теперь практически в ногу.

- Я случайно затормозил, посмотрев на часы… - оправдывался я.

- Осторожней надо быть, - серьёзным голосом проговорил мой сосед. - Думай о Дороге. Ты не в джакузи лежишь, не покидай нас надолго…

- Ладно, - усмехнулся я.

Вообще-то я пока не переживал по поводу себя. Несмотря на отвратительную погоду, два предупреждения и смерть одного из участников я всё ещё не боялся. Ну, может, немного и боялся. Но меня воодушевляло, что мои ноги послушны и совсем не устали. Я чувствовал лёгкость и относительную радость. Да, чёрт побери, да! Я шёл по самой ДОРОГЕ, был одним из самых известных людей на планете сейчас! Да, я сделаю их всех, получу громадную кучу «бабла». Воодушевлял меня и хромающий Афанасенко, мне его было хоть и жалко, но я понимал, что он – соперник. Он умрёт и другие умрут. Мне не нужно привязываться к ним. Я помню, как мне приходилось убивать участников, которых тащили их друзья, видя, что бедняги не сделают больше ни шага. Я понимал, что это высасывает силы и у помощников, а непоколебимый Совет Тринадцать гласил: «Сохраняйте энергию при любых обстоятельствах!»

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОМУ!

«Я на секунду задумался, кто это такой – уж слишком знакомым показался номер».

- А, так это Мистер Розовые Кролики! – улыбнулся Калашников.

Некоторые Идущие хохотнули, услышав это, но лично мне было совсем не смешно.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОМУ!

Он шёл где-то далеко впереди. Мы с Калашниковым немного попрыгали, пытаясь увидеть окровавленную майку.

Через несколько секунд прибежал слух, что парень идет, шатаясь по всей ширине дороги в полусогнутом состоянии. С него ручьями стекает кровь.

- Быстрей бы он умер, - проронил кто-то. Некоторые участники закивали: лучше бы парень не мучился, упал бы и получил билет. Ему уже ничего не светит – в тапочках далеко не уйдёшь…

- Смотри, - Калашников указал на гладкий асфальт. – Его кровь…

По чёрному мокрому асфальту стелилась багровая дорожка, еле-еле видная при таком плохом освещении во время грозы. Вспышки молнии выхватывали красные сгустки. Судя по их хаотичному расположению – парня реально шатало как на палубе корабля во время шторма.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

«Прощай, Фролов», - подумал я. – «Вот и всё, закончились твои мучения».

- Блин, надо только об него не споткнуться, когда упадёт… - тихо сказал Калашников, глядя со своего немаленького роста за происходящим впереди.

Оттуда долетел, прорываясь сквозь шум бури, отрывок песенки собственного сочинения Короленко:

Фролову выбили все кости –
Теперь нас – девяносто восемь!

- Если ещё раз он скажет что-нибудь подобное, нас станет девяносто семь! – прошептал Калашников. Я взглянул ему в лицо и понял, что мужчина не шутит. Глаза вглядывались вдаль, высматривая кого-то, злость напрягала его скулы.

- Береги энергию, - коротко сказал я. – Всё равно тут все умрут…

Но Фролов, видимо, ещё держался на ногах. Два солдата осталось возле нас, присматривая за хромающим Афанасенко, остальных убийц фургон повёз к тому концу растянувшейся толпы. Один солдат включил рацию и заговорил в неё на английском языке. Он запрашивал подкрепление. Ему ответили что-то по типу «оно вас ждёт дальше по курсу».

- Давай, 96-ой, держись! – воскликнул кто-то далеко впереди. – Ну же!

- Заткнись! – крикнул Короленко. – Пускай умирает! Будет знать, как под юбкой у мамаши прятаться!

Калашников резко перешёл на бег и помчался вперёд, расталкивая Идущих. Некоторые случайно останавливались и получали предупреждения. Абажуров (толстенький мужичок под номером 1) визгливо вскрикнул, узнав, что у него уже третье. Я долго раздумывал, и всё-таки решил догнать Калашникова, чтобы он не наделал глупостей…

Дождь лил как из ведра. Несмотря на накидку, я промок. Воды было столько, что она проникала через все возможные щели. Что успокаивало, так это то, что у всех соперников была та же ситуация.

«Победит тот, кто не простынет!» - решил я. – «А таблетки, если что, я прихватил!»

На моё удивление, Фролов ещё выглядел намного лучше, чем я представлял. Вода смыла много крови, поэтому его состояние выдавал только очень бледный вид. Калашников шёл рядом, помогая Фролову. Мистер Розовые Кролики уже стал Мистером Грязные Мокрые Кролики.

- Ну, как? – спросил я, поравнявшись с ними.

- Вроде живой… - сказал Калашников. Он вёл Фролова под руку.

- Воды… - прошептали мокрые губы парня.

- Воды! Дайте воды! – крикнул Калашников.

Армейский фургон ехал рядом с Фроловым. Солдаты ждали малейшего его замедления. Услышав слово «вода» они среагировали мгновенно – сразу подали флягу с прохладной чистой питьевой водой. Там этих фляг было полфургона.

- Пей, пей, - говорил Калашников, аккуратно вручая в дрожащую руку флягу. – Старайся идти быстро. Представь, что ты идёшь по городу и очень спешишь. Только представь! Представь, что время поджимает – перебирай ногами, быстрее, быстрее… - я узнал эти слова. Нас так учили на лекциях за месяц до Прогулки.

«Зря он так нянчится. Фролов не пройдёт и десяти километров…»

- Люди, а восемь километров мы уже прошли? – спросил мужчина с фамилией Зайцев и номером 17.

- Должны были, - сказал Любченко, 52-ой номер. - Слышите шум? Это шоссе – оно вон за тем холмом! – он указал вперёд. – Мы уже почти в Москве!

Я вгляделся вдаль. Тумана уже не было, но плотная завеса дождя не давала разглядеть ничего впереди. Наконец, я заметил высоко вдалеке очертания высокого холма.

- Это что, шутка?! – в ужасе спросил я. – Нам туда взбираться?!

- А ты наш маршрут не изучал что ли? – удивлённо спросил кто-то. - Это ведь ещё цветочки! Там впереди тако-о-о-о-е будет!

Моё настроение немного подпортилось. Фролов жадно пил воду, пока не поперхнулся. Он закашлялся, чуть было не остановившись.

«Ну, ты, 96-ой, и везунчик!» - подумал я, глядя, как вскочивший было солдат, вновь садится уже в который раз, ставя автомат на предохранитель.

7.50 утра. Дождь слегка утихал, пропал пронизывающий до костей ветер. Мы начали тяжёлый подъём на холм. Калашников держал Фролова за руку. Тот, судя по лицу, готов был умереть в любой момент.

«Я, конечно, понимаю, что он ведёт его исходя из какого-то необъяснимого принципа, но он расходует свою драгоценную энергию в никуда! Фролов, может, и пройдёт ещё немного. Может, даже переживёт несколько других участников. Да даже если пройдёт половину – что с того? Он уже ну никак не станет победителем!»

Наклон поверхности дороги был просто ужасающим. Опять посыпались предупреждения. Я увидел, как Короленко побежал вперёд, пытаясь взять холм с разбега.

- О, Господи… Я не поднимусь… - промолвил Абажуров. Его широкое тело шло рядом со мной. – Я не поднимусь! У меня уже все три предупреждения! Я не поднимусь…

- Попробуй бегом подняться, - посоветовал я.

- Ой… Я вряд ли смогу… Ох… - я видел как по его лицу, видимому из капюшона, скатываются капли пота. – Ох… Хана мне…

И он побежал. Я искренне пожелал ему удачи и тоже слегка ускорился. На собраниях участников Долгой Прогулки нам читали много лекций, говорили о многих проблемах в пути, например, о ходьбе в гору. Нас учили ускоряться как можно сильнее, так как скорость будет стремительно падать при подъёме вверх. Также нам не раз напоминали, что это смертельно опасная игра. Дело в том, что многие люди, достигнув вершины возвышенности, устав и истекая потом, с удовольствием останавливаются, даже забыв, что это запрещено. Вот почему нужно держать все Правила в уме в течение всей Прогулки. Несмотря на кажущуюся их простоту, они вылетают из человеческой головы мгновенно…

Мимо меня начали иногда пробегать Идущие. В основном все предпочитали просто взбежать на довольно крутой холм. Асфальтированная дорога стала как-то вилять при подъёме.

- Ай, ладно, - сказал я и тоже побежал, понимая, что можно было обойтись без этого. Лучше не нарушать Совет 13.

- Аааа! – закричал кто-то наверху. – Берегись!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ!

- Расступитесь! – крикнули там же.

Несколько Идущих передо мной очень быстро расступились, а я не успел даже ойкнуть, как был сбит катящимся человеком по склону горы. Я упал на краю Дороги, распластав ноги и руки по земле, чтобы не сорваться вниз, как неудачник, скатившийся чуть ли не с вершины холма.

«Заебись!» - мелькнула ужасающая мысль.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! – кричал рупор из фургона, который полз неподалёку. Солдаты повыскакивали из него: один стал идти рядом со мной, другой – с Абажуровым, третий – с Короленко, четвёртый – с Афанасенко, пятый – с Фроловым.

«Как я оказался в этой группе неудачников с тремя предупреждениями?!» - думал я. – «Господи, мы даже десять километров ещё не прошли!»

Я заволновался. Солдат молча взбирался на холм рядом со мной, автомат пока смотрел солдату под ноги…

Катящийся человек достиг подножия холма. Руки были в крови, майка изодрана. Портфель катился отдельно, его ремни разорвались…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Сейчас, сейчас… Уже, уже! – восклицал мужчина с двумя восьмёрками на груди, бегая по холму и лихорадочно собирая рассыпавшиеся из рюкзака вещи.

Он успел за пятнадцать секунд всё собрать и восстановить скорость.

«Явно челночный бег хорошо сдаёт!» - нервно подумал я.

- Миронов, ты как? – донёсся крик Калашникова с вершины холма.

- Три палки мне в жопу… - истерично крикнул я, поднимаясь наверх по скользкому асфальту. Некоторые участники рассмеялись…

- Давай сюда скорее, тут такой вид! Не пожалеешь! – крикнул Калашников, скрываясь за вершиной холма, так как ему нужно было продолжать движение.

Я разогнался до быстрого бега. Солдат отстал, но и так внимательно следил за мной.

Едва я достиг вершины, я чуть не остановился, и тогда бы точно получил билет. Вид был завораживающий.

- Москва… - прошептал я, продолжая движение вперёд и уже сразу начиная спускаться с горки. За спиной остались деревья, а впереди и до самого горизонта расстилалась сеть шумных магистралей. Десятки машин ехали по восьми полосам, въезжая в город. С вершины холма было видно, что наша чёрная дорога, практически не петляя, проходит через поле и состыковывается с одной из «веток» магистрали, движение машин на которой было перекрыто в связи с Долгой Прогулкой.

- Парни! Мы уже в Москве! Да! Еее! – кричали все, быстро сбегая по тёмному асфальту с холма.

Казалось, даже Фролов радуется этому. Он уже шёл один. Калашников немного вырвался вперёд. Я надеялся, что он не будет пререкаться с Короленко, если они опять окажутся бок о бок. Два широкоплечих силача…. С другой стороны, пускай они замочат друг друга. Хоть чуточку приблизится конец Прогулки…

Дождь всё ещё не закончился, но явно стал меньше. Гром продолжал иногда сотрясать небосвод, а молнии грозно сверкать, на долю мгновения освещая радостные лица – участники очень воодушевились из-за приближения к столице Российской Федерации.

И тут среди сотен звуков, издаваемых окружением, я услышал новый.

- Вертолёт! – закричал кто-то. – Смотрите! Это же ВВС!

Вертолёт американской новостной компании ВВС приближался к Идущим. Вспышки молний отражались от металлического корпуса, ослепляя участников. Одни солдаты стали вновь выдавать предупреждения (ещё одно добавили Калашникову) засмотревшимся игрокам, другие солдаты преклонили колени и стали целиться в вертолёт. Прогрохотала короткая очередь. Не ясно было – попали они или нет, но вертолёт резко начал уходить в сторону, разворачиваясь и улетая.

- Что они делают? – удивился Короленко. До этого он радостно прыгал, размахивая руками в камеры, расположенные на вертолёте.

Солдаты не отвечали, продолжая следить за Идущими.

- Мы, наверное, восемь километров ещё не прошли… - сказал Калашников. – Ещё никому нельзя к нам приближаться…

Дальше Идущие молчали. Фролов начал покашливать и ёжиться. Калашников заметил, что у него трясётся всё тело. Немного поколебавшись, он вручил Фролову свою куртку, оставшись в одной майке с двумя двойками. На мой укоряющий взгляд он ответил:

- Мне не холодно под этой накидкой пока ветра нет. Да и ещё у меня кофта есть…

Рядом со мной безучастно топал Куклин, паренёк под 40-ым номером. У него в ушах были наушники, из которых даже на расстоянии нескольких метров можно было услышать какую-то страшную брутальную мощную несвязанную музыку. А лицо между тем было абсолютно спокойное, глаза задумчиво упёрлись вдаль…

«Наверное, даже не слышал, что вертолёт пролетал мимо…»

- Как ты думаешь – умрёт кто-нибудь, пока мы будем пересекать город? – спросил кто-то у Калашникова. 22-ой номер стали уже принимать за всезнайку.

- Откуда мне знать, - рассмеялся мужчина. – Может, и умрёт кто-нибудь. А может, и нет. Не знаю. Быть может, я сам свалюсь где-нибудь на Красной Площади, не в силах пошевелить ногой…

- Ну, это вряд ли, - усмехнулся спрашивающий и ушёл вперёд.

Я рискнул ненадолго обернуться, стараясь не снижать скорость. Сзади шли Абажуров и Афанасенко. Афанасенко старательно удерживал скорость, сильно хромая. Абажуров просто довольно медленно шёл. Я хотел крикнуть «ускорьтесь, парни», но потом в силу обдумывания ситуации решил, что они сами не дураки, а я не буду помогать всем кому попало.

- Блин, а нога-то у меня не проходит… - пожаловался сзади Афанасенко. – Не знаю, что делать…. Она онемела так, что мне кажется, нормальной больше никогда не станет…

- Глупости, - проронил Абажуров. – У меня такое пол часа назад было. И на старте ещё, когда… ну, этого… убили. Это от нервного напряжения. Ты успокойся… Главное, успокойся…

- Господи, да мы всего второй час только идём! Как это так?! Я же всю весну ходил, тренировался – нормально всё было… - Афанасенко всхлипнул.

Я пытался их не слушать. Меня могут пристрелить, если я снижу скорость. Надо идти. Надо представить, что я иду куда-то в повседневной жизни и очень спешу…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИНАДЦАТОМУ НОМЕРУ!

«Дьяченко, - вспомнил я. – Странный тип. Суеверный, раздражительный и нервный. Но всё-таки в нём есть что-то… что-то необычное. Может, это - его суеверность? Кто знает…. Но лично меня он скорее привлекает, чем раздражает. Быть может, он ещё покажет себя…»

Дождь продолжался, Долга Прогулка тоже…

- 8.00 утра, - сказал парень под номером 30 с фамилией Кирпиченко, когда у него запикал будильник на наручных часах. – Скажите, кто-нибудь, как так получилось, что мы за два часа прошли всего восемь километров? Мы вообще где-то тринадцать должны были пройти!

Никто не знал. Начали строить догадки:

- Солдаты явно не любят ВВС! – рассмеялся Ященко.

- Может, вертолётам запрещается наблюдать за нами? – спросил кто-то издалека.

- Вертолёты всегда наблюдают за Идущими! – сказал Афанасенко хриплым голосом, продолжая сильно хромать. – Как, по-твоему, нас по телевизору показывают круглосуточно?

- Это, наверное, потому людей нет, что погода плохая! – высказал своё мнение старик Кучук. – Дома сидят…

Идущие рассмеялись. Старик ещё долго потом шёл, думая, что он такого смешного сказал…

- А ты как думаешь? – спросил меня Калашников.

- Хм… - я немного помолчал. – Тут может быть два варианта. Первый: новое внесение в Правила – телекамерам и людям разрешено наблюдать за нами только через пятнадцать километров, например. Второй: ну… короче, Мир готовит нам сюрприз. Быть может, Москва будет абсолютно пустой вначале, а потом произойдёт какой-нибудь парад…

Некоторые одобрительно закивали.

- Ну что ж, увидим, - улыбнулся Калашников. – Хотя я считаю, что мы просто медленно идём, получаем предупреждения и так далее…

- Думаешь, что такая большая погрешность? – спросил кто-то.

- Да какая, чёрт подери, разница?! – вскрикнул Лобанов. – Наш путь не в метрах измеряется! И не в часах!

8.05

Идущие ступили на магистраль. Дорога увеличилась в ширину раз в десять. Восемь полос для автомобилей теперь были в полном распоряжении участников Прогулки.

- Чур, это моя полоса! – выкрикнул Короленко и стал идти по одной из них.

- О, блин, что это за штука?! – вскричал Козлов, 35-ый номер, за что и получил второе предупреждение, так как слишком сильно замедлил шаг.

- Это… это… - Калашников посмотрел на армейский фургон, взбирающийся на магистраль, затем на «штуку», потом, опять на фургон, опять на «штуку»…

- О, блин, так это в ней ездят солдаты! – воскликнул он. Я согласился с ним. – Но зачем тогда фургон?!

Этого никто не знал.

С другой стороны магистрали к нам приближалась странная установка на гигантских гусеницах, по бокам которой торчали тарелочки радаров. Установка напоминала танк без башни. Вместо неё там были несколько крупных спутниковых антенн направленных в разные стороны. Между ними – в центре транспортного средства сидели солдаты. Несколько было с АКМ, ещё один сидел за устрашающим гигантским 7,62-миллиметровым ПКТ.

«Штука» вызывала страх у всех, кроме меня. Я ездил на такой в США во время Прогулок. Там ещё внутри расположен большой монитор, который автоматически следит за основной массой Идущих. Если скорость ниже нормы, номер участника мигает и остаётся только выдать ему предупреждение. Или расстрелять.

Когда девяносто девять человек вышло на магистраль, а фургон с солдатами замкнул цепочку, началась перегруппировка. Мы продолжали идти не без любопытства наблюдая, как вездеход с радарами становится справа от нас, а фургон – слева, повернувшись к нам тем боком, который мы видели лишь на старте. На той стороне всё ещё висел плазменный экран, на который была наброшена целлофановая плёнка, чтобы не испортить аппаратуру во время дождя. Дождь немного моросил и теперь, но, видимо, раз один солдат побежал срывать плёнку, было приказано включить нам экран.

Мы опять увидели Главного. Многие, убежавшие далеко вперёд неразумно стали сбрасывать скорость, чтобы увидеть его, отчего получили ещё по предупреждению.

Главный заговорил:

- Разочаровываете вы меня, россияне. Я ожидал от вас большего. Думал, что вы крепкие, сильные мужики, которым не страшен ни голод, ни холод…. Как же так вышло, парни, что вы ещё на первых десяти километрах потеряли одного товарища, а более десяти заработало по три предупреждения? Неужели вы такие слабаки?

Неужели у вас силы заканчиваются? Вы меня очень сильно разочаровываете, друзья…

Участники шли молча, повернув головы в сторону на экран. Не находилось, что ответить такому величественному человеку.

- Вот у меня пока погибло всего трое. Но сколько они уже идут! Уже почти десять часов подряд! А вы? Еле-еле два часа протопали? Ножки не устали?

- А не пошёл бы ты! – выкрикнул кто-то сзади. Все удивлённо стали оборачиваться. Афанасенко хромал из последних сил. Он уже даже не глядел на экран. – Засунь себе своё великое Желание в жопу! Не нужны нам исполнения желаний от таких говнюков, как ты! Молчал бы в тряпочку, убийца! Ты ежегодно убиваешь сотню человек! Ты придумал это дерьмо, на котором зарабатывают миллионы людей, ценой того, что гибнет сотня и около тысячи их ещё оплакивают потом!

Главный молча слушал с лёгкой улыбкой на лице, пытающейся спрятаться под усами. По рядам участников пробежал тревожный шепот, о том, что хромой сошёл с ума. Дождь продолжал идти, экран покрылся тоненьким слоем слезинок. Дьяченко шёл рядом со мной и смотрел на небо.

«Наверное, думает, что Главный его сейчас на нас обрушит!» - с ухмылкой подумал я, хотя теоретически такое было возможно.

Афанасенко немного отдышался и опять стал кричать:

- Мы тут едва начали идти, а тут этот проклятый ураган! Дождь, ветер…. Посмотрел бы я на тебя, Главный, как бы ты маршировал со скоростью 6,4 километров в час на нашем месте!

- Где я маршировал за свою жизнь, тебе лучше и не знать никогда! – отрезал его Главный, слегка нахмурившись. – **Вот как вы относитесь ко мне, я вас правильно понял? Ну что же, желаю тогда вам ещё раз удачи. Я всё равно буду не без интереса наблюдать за тем, как вы идёте. Я буду наслаждаться вашими мучительными смертями…**

Связь резко оборвалась, экран погас.

- Ну, мы и попали… - простонал кто-то.

- Это всё этот хромой чмырь виноват! – крикнул Короленко издали, но подойти не решался. Три предупреждения – это уже не до шуток.

Афанасенко тихо вздохнул, неуклюже стараясь продолжать идти, не снижая скорость.

- Что с нами будет теперь? – спросил Дьяченко дрожащим голосом.

Я не выдержал:

- Да вы что с дуба упали, люди! Какая к чёрту разница?! У нас разве есть выбор? Ни фига нет! Идти и только идти, больше некуда деваться!

Некоторые Идущие хмуро поникли, продолжая переставлять ноги.

Дождь снова слегка усилился. На горизонте одна молния наткнулась на громоотвод на крыше одного из высоких зданий, вызвав яркую вспышку.

- О! Смотрите! Смотрите! – закричал парень с номером 33. – Люди! Люди!!!

Все Идущие встрепенулись и уставились вперёд. Сквозь шум ливня прорывался далёкий рёв, рёв толпы. Тысячи людей расположились на свободных площадках магистралей. До них было ещё далеко. Но уже видны были чёрные точки – зонтики, а иногда и белые пятна – плакаты. Толпа просто бушевала. Никогда я не мог предположить, что людской шум может быть слышен на таком расстоянии. Похожее чувство испытывает разве что атлет, приближающийся к финишу. Ситуация накаляется, нервы на пределе, сил уже нет, а толпа РЕВЁТ, шумит так, что возникает ощущение, что звук просто расплющит тебя, превратит в пылинку. Толпа – это гигантское чудовище, одно существо с единым интеллектом и логикой. Кожа этой твари покрыта мигающими блёстками (вспышками

фотоаппаратов) и волнистой шерстью (людьми), где каждый волосок живёт сам по себе, и, между тем, является частью всего существа.

- Господи, боже мой,… сколько их? – восхищённо воскликнул Куклин. Его наушники всё ещё были в ушах, но музыку, скорее всего, он не мог слышать…

Мы невольно ускорялись, не веря, что находимся в центре внимания миллионов людей. Десятки видеокамер и других устройств снимали каждого из девяноста девяти участников крупным планом. Появились три вертолёта, один из которых был из BBC. Теперь смотреть на Идущих было разрешено…

Над одной из магистралей в воздухе болтались две колоссальных размеров цифры «3» и «7». Сквозь неразборчивый шум прорывался далёкий массовый хор, выкрикивающий четыре слога…

- КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО! – ревели жители Москвы.

- Тупые бараны! – кричал Калашников, надрывая голосовые связки. – Заткнитесь!!! Он же идиот!!!

«Да уж, не знают они истинной сущности этого придурка!» - думал я, пытаясь не слушать рёв толпы и сосредоточиться на асфальте, проплывающим подо мной. – «С другой стороны, какая им разница? Им хочется только одного – чтобы он дошёл до конца, чтобы он пережил всех. А это у него, может, вполне получится…»

- КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО!

Толпа глушила все окружающие звуки. Мир погружался в психопатский сюрреализм, где в окружении, сходном с вакуумом, звучали только слова, произносимые одновременно тысячами ртов…. Мы проходили под одной из магистралей. Люди навалились на перила, бешено выкрикивая слова и размахивая именами. Я, как и все участники, смотрел на зрителей. У многих были камеры и фотоаппараты, у одной девушки я рассмотрел белую шапочку, как у повара, с красными цифрами «4» и «8». Лобанов, наверное, доволен как слон. Я поискал его взглядом, он как раз проходил рядом со мной. 48-ой номер сиял – как оказалось, большинство нависших сейчас над нами людей были его фанатами. Но дружный хор «Ло-ба-нов! Ло-ба-нов!» тонул в параллельном шуме…

- КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО! КО-РО-ЛЕН-КО!

37-ой номер был вне себя от счастья. Он прыгал перед камерами, выплясывал, кричал что-то. Что больше всего раздражало всех соперников, и меня в том числе, так это то, что он прекрасно помнил о скорости и ни на секунду не останавливался. Три предупреждения! Он так близко к получению билета! Я видел следящих за ним солдат… и за мной, к сожалению, тоже…. Это меня оторвало от созерцания Короленко, купающегося в лучах славы. Я опять сосредоточился на дороге, но многочисленное общество вокруг меня очень сильно отвлекало…

Когда мы зашли под нависшую над Дорогой магистраль с фанатами Лобанова, на нас посыпались всевозможные вещички: пачки сигарет, какие-то бумажки, деньги, записки для участников, бутылки с водой, печенье и другая мелочь. Наши начали подбирать что-то и стали зарабатывать новые предупреждения. Афанасенко что-то злобно кричал, пытаясь быстро пройти опасную область и не упасть. Он как-то сильно отстал от основной массы. Хотя нет, видимо, это мы слишком быстро шли…

Рядом со мной на асфальт шлёпнулся и разлетелся на кусочки чей-то цифровой фотоаппарат. А Лобанов поймал женские кружевные трусики. Он весело помахал рукой в знак благодарности и послал воздушный поцелуй болельщице. Я не видел, но, наверное, у владелицы трусиков случился обморок, от такого внимания. На обратной стороне моста людей было меньше. Яркие плакаты гласили: «Лобанов, мы любим тебя!», «Лобанов, порви их всех!», «48 – самое счастливое число!»

Идущие ворочали головами из стороны в сторону, не успевая переваривать полученную информацию. Тысячи плакатов, миллионы надписей, миллиарды флажков и табличек с приветствием Участников Долгой Прогулки.

Лобанов, несмотря на моросящий дождь, снял капюшон, натянув женские трусики себе на голову. Большинство камер уставилось на него, закрепив его лицо крупным планом. Именно тогда участники Прогулки увидели колоссальных размеров экран на одном из зданий. Он находился на высоте 15-20 этажей, закрывая кучу окон (Сколько заплатили жильцам? … Ах, да, их просто не было дома!). На экране показывали всё, что снимали ближайшие камеры, переключаясь с одной на другую. Лицо Лобанова возникло крупным планом. По гигантской толпе зрителей прокатился дикий гогот, хотя ничего очень уж смешного на экране не было. Мокрое и немного сумасшедшее лицо Лобанова, вроде бы хмурое и строгое, но из-за своеобразной «шапочки» и высунутого языка, превращающееся в невообразимо глупое. Но люди смеялись. Им было смешно. Они, наверное, даже не задумывались, что этот человек рано или поздно, возможно, будет пускать слюни на чёрный асфальт с кучей дырок во всём теле…

«Кто знает, кто знает…»

«Заткнись!»

«Да, ладно тебе! Будь реалистом!»

«Просто заткнись!»

На экране появилось женское лицо – красивая дикторша в строгом сером костюме. Показывали новости (в углу экрана горел значок Euronews). Она что-то несколько секунд говорила, нам ничего не было слышно, затем картинка изменилась и мы увидели самих себя с высоты птичьего полёта. Внизу экрана мигали красивые буквы «Долгая Прогулка в Москве»

Нас снимали с одного из вертолётов в прямом эфире. Я рассмотрел на экране самого себя: мокрый мужичок топал по чёрному асфальту, кутаясь в тёмную куртку и прозрачную плёнку, немного сдерживающую напор дождя. Он смотрел на гигантский экран.

«Хе, хе… Ну, вот и прославился! Теперь и помирать не страшно!» - подумал я.

Вертолёт летел параллельно дороге, снимая остальных участников, начиная с конца растянувшейся цепочки.

- Господи, сколько нас! – воскликнул старик Кучук, я его обгонял. – Это ведь, сколько мертвецов встретит земля-матушка!

- Дед, ежеминутно в мире знаешь, сколько умирает людей? – не выдержал я, обратившись к старику в армейских ботинках, которые грозно разбивали в брызги мелкие лужи на дороге.

- Сколько? – испуганно спросил Кучук, внимательно глядя на меня. Я не ожидал, что он спросит.

«Ну, дурак!»

- До хрена! – ответил я и поспешил дальше, оставляя старика позади.

- Только не в этот день! – усмехнулись старческие губы мне вслед.

Экран всё ещё показывает нашу восьмиполосную дорогу. Камера на вертолёте пролетела мимо всех участников, позволив каждому из них на долю мгновения оказаться на гигантском табло. Долетев до первого Идущего, zoom приблизил изображение и Москвичи, встречающие участников Долгой Прогулки, могли несколько секунд любоваться Александром Короленко, любимцем большинства. Громила в майке, шортах и с небольшим портфельчиком вышагивал впереди, махая руками и улыбаясь во весь рот. Зрители взревели от счастья и начали ещё быстрее размахивать флажками и плакатами, отчего прочитать содержимое на них стало просто невозможным…

9.00 утра понедельника. Мы всё ещё только входим в громадный город. Москва встречает нас пустыми окнами домов, молчаливыми витринами магазинов и до отказа наполненными людьми тротуарами. Их миллионы. Плакаты и надписи занимают всё окружающее нас пространство. И всё бы хорошо, если бы не отвратительный дождь…

Дорога медленно, но верно покрывается пока ещё маленькими неглубокими лужами. Мои кеды хлюпают, носки пропитались неприятной мокротой. Дождь становится немного сильнее…

«Заболею, заболею, заболею…» - твердил мозг…

И тут, как назло, опять появляется ужасающий леденящий ветер. Люди на тротуарах кутались в тёплые одежды плотнее, им стоять здесь надо было недолго – игроки за час проходят шесть километров…

- Смотри! – крикнул мне Калашников, когда я поравнялся с ним. – Паси туда!

Он указывал куда-то далеко в дождь, на крышу одного из невысоких зданий впереди, которое проходило рядом с дорогой. Вся хлипкая крыша была оккупирована множеством молодых девушек.

- Опять болельщицы Лобанова? – спросил я 22-ой номер.

- Нет, приглядись, - тихо сказал Калашников.

Я всматривался несколько секунд, пытаясь различить хотя бы одну надпись на крыше. Затем я увидел множество маленьких шариков, на всех было нарисовано одно и то же число: 96. Ещё некоторое время я раздумывал, чей это номер. Как раз к этому моменту я уже поравнялся с этим домом…

Это были болельщицы Фролова Евгения. Их было немного, быть может, пару десятков. Они заняли крышу, возможно, даже заплатили за аренду. Фанаты были одеты в майки с его номером. Они держали красивые написанные от руки плакаты с его фамилией. Я вздохнул и отвёл взгляд, невозможно было смотреть на печальную группу девушек, где у каждой текли слёзы по гримированным лицам…. Они видели своего кумира, видели его состояние…

Я обернулся. Фролов шагал недалеко от меня позади. Он слегка похрамывал. Только теперь, когда кровь полностью смылась дождём, я рассмотрел его лицо и понял, почему девушкам он так нравился. Молодое красивое неиспорченное годами и опытом лицо, обаятельный, но такой печальный взгляд. Вместе с этим – сопли и слюни, брызгающие под ноги при каждом шаге.

«Он не пересечёт Москву. Это за рамками его сил. Особенно в розовых тапочках…»

- Вы только посмотрите! Фанаты Мистера Розовых Кроликов! – выкрикнул Короленко, неизвестно как узнавший кличку Фролова. – И кто додумался болеть и делать ставки на такого рахита!

- Спокойнее, Калашников, - тихо сказал я 22-ому номеру. – Он же никому пока не мешает!

Я держал того за массивное плечо, не давая вырваться и устремиться вперёд.

Фролов продолжал идти. Как и мы все. Дом с фанатами Фролова остался позади, нам было всё равно – народа на тротуарах было и без того несчётно. Долгая Прогулка продолжалась…

- Дайте кто-нибудь зонтик! – кричал парень с фамилией Кирпиченко под номером 30. – Зрители, дайте кто-нибудь зонтик!

Он шёл по обочине. Солдаты внимательно следили за парнем. Хоть я и помнил то, что они стреляют без предупреждения, если им кажется, что игрок сваливает, я всё равно тоже подошёл к толпе. Вспышки фотоаппаратов заработали ещё быстрее, люди балдели оттого, что участники подошли к ним на расстояние вытянутой руки.

- Дайте зонтик или накидку, пожалуйста! – кричал Кирпиченко, продолжая идти вдоль жителей города.

- О, это ты Миронов?! – выкрикнул какой-то парень с дымящимся косяком во рту. – Чувак, я за тебя! Я всеми руками и ногами за тебя! Я даже кореша подговорил на тебя поставить! Мы за тебя болеем!

Я улыбнулся. Не имея права останавливаться, я пошёл дальше. Сзади сквозь рёв толпы долетела ещё пара реплик:

- Оправдай надежды, чувак! Мы в тебя верим!

«Ну, хоть кто-то за меня!» - подумал я, а на душе стало, по-моему, ещё поганей чем было раньше.

- На, возьми, только там спица сломана! – кто-то крикнул из толпы и кинул Кирпиченко зонтик. – Поделишься потом миллиончиком? – крикнула вслед Кирпиченко девушка из толпы.

- Спасибо, - усмехнулся номер 30. – Да я, если стану Победителем, могу и Желание тебе исполнить! – Идущий вновь усмехнулся, жмурясь от бьющего в лицо дождя. – Проклятый дождь, проклятый ветер…. Ну, ничего! Сейчас зонтик раскрою…. Оп! Вот это уже совсем другое дело…

- С ветром осторожнее – не снижай скорость, - предупредил его я, обгоняя.

- Спасибо, друг! – радостно воскликнул он, уже идя в тени зонта. Одна спица была оголена и торчала в сторону как костлявый указательный палец Смерти. – Я за скоростью внимательно слежуууу! … А, чёрт!

Неожиданный порыв ветра налетел на Идущих спереди, заставляя до предела сбрасывать скорость. Моя одежда бешено затрепыхалась, накидка моментально слетела. Поток воздуха понёс её куда-то назад. Полиэтиленовая клеёнка полностью развернулась в воздухе и налетела на Дьяченко, 13-ый номер, обхватив его тело.

- Что за …?! – воскликнул он, пытаясь выпутаться и получив второе предупреждение от начала Прогулки.

Громкоговоритель подал голос вновь:

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИДЦАТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Я обернулся. Кирпиченко сдерживал разъярённый воздух куполом зонтика, направив против движения. Естественно, его скорость упала почти до нуля.

- Дурак, бросай это дерьмо! – крикнул Калашников тридцатому номеру. Тот с жалостью посмотрел на зонтик, ещё пару секунд подумал, а затем поднял его и отпустил. Зонтик моментально вывернулся в другую сторону, спица оголилась ещё больше. Ветер понёс его прямо на толпу участников Прогулки, идущих сзади.

Куклин в последний момент бросился в сторону, перекатившись по мокрому асфальту и вновь став на ноги. Чёрная штуковина пролетела в нескольких сантиметрах от его виска, блеснула холодная сталь спицы. В следующую секунду он получил предупреждение.

Сзади Куклина шёл Дьяченко, 13-ый номер. Он едва выпутался из дождевой накидки, как на него налетел кувыркающийся в воздухе зонтик. Чёрная мокрая ткань окутала мужчину, тридцатисантиметровая спица воткнулась ему в правый глаз – прямо в центр зрачка…. Под напором ветра зонтик прибился до упора к лицу бедняги, а спица вошла в мозг на всю свободную от ткани длину…

Он упал на колени. Дрожащие руки оттолкнули от себя проклятый зонтик, выдернув спицу из глаза. Всю половину лица Дьяченко заливала густая как сметана кровь. И чёрная, как ткань зонтика.

Он кричал. Его болезненный рёв заглушил шум толпы. Зрители стихли, с любопытством наблюдая за покалеченным Идущим.

- Ох, ты…. В яблочко! – закричал вне себя от радости Короленко где-то вначале всей цепочки.

- Ему нужно помочь… - прошептал Калашников, глядя на 13-ый номер, который стоял на коленях посреди дороги. Кровь начала комьями падать на грязную дорогу, просачиваясь между пальцев, зажимающих вытекающий глаз.

- Не нужно. Продолжаем идти! – холодно проронил я. – Сосредоточься на дороге…

Дьяченко неожиданно замолчал. Мир погрузился в тишину. Только слышался шум вертолётов и громкие шаги Идущих. 13-ый номер набрался воздуха и вновь взвыл так, что некоторые люди на тротуаре зажимали уши и начинали рыдать…

- Господи, что творится… - прошептал кто-то позади меня. – Мы все умрём в этой безумной игре! Господи…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИНАДЦАТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Это немного привело беднягу в чувство ощущения реальности. Он попытался встать и снова упал. Кровь не прекращалась. Я никогда не видел такого. Неужели у нас всех такое желе находится там?!

В толпе стали раздаваться тошнотворные звуки. Господи, спаси и сохрани…

Пятнадцать секунд сейчас закончатся. Один солдат снимает с плеча АКМ и направляется к Дьяченко. Зрители вытягивают шеи. Они хотят увидеть Это. Они хотят посмотреть, как вручают билеты…

- Убейте 13-ого! Убейте 13-ого! – кричит Короленко. Он идёт впереди всех спиной по направлению движения. - Убейте 13-ого!

- Вставай, дружище… - проронил хромающий Афанасенко, проходя мимо Дьяченко, истекающего кровью. Пятый номер шагал дальше, больше не оборачиваясь, как будто и забыл моментально об умирающем сзади участнике…

Дьяченко сидел на асфальте позади всех. Своим единственным целым глазом он видел десятки портфелей впереди. Они удалялись от него…

Я не знаю, о чём он размышлял сейчас своим повреждённым мозгом, зажимая рукой вытекающий белок, но на последних двух секундах до выстрела Дьяченко резко вскочил на ноги и зашагал так быстро, насколько мог…

Солдат теперь шёл за ним, опустив автомат и наведя на беднягу хронометр. Долго номер пятый не пройдёт…

«А, может, и пройдёт… Кто знает… Фролов в тапочках идёт уже около пятнадцати километров, и нормально. Афанасенко чуть ли не от старта хромает, но идёт же всё-таки. Абажуров, смотри-ка, как держится – пыхтит, сопит, потеет, но тоже идёт, чёрт возьми, идёт ещё! Или деда если взять – вообще герой – ни одного предупреждения, по-моему, ещё не заработал…»

Участники шли молча. Дождь опять начал утихать, пропал куда-то чёртов ветер, как будто, довольный своей работой.

Фургон, продолжающий незаметно красться сбоку от нас, неожиданно ускорился и поехал вперёд. Поравнявшись с самым первым Идущим, экран включился, и на нём стали показываться новости по каналу «Euronews». Гигантский экран-то мы уже давно оставили позади, да и звука оттуда слышно не было.

«Правильно они обдумали ситуацию, молодцы, - подумал я. – Теперь они будут включать экран, когда фургон будет впереди, чтобы никто из участников не останавливался. Правильное решение!»

- И так, начинается четвёртый час Российской Долгой Прогулки. Зрители всей Евразии и многих других земель очень удивлены и восхищены, а многие разочарованы. Жители Москвы, первые увидавшие Идущих, сразу поняли, что уже не хватает одного участника Прогулки – Павленко с номером 75. По данным сайта longwalk.ru на него поставило около тринадцати тысяч людей, а значит, примерно столько сейчас рвут на себе волосы. Как он умер и где, организаторы Прогулки умалчивают (они и так не сильно

общительные). Возможно, он даже не смог сдвинуться со стартовой линии, или попытался сбежать – никто не знает. Но то, что он прибыл на стартовую линию – это 100%. Возможно, ситуация с Павленко в скором времени прояснится и мы вас сразу проинформируем, не переключайтесь.

Милое личико красивой дикторши сменилось прямым эфиром, снимаемым телевизионной камерой из окна одного из зданий у нас на пути. Я увидел среди нескольких показанных лиц своё. Затем показали Короленко, не высказав никаких комментариев. Потом картинка опять изменилась, и показали Фролова. Он брёл по мокрому асфальту из последних сил. Глаза были закрыты, с губ капала слюна. Куртка Калашникова добавляла комичности этой ситуации, так как 96-ой номер был в шортах и грязных тапочках.

Опять раздался приятный женский голос:

- Многие фанаты Фролова Константина (в основном, молодые девушки), видят печальную картину: их кумир в ужасном состоянии. Говорят, он не явился на старт, поэтому его доставили насильно. Бедняга так и остался неподготовленным и в тапочках в виде розовых кроликов. Самое оптимистичное мнение среди специалистов заключается в том, что 96-ой номер едва дойдёт до центра Москвы…

Идущие молчали. Короленко тоже больше не действовал больше никому на нервы, продолжая выкрикивать что-то фанатам и махать руками в камеры.

На экране, висевшем на боку фургона, сменилось изображение и возникло новое женское лицо. Это была мать Фролова. Костя, услышав её голос, поднял голову и приблизился к экрану. Она рыдала. Рыдала и причитала перед корреспондентами…

- Они ворвались в наш дом в полшестого! Мы не пускали их, говоря, что он сбежал два дня назад! Но они не слушали нас. Их было около двадцати, они выломали все закрытые двери, шкафы, тумбочки. Они всё ломали и крушили! Когда нашли Костю в подвале, мой муж стал на его защиту! Один солдат стал с ним драться, они избили моего мужа!!! Это незаконное вторжение в частную собственность! Меня никто не слушает! Властей в городе нет! Все помешаны на этой чёртовой Прогулке!!! Ублюдки!!!

- Но вы же могли ещё отказаться… месяц назад… - проронил кто-то за кадром.

- Господи! Это же игра! Это – ИГРА!!! Как можно поступать так с участниками!!! – кричала она, вне себя от сумасшествия. – Это же люди!

- Всё было указано в договоре. Все люди это знают. Как вы могли позволить сыну участвовать во всём этом?

- Я… я… - она присела на корточки, спрятав раскрасневшееся заплаканное лицо в ладони. – Я… не знала… не думала… я… думала, что не так серьёзно…

Фролов застонал. По его лицу потекли слёзы, он стал вытирать их рукавом куртки Калашникова. Я вздохнул. Зрелище было не самое приятное…

На экране опять появилось лицо дикторши.

- Долгая прогулка продолжается. Участники идут под моросящим дождём, переживая сырость, холод и резкие порывы ветра. Только что стало известно, что участник под номером тринадцать Дьяченко Антон получил тяжёлое ранение правого глаза спицей поломанного зонтика, принесённого откуда-то ветром. Это ещё раз показывает, насколько Долгая Прогулка - опасная и непредсказуемая игра.

- Идите на хрен! – подал хриплый голос Дьяченко. – При чём тут игра?! Ну, при чём тут игра, я спрашиваю?! Это всё Божья Кара! Я виновен перед Богом! Он карает меня за мои поступки! Этот чёртов тринадцатый номер!!!

Мы все смотрели на него. Дикторша продолжала что-то рассказывать, а Дьяченко вдруг убрал грязную руку от глаза. Кровь полилась широким густым потоком по его щеке, шее, майке…. Она вязкими хлопьями шлёпалась на асфальт…

А номер 13, превозмогая дикую невыносимую боль, стал стягивать с себя окровавленную майку с проклятыми цифрами. Портфель глухо шлёпнулся позади Дьяченко, который даже и не подумал подбирать его…

- Я не могу на это смотреть… - простонал Иванов, номер 18. Он отвернулся и зашагал быстрее.

Майку Дьяченко скомкал и швырнул в ближайшую камеру в толпе. Затем взглянул на свой оголенный торс и взревел:

- НЕТ! НЕЕЕТ!!! НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!! – кричал он, а единственный целый глаз чуть не вылезал из орбиты. – ГОСПОДИ, БОЖЕ МОЙ! ПРОШУ ТЕБЯ – НЕ НАДО!!!

Все опять смотрели на обезумевшего мужчину. Он практически сбросил скорость, плюясь себе на ладонь и пытаясь оттереть число 13, написанное красным цветом на груди человека.

- Да не переживай ты так! – крикнул кто-то. – Просто отпечаталось от мокрой майки!

Откуда ни возьмись, появился Ященко, жадно снимая всё происходящее на камеру. Я еле удержался, чтобы не пнуть ему ногой под зад. Короленко тоже подал голос:

- Эй, везунчик, зонтик не нужен?

Дьяченко даже забыл про выколотый глаз. Он просто бешено тёр руками по груди; кожа раскраснелась, крестик на цепочке отчаянно метался из стороны в сторону. Кровь с лица попадала под двигающиеся пальцы, и он продолжал растирать её. В итоге на груди Дьяченко образовалось яркое красное пятно, на фоне которого болтался крестик, поблёскивая золотом во вспышках фотоаппаратов.

Избавившись от ненавистного числа, Дьяченко немного пришёл в себя и опять стал держаться за кровоточащий глаз, продолжая что-то бормотать себе под нос.

«Господи, как он идёт? Ему, наверное, так больно, что и представить невозможно…»

Дождь, наконец, полностью стих. Далеко впереди на горизонте начинало светлеть небо. Луч солнца прорвался сквозь серую пелену, осветив большую толпу зрителей вдалеке на повороте дороги.

Вездеход с солдатами, лениво урча мотором, проехал мимо меня. Пара солдат спрыгнули и пошли рядом с Идущими. Возможно, они готовились к тому, что толпа может нахлынуть на дорогу, как в прошлом году.

На нашем экране пропало лицо дикторши. Изображение пару раз мигнуло, и возникла большая таблица: в левой колонке были номера и фамилии участников. Далее шла колонка с количеством действующих предупреждений, потом общее количество предупреждений, затем краткая информация о состоянии.

Все участники приблизились к фургону, чтобы разглядеть внимательнее цифры. Кто-то получил предупреждение за снижение скорости и его цифры в таблице сразу изменились. Я отыскал свою строку.

59. МИРОНОВ. 2 ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. ВСЕГО 3. СОСТОЯНИЕ: СТАБИЛЬНОЕ.

«О, отлично, одно предупреждение истекло. Я ещё буду жить!»

«СТАБИЛЬНЫМ» значилось обыкновенное состояние у игроков, которые спокойно идут, ни на что не жалуются и имеют не более двух предупреждений. Если участник чувствует себя нормально, но имеет три предупреждения, то пишется «СТАБИЛЬНОЕ, НА ГРАНИ». Если у него три предупреждения и ещё какие-то очень хорошо заметные признаки усталости, то пишется «НЕСТАБИЛЬНОЕ, НА ГРАНИ».

Наверное, каждый из участников бросил взгляд на строку Павленко. Но её не было. После 74-ого номера сразу шёл 76-ой участник. Тех, кто получил билет, просто удаляли из таблицы.

Из всех Идущих только у двух человек было по три действующих предупреждения, которые были получены менее часа назад. Это у Дьяченко и Кирпиченко. Состояния их различались…

У меня, Фролова, Абажурова и Афанасенко одно предупреждение снялось. Мы значились «СТАБИЛЬНЫМИ». Короленко тоже имел всего два из трёх «шагов до смерти». У Калашникова осталось только одно предупреждение…

В огромной толпе у дороги происходила какая-то возня.

- Пропустите, пропустите… пропустите, пожалуйста… - женщина вырвалась в первые ряды. – Сынок! Костенька! Костик! Любимый! Господи, иди сюда, дорогой!

- Мама?! – удивился Фролов, 96-ой номер. Он помчался к ней.

- На, только не останавливайся! Возьми, я всё приготовила! – кричала она приближавшемуся сыну. – Только не останавливайся! Возьми на ходу! Нет!

- Мама! – воскликнул парень. Он полез к ней через забор, не обращая внимания на портфель и кроссовки, которые она ему пыталась всунуть в руки. – Забери меня! ЗАБЕРИ МЕНЯ!!! – он перешёл на крик, слёзы ручьём лились по израненному лицу.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДЕВЯНОСТО ШЕСТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Сынок, это тебе? О, Господи! Беги! БЕГИ!!! – мать Фролова заливалась рыданием. Пока сын обнимал её, она надевала на него портфель. – Иди, мальчик мой, иначе они тебя…

- Мама, я не могу больше! Я не хочу!!! – кричал Константин Фролов. – Забери меня отсюда! Я не хочу умирать!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! – прогрохотал громкоговоритель.

Ященко стоял рядом, снимая на камеру происходящее. На устах играла улыбка.

- Иди, сынок! Иди, прошу тебя, ты не должен умереть! – тихо проговорила мать на ухо сыну. Они стояли обнявшись. Наконец, она напряглась, и оттолкнула его от себя. – Не останавливайся! Прошу тебя, иди! Иди до конца, раз этого никак не избежать!

Фролов зашагал, постоянно оборачиваясь. Он даже не следил за скоростью. Если какая-нибудь бутылка или камень попала бы ему под ноги, он бы упал и был расстрелян. На его спине теперь был наспех собранный матерью портфель и два кроссовка, связанные друг с другом шнурками и закреплёнными за одну из реек портфеля.

- Сынок! Мы верим в тебя! – кричал новый голос.

Костя присмотрелся и увидел с другой стороны толпы зрителей своего отца. Он поспешил к мужчине, но тот отчаянно замахал руками:

- Не надо, не подходи сюда! Не снижай скорость!

По лицу парня текли слёзы. Сотни камер снимали его, по всем каналам мира сейчас показывали столь трогательный момент. Историю спасения души…

… пока на сцене не появился Короленко…

Я не знаю, что тогда двигало им. Может, это была зависть (а мне, суки, ничего не принесли!). Может, это был необъяснимый страх (а вдруг теперь он победит?). Может, это было чувство потери внимания, ведь до этого все камеры не сводили объективов только с него. Но сам Короленко аргументировал своё поведение самым неожиданным образом:

- Так нечестно! Он же должен был уже проиграть! – кричал он, вырывая полученную обувь из рук парня и пускаясь бегом вперёд. – Это не честно! Как это так! Он уже был на грани!!! Он почти уже был трупом! Чего вы ему помогаете? Он должен получить билет!

Все зрители в ужасе смотрели за непонятным поведением их любимчика. Мы продолжали идти, глядя на бегущего впереди Короленко.

- Он совсем с катушек съехал? – спросил Калашников каким-то слишком грозным тоном. Я с боязнью глянул на него.

«Если он сейчас побежит, я его не буду удерживать…»

- Сукин сын! – орала разъярённая мать Фролова. Она неуклюже перелезла через ограждение и помчалась по Дороге за Короленко.

- Мама… Нет! СТОЙ!!! – в ужасе закричал Фролов, поглядывая на солдата, снимающего с плеча автомат. – Они пристрелят тебя!

- Лена, уйди с Дороги! Скорее! – заорал отец Кости.

Толпа молчала. Все с интересом наблюдали за происходящими событиями.

«Сейчас кого-то убьют!» - мелькнула мысль. Я был в этом невероятно сильно уверен.

Один из солдат нагнал бегущую мать, выкрикивающую матерные слова на всю улицу. Он с размаху врезал по ней прикладом, подхватил оседающее на асфальт тело и быстро кинул её в сторону толпы. Ближайшие люди подхватили её и положили на землю, приводя в чувство.

- НЕЕЕТ! МАААМАААА! – кричал Фролов, пытаясь остановиться, но Ященко, несмотря на свою долбаную идею снимать всё происходящее вокруг, в этот раз сыграл из себя героя, удержав 96-ой номер.

- Продолжай идти! С ней всё в порядке – он не сильно ударил! – кричал он на ухо вырывающемуся Фролову. – О ней позаботятся! Я тебя отпускаю, если не станешь перебирать ногами – тебе расквасят черепушку!

Ященко перестал тащить парня, но тот, видимо, поняв, что выгоднее сохранять скорость, решил идти теперь уже сам.

Я уже немного успокоился и стал идти лицом вперёд. И тут же заметил отсутствие Калашникова рядом.

- О, нет… - прохрипел я, глядя, как вдалеке бегут две громадины, смешно болтая портфелями.

Не знаю, что заставило меня сделать так, но я сорвался на бег, быстро минуя остальных Идущих.

«Господи, я совсем не следую Совету 13!»

Через минуту я почти нагнал Калашникова, который быстрым шагом преследовал Короленко. Безумец уже не бежал так быстро, а просто шёл, высматривая окна ближайших зданий, чтобы забросить кроссовки. Рядом с нами толпа просто бушевала:

- Короленко, отдай парню кроссовки!

- Дебил тупой, отдай обувь бедняге!

- Короленко – ты ничтожный хулиган!

Я поравнялся с Калашниковым. Как раз в этот момент силач метнул связку кроссовок в одно из окон нижних этажей ближайшего здания. Ботинки влетели в распахнутый офис, который, скорее всего, был пуст, и некому было их подать.

- Я его сейчас убью, - коротко сказал номер 22 мне и удвоил скорость. Я остался идти позади, гадая, чем всё закончится.

Калашников с разбегу налетел на спину Короленко, целясь коленом в верхние позвонки. Громадная туша охнула и отлетела вперёд, грубо упав на землю. Портфель Короленко сорвался с его могучих плеч и отлетел вперёд, смешно махая на прощание разъединёнными рейками, и покидая эту историю, как сами знаете какой бумажный кораблик и магическая черепашка. Калашников умудрился сохранить скорость при ударе, но из-за этого он прошёл мимо своего врага, оставив позади себя. Издалека долетело третье предупреждение Короленко. Последнее.

- Сука! Я тебя, на хуй, урою сейчас! – заверещал Короленко, быстро вскакивая на накачанные ноги. – Я тебе, сука недоношенная, сейчас твою сраную башку оторву!

Он гигантскими прыжками стал настигать Калашникова, который шёл спиной вперёд. Я ждал, когда Короленко потеряет скорость, ведь сзади уже рычал мотор приближающегося вездехода с солдатами…

«Короленко сейчас умрёт. Мы убьём этого сукиного сына!»

Но разъярённый мужчина оказался не настолько тупым, как могло показаться. Ярость не ослепила его. Он продолжал следить за скоростью бега. Огибая противника сбоку,

Короленко оказался на одной линии с ним. Тогда он приблизился к Калашникову вплотную и стал размахивать своей гигантской рукой, норовя сгрести в охапку врага. Калашников увернулся пару раз, а затем сделал резкий выпад вбок, врезав силачу пяткой по рёбрам. 22-ой номер быстро отступил, поглядывая на солдат. Он улыбался – скорость Калашникова в момент удара не пересекла запрещённую отметку. Короленко тоже не снизил скорости, хотя и скривился от боли.

- Думаешь, крутой? КРУТОЙ, ДУМАЕШЬ?! – заорал он и рванул на Калашникова. – Получай, сука!

Громадный кулак просто взорвал лицевую часть головы Калашникова. Сила удара оторвала мужчину от асфальта, перевернула в воздухе и бросила неподвижное тело о мокрую поверхность дороги…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ!

- Вот так вот! – пробормотал Короленко, поглаживая костяшки и продолжая движение. Он шёл мимо толпы и некоторые ему аплодировали (многие не видели ещё, из-за чего начался спор). – Я умею любую крутизну усмирять!

- Господи, - воскликнул я. – Боже… Вставай, Калашников! Вставай…

«Блин, я так даже и не узнал, как его по имени зовут!»

Я уже почти дошёл до него. Призывал к его вниманию, хотел убедиться, что он поднимется. Но я никак не хотел получать новое предупреждение и становится «СТАБИЛЬНЫМ, НА ГРАНИ».

- Калашников, ты жив? – спросил я, проходя мимо. – Калашников?

Он лежал на краю дороги возле перил, которые ограничивают дорогу от какого-то обрыва. Тело было повёрнуто лицом вниз. Струйка крови робко выползала из-под головы, искрясь в лучах солнца.

Я миновал тело.

«Господи, боже мой… Что я делаю? Надо вернуться! Помочь ему!»

«Но как же план? Я ведь буду на грани смерти! Пускай лежит, авось кто поможет!»

Я в надежде обернулся назад, надеясь увидеть кого-нибудь из участников. Но Идущие были ещё слишком далеко, чтобы успеть добежать до Калашникова за двадцать…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

… пятнадцать секунд…

«Ну, зачем мне третье предупреждение? А вдруг я потом споткнусь?!»

«Вдруг бывает только пук!» - решительно оборвал я мысленный спор с самим собой и резко развернулся, пойдя в обратном направлении.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Калашников, ты как? – я подбежал к нему и развернул тяжёлое тело. – О, Господи…

Лица практически не было. Нос расквасился всмятку, багровая жижа покрыла всё вокруг. Я смотрел в лицо трупу…

Я в ужасе вскочил, решив бросить Калашникова, но неожиданно его глаза разлепились.

- Хррр… Хрррууу… - прохрипел он.

- Воды! Дайте воды! – заорал я и поднял взгляд на приближающегося солдата. Он навёл на меня АКМ, но, услышав о воде, быстро кинул мне свободной рукой флягу, отцепив от пояса.

«Сколько у меня времени? Секунд восемь?»

Я щелчком откупориваю бутылку и выливаю ледяную воду на изуродованное лицо. Немного крови смывается, картина уже не такая страшная. Затем я хватаю руки Калашникова и пытаюсь поднять его…

- Миронов, бросай его! Расстреляют! – заорали люди из толпы.

- Дава-а-ай! Блин, поднима-а-айся! – рычал я от натуги.

Видимо, он осознавал своё положение, поэтому попытался помочь мне. Мы поднялись, я взвалил одну его руку на себя, и, на исходе последней секунды, мы зашагали со скоростью 6,4 километра в час.

- Я… он… - прошептал что-то Калашников.

- Иди, давай, не разговаривай! – сказал я. – Короленко свалил тебя одним ударом. Твой нос в говно расквасился…

Калашников молчал. Глаза были закрыты, ноги заплетались. Свободной рукой он ловил падающие капли крови.

- Ты не собираешься терять сознание? – спросил я, слыша, как сзади за нами шагает солдат. – Эй, алло, ты ещё на этом свете?

- Угу, - промычал Калашников, старательно перебирая ногами.

- Смотри мне… - улыбнулся я, поддерживая друга. – Может, ещё воды попросить?

- Угу…

Недалеко впереди брёл Короленко, рассматривая разноцветную толпу. Десятки рук тянулись к нему, некоторые он пожимал, кому-то из девушек давал потрогать свой бицепс. И всё это не снижая скорости…

Один раз он обернулся назад и увидел меня и Калашникова.

- Эй, голубки, зря стараетесь! Я пройду до конца и заработаю грёбаные деньги! А вы только зря дрочитесь с этой Дорогой!

- Рёбро не шалит? – выкрикнул Калашников, сплюнув небольшую долю крови.

- А за ребро, сука, и за портфель я тебя ещё убью! – бросил Короленко через плечо и уже собрался поворачиваться назад по направлению пути, как прямо в лоб ему врезалась бейсбольная бита.

Произошло всё настолько быстро, что Идущие даже не успели остановиться от шока.

Толпа заволновалась, не сообразив, что нужно схватить хулигана. «Саботаж!» - крикнул кто-то. Ближайшая девушка к Короленко забрызгалась кровью и верещала как резаная свинья. А мужик с бейсбольной битой с лёгкостью перемахнул ограждение и подбежал к упавшему участнику Долгой Прогулки.

- Папааа! – заорал в ужасе Фролов где-то далеко за спиной. – Стоооооой!!! Остановись!

- Я тебя научу уму-разуму, щенок! – прохрипел мужик, занося бейсбольную биту для удара. – Получай!

Короленко начал поднимать руку, чтобы заслониться от биты, но удар всё-таки достиг боковой стороны его черепа. Раздался неприятный хруст, брызнула длинная струя крови, торжественно зависшая на секунду в воздухе и бессильно опавшая на асфальт.

Тем временем солдат уже обогнал нас, направляясь к двум обречённым людям. Он поднял автомат, настраивая прицел. Сзади приближался топот и вопли Фролова – он спешил к отцу.

«Та-да-да-да!» - подумал я.

Фролов Старший успел нанести новый удар. Но, уже казалось убитый Короленко, резко выкинул вперёд громадную мускулистую руку и поймал биту в воздухе. Нормальному обыкновенному человеку удар должен был сломать кисть или хотя бы пальцы. Но лапище Короленко, казалось, даже немного помяло древко…

- Аааа… яааа…. тебяааа… убьюуууу… - говорило окровавленное существо, медленно поднимаясь на ноги.

Солдат начал стрелять. Пули пронзали массивное тело Короленко насквозь, сгустки крови и ошмётки мяса разлетались вокруг. А гигант продолжал кричать каким-то утробным воем, заикаясь при каждом попадании…

Солдат потратил на Короленко всю обойму автомата Калашникова. Оружие опустошенно щёлкнуло. Пока он перезаряжал АКМ, номер 37 устало рухнул на колени и, под недовольные и яростные вопли толпы, рухнул на бок, обливаясь кровью и заливая ею асфальт…. Глаза так и остались открытыми, уставившись непонятно куда…

Дымящееся дуло автомата теперь смотрело на постороннего мужчину, сидящего на дороге.

- НЕЕЕЕЕТ!!! – орал Фролов, уже почти добежав в своих розовых тапочках до солдата. – НЕЕЕЕТ!!!

Автомат коротко проревел. Отец 96-ого номера, скривившись, схватился за вываливающиеся кишки и осел на Дорогу рядом с трупом Короленко.

- БОООЖЕЕЕ!!! НЕЕЕЕТ!!! – заверещал Фролов уже рядом со мной.

Я выставил руку вбок, чтобы он не совершал глупых поступков. Но он бежал с такой скоростью, что просто отбил её своей грудью, чуть не сломав, как обычно в боевиках мчащиеся автомобили откидывают в сторону лёгкие решётчатые калитки. Он хотел добежать до отца…

- Не останавливайся, дурак! – пробулькал Калашников с полным ртом крови.

- Фролов, ему уже не помочь! Не останавливайся!

Но парень не слышал нас. Он не слышал ничего – ни рёва толпы, не мотора вездехода, ни наших криков, ни выстрелов…

Солдат не дал даже упасть ему на колени перед отцом. Просто начал стрелять, когда хронометр указал скорость ниже нормы…

Очередь сняла парню кусок скальпа вместе с волосами. Кровь стала ключом бить из головы в воздух, заливая лицо…

Фролов упал между отцом и ещё одним мёртвым участником. Три трупа в одной большой луже крови. Из-за мокрого асфальта багровое пятно быстро расползалось по дороге…

- Не останавливаемся… - на всякий случай прошептал я Калашникову, когда мы проходили мимо.

- А я хотел Короленко в лицо плюнуть… - усмехнулся он, но потом замолчал, продолжая идти, опёршись на меня и вытирая рукавом кровь с изуродованного лица. – И всё-таки это того стоило…

Теперь усмехнулся я. Долгая Прогулка продолжалась. Москва встретила нас очень неприветливо, но настроение всё-таки больше улучшилось, чем ухудшилось…

Идущие за нашими спинами молча обходили мертвецов, в которых один солдат всаживал оставшиеся в магазине автомата пули.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ!

Парень с фамилией Рыков аккуратно переступил крупную тушу Короленко и подобрал бейсбольную биту, как-то недружелюбно улыбаясь….

Никто не сказал ему ни слова. Он спокойно вытер грязь и кровь с дерева о свои джинсы, затем продолжил путь, неся биту в руке и слегка ею поигрывая …

11.23

Красная площадь. Миллионы людей. Всё вокруг просто дребезжит от волнения и торжества. Даже не хватит сил описать всё творящееся вокруг.

Толпа. Толпа просто гремела. Из-за невероятного шума не слышно было даже залпов армейских винтовок. Только мы и видели где-то вдалеке на фоне Кремля зависшее в воздухе облачко серого дыма. И небольшая цепочка солдат, превращающихся на таком расстоянии в неразборчивое пятно, кляксу на фоне Толпы…

Мы шли по тонкому коридору, стены которого были сделаны из шевелящихся людей. Вспышки фотоаппаратов слепили нас, всё вокруг блестело и грохотало.

Мой мозг отказывался воспринимать происходящее. Идущие ушли глубоко в себя, не находя даже какой-нибудь маленькой завалявшейся мысли, чтобы занять ею тревожный разум…

Участники Прогулки, казалось, с каждым шагом всё глубже и глубже увязали в отполированный до блеска асфальт…

Глава 4: Если с другом вышел в путь…

Когда человек получает понемногу, он гораздо счастливее.
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

Бог говорит: берите, что хотите, но заплатите!
(Стивен Кинг "Безнадега")

Дорога почти всегда убивает потребность шутить.
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

14.01

Москва уже начинала прощаться с Идущими. Народа было намного меньше по бокам Дороги, красивые центральные улицы остались позади. Громадные здания встречались всё реже и реже…

- Твою мать… - хрипел Калашников. – Господи, как у меня болит нос! …

Я шёл рядом, уже не придерживая его. Калашников топал довольно непринуждённо, хотя душевное состояние за прошедшие часы всё ещё не стабилизировалось. Он что-то делал со своим изуродованным носом, пытаясь вправить поломанную переносицу руками. Кровь уже не лила ручьём как раньше, но продолжала брызгать в разные стороны, если мужчина начинал выпрямлять помятую плоть.

- Аааа, как больно, чёрт побери! – опять выкрикнул он. – Блин, он кровоточит и кровоточит! Господи, как мне идти?!

После нескольких часов, минувших с момента гибели Короленко, Фролова и его отца Идущие уже немного пришли в себя и даже вновь начали разговаривать между собой о всяких житейских проблемах. Смерть Короленко – самого сильного соперника и самого большого врага участников Прогулки – удивительным образом повлияла на состояние Идущих. Афанасенко перестал хромать и теперь радостно шагал неподалёку от меня, с кем-то разговаривая. Абажуров тоже не тащился теперь позади всех, он шёл впереди меня, шурша целлофановыми пакетами, видимо, готовясь перекусить. Практически все предупреждения истекли, даже у меня с Калашниковым Дьяченко шёл где-то впереди, а кто-то рассказал задним рядам, что у него всё ещё идёт кровь, несмотря на плотную повязку из куска ткани, обмотанную вокруг головы 13-ого номера. Я обратил внимание, что старик Кучук держится лучше всех на данный момент, несмотря на тяжёлые армейские ботинки, которые глухо врезались в асфальт при каждом шаге. У Кучука не было ни единого предупреждения от начала Долгой Прогулки и это не могло не удивлять. Неплохо держался и самый юный участник – Куклин, у которого предупреждений, кстати, было меньше чем у меня. Со стороны Ященко изредка доносились записанные на видеокамеру выстрелы, из-за чего на него сыпались ругательства и оскорбления со стороны Идущих.

- Твою мать, я ненавижу свой нос! – вновь прокричал Калашников, неожиданно остановившись. – Не могу больше, меня это задрало!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ!

Из его глаз текли слёзы, теряясь среди кровавых дорожек на щеках. Он бешено теребил пальцами болезненное месиво посередине лица, выкрикивая ругательства. Я продолжал идти боком, сложив руки рупором и пытаясь дозваться:

- Калашников, оставь ты этот нос! Забинтуй и иди дальше!

Идущие огибали толпу людей слева, которую сдерживали два ряда милиционеров, образовавших живой щит. Болельщики просто лезли им на шеи, выкрикивая имена любимчиков и пытаясь залезть как можно выше, желая увидеть всё происходящее на Дороге. Толпа сильно заволновалась и начала галдеть ещё громче, когда Калашников получил предупреждение – зрителям казалось, что они сейчас станут свидетелями вручения билета.

- Хрен вам! – выкрикнул Калашников, показав неприличный жест в Лицо Толпы. Затем он вновь ускорился, слегка склонившись и пытаясь высморкать кровавые сгустки из искалеченного носа. Ближайшие люди недовольно ругались и отворачивались, пытаясь не смотреть, как вязкая тёмная жижа каплей в метр длиной болтается над асфальтом из носа Калашникова.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ! – прогрохотал громкоговоритель из вездехода. Один солдат лениво снял с плеча автомат.

- Да слышал я! – крикнул 22-ой номер, набирая скорость. Вскоре он поравнялся со мной. – Есть что-нибудь обезболивающее?

- Снотворное пойдёт? – спросил проходящий мимо Ященко, улыбаясь во весь рот.
- Вали отсюда! – крикнули мы ему вслед.
- На, - сказал я, протягивая другу мощный антибиотик.

Он попросил у солдат флягу с водой, запил таблетку, затем вылил немного себе на лицо, кривясь от боли. Прозрачные розовые струйки игриво стекали по его майке. Калашников немного помолчал, затем заговорил:

- Я поражаюсь …. Ну не могло такое со мной случиться! Я ведь с самого начала был уверен в победе, в том, что дойду, переживу всех вас… . А теперь… этот проклятый нос… - Калашников снова попытался высморкнуться, отчего опять забрызгался кровью. – Бля… Сколько раз мне его разбивали уже? Пять? Десять? Неважно. Главное, что уже не раз приходилось отстаивать права, честь, принципы… «базар»… Не раз приходилось драться, бывало, одному, а иногда со своей футбольной командой и близкими фанатами… - он немного помолчал, о чём-то размышляя и не переставая шмыгать носом. - Но почему…. Почему меня так покалечили ни с того ни с сего, быть может, в самый ответственный момент моей жизни?! Я просто не ожидал, что такое может случиться со мной во время Долгой Прогулки! Вроде бы я и сдерживаться умею подолгу… . Чёрт, блин… столько тренировался, был так в себе уверен! А теперь… Переживу ли я хотя бы половину из вас? Господи, почему здесь нет баланса…. Почему здесь правит воля случая?! Я думал, что это – как футбол… Я ведь, бляха, футболист. Да-да… Можно сказать, именно из-за футбола я здесь, протираю кеды вместе с вами…. Хотя нет, всё-таки я знаю, кто виноват в том, что я стал Идущим. Я знаю…. Я думал о нём, когда заполнял анкету участника, я думал о нём, когда стоял на стартовой линии. Это – мой тренер, Анатолий Михайлович. Да…. Именно из-за этого человека мне захотелось рискнуть и попытать удачу. Почему? Да потому что этот тренер – сумасшедший псих фанатик! Да! Он помешен… нет, не на футболе… а на издевательствах и несоизмеримых нагрузках для своих подопечных. Этот козёл гоняет нашу команду по беговым дорожкам с утра до ночи. Мы, наверное, натренированы лучше всех футболистов в мире! Другими словами, выносливости нам не занимать, - Калашников усмехнулся, утирая кровь рукавом. - У нас даже замены нет, худших и слабых тренер просто моментально отсеивает. Но весь прикол в том, что мы практически не умеем играть в футбол. Ты прикидываешь? Каким надо быть тренером, чтобы учить игроков не как играть в игру, а как бегать из одного конца поля к другому, не уставая при этом. Представляешь? Мы на всяких соревнованиях просто поражаем зрителей! Каждый наш игрок, и я в том числе, бегаем за мячом не останавливаясь! Не останавливаясь, прикинь? Противники просто валятся с ног, не в силах увести от нас мяч, у них замена происходит быстрее, чем стреляет автомат Калашникова. Ну и что с этого? Да, молодцы, да, забираем мяч каждую секунду. Так проблема в том, что противник может забить нам гол с середины поля, а я, например, даже в упор могу промазать. Представляешь? Ха, ну ничего. Недавно сел, подумал – а как жить дальше-то? Образования, считай, нет. Футбол забрасывать уже надо – осточертело, да и смысла нет с такими навыками. Так куда же деть мою выносливость, накопленную годами тренировок? Вот и решил попробовать, так сказать, прогуляться…. Подышать, бляха, свежим воздухом! А теперь и дышать, грубо говоря, нечем. Триндец… Что теперь делать? Идти, ждать смерти? Идти и думать о том, когда откажут ноги? Ноги-то не откажут, я полагаю. И не такие нагрузки выдерживали, и не такие километражи наматывали…. Я вот за состояние верхней части тела боюсь. Сознание не потерять бы! Хотя… вроде бы, умереть во сне – мечта многих. Ну, ничего, ещё посмотрим. Цель ещё далека, но она есть. Пока она есть, и мозг её ещё воспринимает, я уверен в том, что буду идти… - на этом Калашников закончил свою речь, хлюпнув носом.

«99 трупов»

«Заткнись!»

«99 трупов, хехе»

«Заткнись! Ненавижу! Не думай об этом!»

«99 трупов»

(заткнисьзаткнисьзаткнисьзаткнисьзаткнисьзаткнись)

Я потряс головой, стряхивая мрачные мысли. Ближайшие Идущие шли молча, глядя себе под ноги. Кто о чём думал теперь, после услышанного монолога Калашникова? О своих причинах и убеждениях? О близких? Или каждый теперь винил себя уже в который раз, что обыденным движением руки расписался на аккуратненьком чистом листке, испещренном печатными буквами, подписав себе смертный приговор.

«Но одному ведь всё равно повезёт! Кто же это может быть?»

«Давай пока что не падать духом и быть уверенным в собственной победе? Ноги ещё слушаются, нос никто не расквасил, в туалет организм не просится – что ещё нужно для самой обыкновенной прогулки?»

«Ну, хотя бы отсутствие толпы и всяких раздражительных элементов…»

Что-то отвратительно хрустнуло под ногой. Я увидел какой-то шприц, исчезающий под ногами тех, кто шёл сзади меня. Что бы это могло быть? Наверное, всё-таки из толпы бросили…

Ященко обогнал нас с Калашниковым, развернулся к нам лицом и зашагал спиной вперёд, снимая его и меня на видеокамеру.

- Ты, сука, уже совсем охуел? – бросил Лобанов, который теперь шёл рядом с Ященко. – Паря, ты меня уже заебал. Можешь идти, никому не мешая? Или тебе, бля, жить надоело?

- Да уж, пошутил, - рассмеялся Ященко, продолжая крутить камерой вокруг себя, снимая Идущих. – А кому тут жить не надоело? Вот я лично считаю, что Участники Прогулки бывают только двух видов – или психи, или самоубийцы.

- Ты чё бля, хочешь сказать, что я – сумасшедший? – спросил Лобанов, слегка сбрасывая скорость и пристально глядя на низенького оператора.

- Вовсе нет, да и при том – это всего лишь моё личное мнение… - пролепетал Ященко.

- Вот и держи его при себе!

- … даже, быть может, личное наблюдение, - продолжал Ященко своим тоненьким голоском как у девчонки, игнорируя слова Лобанова. – Вот, например, Калашников. Он просто уверен в своей победе. Был. А теперь корит себя за то, что пошёл на это. Также Абажуров недавно каждую минуту жаловался, что зря он решил стать Участником, так как недооценил соперников. А вот я другого мнения…

- И к кому ты себя относишь? – полюбопытствовал Калашников.

Сотый номер вздохнул и начал говорить:

- Три года назад меня бросила жена, с которой мы прожили до этого всего полгода со дня свадьбы. Ужасное время выдалось, она ненавидела меня, хотя я её очень любил. Ну и ладно, хрен с ней. Водка и клубы во многом затмили чёрное пятно у меня в душе, и я продолжал жить, пытаясь не возвращаться к прошлому. А тут – БАЦ! – меня предаёт самый лучший друг, паршиво, мерзко, неправильно…. Продаёт за какую-то девчонку, которая бросает его буквально на следующий день! А потом и вся жизнь к чертям! С коллегами по работе снимали фильм на любительскую видеокамеру – назвали «Алиса», уже половину ленты сняли. А тут – БАБАХ! – в автокатастрофе погибает два главных актёра, продюсер и мой двоюродный брат, который оператором в фильме был. С ними погибла и вся аппаратура. Всё, закрылась лавочка, люди разбежались, как будто ни при чём. А я остался один во всём мире, даже практически бомжом – зарплаты продавца электротехники едва хватало на питание. Мечта о покупке машины рухнула, так как все сбережения ушли на фильм и похороны. Всё, вот и конец моей небольшой истории. Что тут ещё думать? Решил попробовать пережить Долгую Прогулку и заработать немного

денежек, а то и Приз от Главного, кто знает…. Без машины-то туда-сюда, всё пешком. Какие только расстояния не ходил! Можете считать меня сумасшедшим, а можно и самоубийцей. Ни то, ни другое недалеко от истины. Чего я думаю, что смогу пережить всех вас? Ха, а вы бы попробовали жить с такой стервой как моя Люська! Я и вправду могу считать себя достаточно выносливым, в плане того, что у меня, скорее всего, самая большая тяга к жизни. Дойду до конца…. А не дойду, ну и хуй с ним, зато хоть покажу всем этим уродам и предателям, что я из себя представляю. Я надеюсь, что Люська хотя бы немного поплачет, хотя бы чуточку. А вот дружбану своему желаю, поднять свою вшивую задницу с дивана напротив телевизора, на котором будет изображён мой труп, пойти в туалет и начать психовать и корить себя, разбивать кулаками зеркала и резать вены лезвием бритвы. Вот тогда я буду довольным, вот тогда мне будет хорошо…

100-ый номер закончил монолог, и с какой-то идиотской улыбкой продолжал идти, невидящим взором уставившись себе под ноги. Я вздохнул.

«Начались истории. Так всегда – на всех Прогулках. Идущим нужно говорить. Нужно высказаться. Дорога – она как Чистилище. Только для души. Но я, пожалуй, помолчу. Не хочется врать парням, да и Совет Тринадцатый! Нужно беречь энергию при любых обстоятельствах. Я его пару раз нарушил, значит теперь нужно отдать ему должное. Если, конечно, я хочу дойти до конца…»

Разговоры в строю начинались и запинались. Хотелось помолчать. Разнообразные мысли витали над головами Участников, некоторые вылавливали одни и обдумывали их, остальные вылавливали другие идеи и замыслы из невидимого общего омута. Затем обменивались. Все думали практически об одном и том же – о жизни, о справедливости, об игре, о будущем, о смерти, о Желании…

- А ты что собираешься загадать у Главного? – внезапно спросил меня Калашников, мастеря из кусочка ткани повязку для кровоточащего носа.

- Ну, не знаю, - усмехнулся я. – Думаешь, он вообще приедет в Россию из США? После того, как Афанасенко нагрубил ему?

- Не, ну давай чисто гипотетически, - предложил 22-ой номер.

- Я не знаю, - сказал я, немного помолчав. – Может быть…. Хотя нет, не знаю…. Я надеюсь, если дойду, мне дадут время подумать, перед тем как загадывать желание?

- Хм, а у меня всё намного проще, - хмыкнул Калашников. – Я хочу, чтобы у моей любимой дочушки было счастливое будущее, полное исключительно радостных красок и непрерывного везенья. Хочу, чтобы у неё всё было хорошо. И у жены моей, при возможности. Короче, я загадаю, чтобы было счастье у меня в семье.

- У тебя есть дочь?! Ты женат?! – я был удивлён.

- Ну да, - рассмеялся Калашников. – А что? С виду – я редкий уродец что ли? Не, ну конечно из-за этого носа сейчас я не могу...

- Да успокойся, я не об этом. Как же так – ты жену и дочь свою оставил… ТАМ? – спросил я, указав назад.

- Эээ…. Ну, если ты имеешь ввиду «по ту сторону стартовой линии», то ты прав. А так, в реальности, они где-то впереди – будут ждать на выходе из Москвы. Уж дотуда я точно дойду, пускай мне придётся ползти на коленях. Да, моя семья сейчас болеет и переживает за меня, - рассказывал 22-ой номер. – Вот, посмотри.

Он протянул мне извлечённую из шорт маленькую фотографию. На ней были изображены два человека: красивая, но немного печальная девушка и маленькая-маленькая прелестная девочка. Последняя радостно улыбалась, выставляя напоказ первые молочные зубки.

- Какая прелесть…. - я заулыбался, не в силах отвести взгляд. – Господи, какие они красивые! Как тебе повезло!

- Спасибо, я знаю… - тихо сказал Калашников, принимая назад фотографию, нежно её целуя и пряча в карман.

Я отвёл взгляд и вдруг снова осознал себя участником Прогулки. Толпа. Она привела меня в чувство, и улыбка медленно сползла с моего лица. Люди орали, галдели и улюлюкали; их руки изо всех сил тянулись к нам, желая потрогать и убедиться, что мы не миф и не какой-то розыгрыш. Я шёл, глядя на людей, рвущихся сквозь заслон на Дорогу, и мысли мои были мрачнее некуда.

«Он умрёт. Они останутся без мужа и отца. Это будет конец. Это будет полный конец. Я не смогу на них смотреть. Это ужасно. Я… О, Господи… Мне даже хочется теперь дать возможность Калашникову пережить себя…Боже…»

- Я думаю, что ты станешь Победителем, - неожиданно вымолвил мужчина с номером 22.

- Я?! С чего ты взял?! – удивился я, поперхнувшись.

- Просто…. Интуиция, - ответил Калашников, глядя куда-то вперёд. – Ты сильный и необычный. Ты переживёшь их… нас….

- Брось, - рассмеялся я. – Да если бы я…

- Нет, это ты брось! – чуть ли не выкрикнул Калашников.

Он вдруг сорвался с места и поспешил вперёд, нахлобучивая повязку на нос. Я ошарашено смотрел в его удаляющуюся спину.

«Я что-то не то сказал?»

«Наверное, мысли о семье доставляют ему мучительную боль…»

«О, Господи! Его надо догнать, успокоить….»

«Нет. Совет Тринадцатый!»

«Да пошёл этот Совет в жопу. Я должен…»

«Ему нужно побыть одному. Отстань. Ты должен понимать»

Я не понимал. Я был солдатом. Быть может, мне в один прекрасный день окончательно отбили мозги. Да, вполне вероятно, я ни черта не разбирался в психологии человека. Но, чёрт возьми, это - игра на выживание. Мне должно быть плевать на СОПЕРНИКОВ. Я не должен к ним привязываться. Да, Калашников стал мне довольно близким другом на время Прогулки. Но ведь это закончится едва кто-то из нас умрёт? Тут не может быть вариантов – это суровая правда. Пускай делает, что хочет, лишь бы не мешал мне идти.

«А с какой стати ты чуть не погиб, поднимая его сто килограммов с окровавленного асфальта, поливая водой и волоча на своих плечах, имея на них уже три предупреждения и наведённый прицел солдата?»

(заткнисьзаткнисьзаткнисьзаткнисьзаткнись)

И мой внутренний голос замолчал на некоторое время.

15.42

По бокам дороги уже не высились громадные спальные здания, магистраль стала немного сужаться. Мусора было очень много – бутылки, шапки, деньги, обёртки – всё это кидали на дорогу люди из толпы. Некоторые Идущие останавливались, чтобы подобрать что-либо, получая предупреждения.

Зрителей стало в разы больше – толпа занимала всё видимое пространство по бокам дороги. Увеличилось и количество плакатов – до сих пор большинство из них приветствовало Короленко. Многие всё ещё не знали, что он получил долгожданный билет. Встречались многочисленные болельщики Лобанова и Калашникова. Из этого следовало, что люди предпочитали ставить на самых крупных и крепких с виду участников. Ну что ж, пускай – мне от этого ни холодно, ни жарко.

Видел я ещё и своих болельщиков. Всего один раз. Я даже не разглядел, кто держал гигантское полотно с двумя цифрами «5» и «9» и небольшими красными буквами «МИРОНОВ». Плакат был в дальних рядах Толпы. Но и этого было достаточно, чтобы немного повысить моё упавшее было настроение.

- Фуу, ну и мерзость… - сказал 40-ой номер, проходя мимо меня. – Что это за дерьмо?! Зачем они это показывают?

Я посмотрел туда, куда смотрел Куклин и увидел несколько колоссальных плакатов с изображёнными уродливыми детьми.

«Наверное, они выбирали самые страшные фотографии…»

И вправду. Спокойно смотреть на уродливые ненормальные лица новорождённых было невозможно. Идущие плевались и чертыхались, глядя на этот ужас. Зачем маячили эти плакаты, стало понятно, только когда из-за угла одного здания показался Медицинский Исследовательский Центр с гигантскими надписями: «Будущий Победитель, запомни это! Только ты один во всём мире можешь предотвратить такое! Не забывай! А вдруг и твои дети будут такими!»

- Вот засранцы! – воскликнул я вне себя от злости.

- Сукины уроды! – заорал кто-то в первых рядах.

- Ублюдки, вот вам! – Лобанов расстегнул ремень, спустил штаны и шёл некоторое расстояние, хлопая себя ладонью по заднице, смотрящей в сторону больницы. – Вот вам ваше желание!

- Мы, бля, не для того умирать идём! – кричал кто-то сзади меня.

- Засуньте эти плакаты себе в жопы! – орал Афанасенко, ковыляя рядом со мной.

Да, возможно, мы немного перестарались. Люди в белых халатах ошарашено смотрели на нас. Плакаты один за другим опускались лицевой частью вниз. Некоторые девушки и женщины в толпе были в ярости и выкрикивали ругательства в сторону Идущих.

Прогулка продолжалась.

16.22

- Надо бы перекусить, - проговорил кто-то.

Идущие одобрительно закивали и стали расстёгивать рюкзаки. Я тоже услышал урчание в животе и решил поесть. При этом небо опять медленно окуналось в темноту, быть может, готовясь к новому беспощадному ливню.

Абажуров, который, казалось, недавно перекусил, опять набивал желудок какими-то гамбургерами. Один за другим они скрывались за вымазанными в жир щеками и губами.

- Смотри не лопни! – бросил старик Кучук, поравнявшись с толстяком, и поспешил дальше, бодро топая в своих тяжёлых с виду ботинках.

- Н-нэ б-баис-с… - пробормотал с набитым ртом номер 1. Он прожевал и продолжил. – Еда никогда меня ещё не подводила. Она – моя первая и последняя любовь. Я люблю есть, люблю вкусно есть. Еда – это энергия. Я не могу ничего долго делать, пока не поем. А когда наедаюсь – получаю такое количество энергии, что готов порхать как бабочка. Чего вы смеётесь? Ну, чего вы смеётесь? Это правда – чем больше я ем, тем больше у меня сил. Я в этом тысячу раз убеждался. Голодный не могу и до магазина без передышки дойти за хлебом. А, хорошо наевшись, могу гулять целый день по набережной в Калининграде. Пока у меня целый рюкзак разнообразной еды за спиной я буду идти, и идти, я вас уверяю. Я уверен в своих силах … - и он запел:

Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда моя еда со мной!

Идущие покатились со смеху. Кто-то даже получил третье предупреждение. Я тоже улыбнулся, даже, несмотря на уверенность, что Абажуров вот-вот получит билет.

Запахло курицей, колбасой и салом. Стали слышны шутки со всех сторон насчёт украинской любви к салу. Я же извлёк из портфеля консервированное мясо. Это было, на мой взгляд, самым правильным решением. Покончив с ним, я принялся за детское пюре, купленное накануне. Многие книги, посвящённые Долгой Прогулке, советовали его как один из самых правильных пайков для Идущих.

- Что за… - донеслось спереди.

- Эй, что за… - начал я. – Бля… - я оступился, выронил практически полную баночку пюре. Она разбилась об асфальт, брызнув густой смесью в разные стороны. Какая-та сумочка скрылась позади среди ног идущих людей сзади. Именно об неё я споткнулся.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ! – прокричал где-то в отдалении громкоговоритель.

«Какой-то знакомый номер…. А, блин…. Это ж я!!!»

Я ускорился, недовольно поглядывая вперёд и пытаясь определить, кто выкинул мусор под ноги участникам Прогулки. Впереди происходила какая-то возня.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СЕДЬМОМУ!

- А ЁКЛМН! – кричал какой-то парень с номером 7. – Да не может такого быть!!! Как же так…

Барановский лихорадочно топтался на месте, щупая себя за бока и оглядываясь вокруг.

- Твою мать, я уронил её! Я уронил поясную сумку! Чёрт!

- Там было что-то важное? – спросил Лобанов, нагоняя остановившегося Идущего.

- Ммм… Конечно! Таблетки, деньги, кое-что из личных вещей…

- Деньги?! – расхохотались Идущие. Многие подумали, что это шутка, но вскоре поняли, что мужчина говорил серьёзно.

- Да, деньги, - мрачно проговорил Барановский, набирая предельную скорость. – Готов спорить, подальше от города каждая встречная баба будет шлюхой, готовой трахнуться с любым из нас!

Новый порыв хохота.

- И как ты это себе представляешь? – спросил Лобанов, улыбаясь во весь рот.

- А как это было на прошлой Долгой Прогулке? – вопросом на вопрос ответил Барановский. – А? Вот так и буду трахаться!

Я помнил. Все помнили. Три девушки, допущенные до Долгой Прогулки, весь второй день скакали на Идущих, делая ЭТО на ходу. Две из них погибли с партнёрами, на пике оргазма, забыв про предупреждения и скорость. Ещё одна сломала позвоночник, когда у одного такого «любовника» подкосились ноги, и он уронил девушку на асфальт. Все эти случаи вызвали ужасающий скандал в мире. Некоторые страны, такие как Эстония и Китай, отменили показ любой информации о Долгой Прогулке по своему телевидению.

- Ну, посмотрим-посмотрим, - усмехнулся Лобанов.

Идущие продолжали пополнять желудки пищей.

- Люди, кто что собирается загадать у Главного? – спросил Ященко, снимая основную часть группы на видеокамеру.

- Я загадаю, чтобы он тебя оживил, а потом заставлю тебя съесть свою чёртову видеокамеру! – крикнул Калашников.

- А я не знаю, что загадывать, - бросил Лобанов. – По-моему, сто миллиардов евро будет предостаточно, чтобы самому стать исполнителем желаний. Я бы в таком случае спросил Главного об иных цивилизациях во Вселенной – есть ли там живые существа, попросил бы рассказать о них. А так – мне больше, в целом, ничего и не надо. Что вы смеётесь? А что тут такого? У меня даже без этих денег всё есть, мне не о чем даже мечтать…

Я вспомнил, как он вначале Прогулки резвился с двумя девушками в фургоне.

- И зачем ты тогда идёшь? – спросил я.

- Не знаю, - сказал он. – Записывался в участники десять месяцев назад, когда был пьяный «в жопу», ничего не соображал. А когда узнал о том, что буду участвовать в игре, долго думал после этого и решил, что это в моих силах, да и славу огромную принесёт. Бесплатная беспроигрышная самореклама получается.

- Какой-то ты слишком уверенный в себе, - заметил Кучук.

- Быть может, - пожал плечами Лобанов, попиваю воду из фляги. – Мне часто говорят, что у меня завышенная самооценка. Вполне может быть. Но я реально верю в себя, в собственные силы и возможности, и просто уверен на 100%, что увижу Конец Пути. Я, конечно, образно – никто не дойдёт до Могилёва.

Проходящий мимо Куклин печально вздохнул, покопался в карманах шорт и включил плеер.

- А я не собираюсь ничего загадывать у Главного, - неожиданно подал голос Афанасенко. – Я ненавижу Долгую Прогулку. Ненавижу вообще всякие глупые игры, передачи, ток-шоу. Я по жизни ярый активист, оппозиционер, забастовщик. Моё участие в игре – это тоже своеобразная акция-протест. Я готов умереть за неё! Но пока ноги идут, я планирую дойти до конца и плюнуть перед объективами камер в лицо Главному! И высказать всё, что я о нём думаю. Быть может, даже деньги не заберу, или только какую-то их часть, чтобы восстановить здоровье. Вот это, на мой взгляд, очень сильно понизит уровень уважения Главного! И мой статус! – улыбаясь, закончил он.

- Да его люди тебя потом кастрируют! – крикнул кто-то.

- Тебя пытать будут…. А уж что сам маг с тобой сделает!

- А я бы тоже плюнул этому Убийце в лицо, - проронил Лобанов. – Вы только вспомните Павленко, Фролова…. Отца Фролова. Нет, этот человек не достоин жизни на Земле.

- А он нас не слышит сейчас хотя бы? – боязливо спросил Иванов, паренёк в очках.

- Даже если и так, - сказал Афанасенко. – Что мешает ему прочитать наши мысли, если мы будем молчать?

- Говорят, Главный не прибегает к волшебству в повседневной жизни, - сказал Калашников откуда-то спереди. – Он проявляет свои потаенные силы только при исполнении желания Победителям, и даже никто не видит, как он это делает, кроме самих победивших, коих в мире всего несколько человек на сегодняшний момент осталось. Я лично считаю, что он может только исполнять чужие желания, а свои – нет. Иначе, он бы правил миром и не нужна была бы ему какая-та игра, где ещё нужно напрягать собственную задницу, чтобы иногда оторвать её от дивана и пойти общаться с участниками. Или тогда он – редкий извращенец…

- Люди, а может он не из нашего мира? Или с Космоса? – тихо спросил Иванов, номер 18.

- Ага, тогда я с Марса, - рассмеялся Ященко, продолжая снимать на камеру разговор Идущих. – Он – обыкновенный человек, получивший такой дар. Я верю в существование Бога и Дьявола. Думаю, что именно последний и наделил Главного такой силой. Может, за какие-то заслуги, а может, Главный продал ему душу.

- Нельзя исключать возможности, что Главный – сам дьявол в своём новом воплощении, - отметил Афанасенко. – Ну, или, по крайней мере, хотя бы его посланник. Демон какой-нибудь…

- Кстати да, вполне возможно, - подтвердил Ященко. – Такое состязание как Долгая Прогулка мог придумать только чёрт какой-нибудь. И, самое главное, заметьте, насколько успешным является этот проект. Все жители земного шара просто в восторге. Никто не читал книгу «Нужные вещи» Стивена Кинга?

- Я фильм смотрел, - сказал кто-то. – Отличная вещь. И я понял, о чём ты говоришь.

- Да-да-да, - закивал Ященко. – Там дьявол открыл свой собственный магазинчик, выдавая самые нужные вещи любому из посетителей, то есть, как бы исполняя их желания. Вместо денег он заставлял «покупателей» делать какие-нибудь пакости другим людям. В конце концов, ему удалось стравить одних людей на других…

- Ужасно, - проронил Иванов.

- Вот видите, - сказал Ященко. – Не так далека истина Долгой Прогулки от этого произведения. Главный – исчадие Ада, порождение Тьмы. Он призван на эту землю, чтобы убивать сотню людей в год, а остальных заставлять смотреть за этим и делать безжалостные ставки.

- В твоих словах есть смысл, - сказал Афанасенко, мрачно глядя на проползающий под ногами асфальт. – Я даже начинаю подозревать, что все смерти и события, происходящие на Дороге – дело рук Главного. В прямом смысле. Быть может, он сам руководит нами, как марионетками…

Он перестал говорить, и над дорогой повисла тишина. Ну, как тишина…. Ревела неугомонная толпа, в которой до сих пор многие болели за Короленко. Слышны были хаотичные звуки шагов Участников Прогулки.

Фургон с гигантским плазменным экраном вновь стал обгонять Идущих. Поравнявшись с двумя парнями, шагающими впереди всех и распивающими пиво, экран включился, и Идущие увидели одну улицу Москвы с высоты птичьего полёта. Дорога тоненькой ниткой проходила через огромное чёрное пятно – сквозь Толпу людей. Появился звук. Приятный женский голос описывал ситуацию:

- Мы видим огромное скопление людей на пути Идущих. Они достигнут этого отрезки дороги примерно через двадцать пять минут. Сейчас туда стягиваются дополнительные наряды милиции и воинских частей. Возможен новый прорыв Толпы на Дорогу – намного более массовый, чем в прошлом году. Эти люди около часа назад узнали о смерти Короленко Александра, номера 37.

- Не понял… - сказал Калашников, подходя ближе к экрану. Другие Идущие тоже пытались подойти к нему.

Картинка изменилась. Телекамера снимала в прямом эфире толпу, еле сдерживаемую со всех сторон милиционерами. Люди кричали и потрясали плакатами.

- О, Боже… - прошептал Калашников.

- Твою мать… - ругнулся я.

Плакаты пестрили нашими с ним фамилиями. «Калашников и Миронов – убийцы!», «Короленко должен был победить!», «Не дать Калашникову дойти до Красной Площади!», «Миронов – ничтожный кретин – помог Убийце встать на ноги!», «Чтоб ты сдох, Калашников!», «22 и 59 отныне позорные номера на все оставшиеся Прогулки!»

- Чего они тебя к этому привязали? – удивлённо спросил меня Калашников, когда мы вновь стали идти рядом.

- Ну… Я ведь помог тебе… - тихо сказал я.

Тем временем голос диктора продолжал описывать происходящее на экране, который показывал всё новые и новые плакаты и разъярённые лица болельщиков.

«Господи, да они нас убьют!» - подумал я.

«Вот видишь, не стоило тогда помогать этому безмозглому барану, который полез драться с Короленко…»

- Мы убьём их! Они недостойны жизни! – орал какой-то лысый фанат, чья майка была облеплена цифрами «3» и «7». – Это они убили того, но кого поставила большая часть Москвы!

- Хана вам, мужики, - сказал Ященко, обгоняя нас. Затем он крикнул на всю Дорогу: - Эй, Идущие, нужно отойти от этой парочки, чтобы самим не попасть под горячую руку!

Калашников заскрипел зубами от злости. Но Участники и вправду косились на нас очень боязливо. Без сожаления, просто боязливо.

«Твою мать, ну почему я?! Я же не виноват!» - хотелось закричать, но многолетняя выдержка спасала.

- Что нам делать? – спросил меня Калашников.

Я увидел новый вездеход солдат. Подошло подкрепление. Атмосфера накалялась.

- Нужно будет идти возле вездехода, чтобы солдаты видели нас и не попадали, если начнут стрелять.

- Точно, - сказал 22-ой номер. – Правильно мыслишь. Ох, чувствую, сейчас крови прольётся…

- Угу. Убитых будет не мало, - сказал я, представляя, как это всё будет происходить.

«Сколько мы сможем продержаться? Нескольких я точно с себя скину с помощью армейской закалки. Калашникова тоже будет не так просто завалить даже всем скопом. Да и солдаты помогут. Неужели нам придётся идти по трупам обезумевших жителей Москвы?»

Обстановка ухудшалась. Мы должны были достигнуть рокового отрезка дороги через десять минут. Появился военный вертолёт со снайпером.

Идущие держались подальше от нас с Калашниковым. Не исключено было, что вот-вот по нам начнут стрелять.

«Ох, ты, твою мать. Как же всё несправедливо!»

Время текло медленно и уныло. Идущие продолжали идти навстречу большим проблемам, ибо выбора у них не было. Воздух замер в ожидании чего-то громкого и страшного…

16.45

- Ого! – воскликнул Кучук, указывая куда-то в сторону.

В толпе виднелись плакаты с надписями «Кучук, мы болеем за тебя!», «Старик, порви этих молокососов, которые даже пороха не нюхали!»

«А вы будто нюхали…» - подумал я.

- Да-а-а! – торжественно кричал Кучук, махая руками своим фанатам. – Я их сделаю, как сосунков! Е-е-е-е!

Мы улыбались. Калашников крикнул номеру 42:

- Эй, дед, почему у тебя ни одного предупреждения нет? Неужели ты тут самый натренированный?

- Не знаю, сынок, - рассмеялся Кучук, потрясая своей неопрятной бородой. – Может это так, потому что я с детства люблю ходить пешком. Я никогда не пользуюсь транспортом, если в моих силах дойти своим ходом до определённой точки города. Просто эта игра как раз для меня – уж я-то точно не устану в пути.

«Что-то в нём мне не нравится, - подумал я. – Не такой он простой, каким хочет казаться…»

Кркх! – я опять наступил на какой-то шприц. Пришло время немного удивиться. После небольшого расспроса окружающих участников я решил выкинуть из памяти эти непонятные шприцы, валяющиеся на Дороге.

16.49

- Ни фига себе, - воскликнул Куклин, паренёк с номером 40. – Смотрите! Смотрите!!!

Мы посмотрели на толпу и увидели небольшую группу людей. Все они были одеты в красные тона, кто-то размахивал белорусским государственным флагом. На огромном полотне была вышита разноцветными нитками надпись: «КУКЛИН И ОПЯТОВ! СВОЯКИ, ПОРВИТЕ РОССИЯН! ПОДДЕРЖИТЕ БЕЛАРУСЬ!»

- Ого-го, ни хрена себе! Ты тоже из Беларуси?! – воскликнул Опятов, подходя к Куклину и получая предупреждение за сброшенную скорость. – Ха, чувак, да мы с тобой крутые парни! – они пожали друг другу руки и разговорились.

- Я из Могилёва! А ты? – спросил сороковой номер.

- Могилёв? А-а, ясно. А я из Минска! Будем знакомы, Сергей.

- Вася.

- Несмотря на то, что из нас двоих сто пудов кто-то умрёт, предлагаю временное сотрудничество, так как вдвоём идти легче! И веселей! – весело предложил Опятов.

- Ну.… Давай… - усмехнулся Куклин.

- Отлично, что слушаешь? – спросил Опятов, кивая на MP3-плеер 40-вого номера.

- Всего по чуть-чуть… - ответил Куклин. - Slipknot, Metallica, System Of A Down…

- Буржуйское! – рассмеялся Опятов и достал свой плеер. – А у меня попроще будет. На, послушай, - номер 73 протянул свояку наушник.

- Ха… - Куклин заулыбался. – КиШ? Нормально, я тоже его слушаю иногда…

- Иногда?! Хм, - Опятов немного помолчал. – А я вот думаю, что для Прогулки – самое то. Реально на весь мир хочется плевать и шагать себе в удовольствие, напевая знакомые песенки!

- А я вот думаю, что бодрое и динамичное наоборот помогает больше – быстрая музыка не даёт снизить шаг, ритм подталкивает дальше. Особенно при беге помогает… - закончил мысль Куклин.

- Ну, не знаю…

Разговор продолжался, а я слегка отстал от этих двух парней. Мы с Калашниковым держались ближе к вездеходу на гусеницах, с замиранием сердца наблюдая за волнующейся толпой. Мы приближались к разъярённым фанатам Короленко…

16.53

Роковую отметку мы достигли в гробовой тишине. Мир затих. Точнее, звуков было очень много – шаги участников, моторы автомобилей, рёв вертолётов – но не было слышно ни единого человеческого слова. Молчали Идущие, молчала Толпа.

«Блин, надо было, наверное, майку снять с номером и фамилией…»

Тысячи людей стояли вдоль дороги с плакатами. Девушки тихо всхлипывали. Множество взглядов были скрещены на двух людях, боязливо крадущихся в тени вездехода, нагруженного солдатами с АКМ. Я рискнул оторвать взгляд от асфальта. Зрелище было невыносимое. Все смотрели на меня. И на Калашникова. Люди, люди, люди… Камеры…

Ни одной вспышки фотоаппарата.… Нас никто не фотографировал. Все просто смотрели… тысячи взглядов мрачнее ночи…

Обстановка накалилась до предела. В воздухе как будто была натянута струна, готовая оглушительно лопнуть в любой момент, вызвав настоящий хаос и беспредельную утопию. Прозвучи хоть один громкий выстрел, и произошло бы столько всего сразу, что даже за экраном телевизора стало бы страшно находиться…

Я дрожал. Калашников что-то тихо бормотал себе под нос, уткнувшись взглядом себе в кеды. Его лицо теперь опоясывала грязная тряпка, пропитавшаяся кровью…

Толпа молча наблюдала за нами. Идущие продолжали идти.

Ященко тихо включил видеокамеру и снова начал снимать происходящее. Его лоб искрился от пота, видимо, ему тоже было страшно. Но, судя по глуповатой улыбке, играющей на устах, этому ублюдку нравилось то, что творится вокруг…

Трещали рации милиционеров. Вокруг собралось столько городских вооружённых сил, как будто Москва готовилась к настоящей войне. Я заметил спецназовцев на крышах ближайших зданий и на пожарных лестницах…

«Господи, люди, только не делайте глупостей!» - молился я.

Неожиданно тишина оборвалась…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Моя нога… Бля… Я не могу идти! – выкрикивал Рыков, мужчина с битой в руке. Он всё ещё нёс её с собой. – Я натёр ногу! Бля… Больно-то как!

Он страшно отставал. Мы поравнялись с ним. Один солдат спрыгнул с вездехода. Щёлкнул предохранитель. Смерть Рыкова в уме каждого участника Прогулки отсчитывала секунды…

Внезапно послышался оглушительный лай собаки. На Дорогу выскочил гигантский пёс, скалясь, рыча и пуская пену изо рта, которая белоснежными хлопьями опускалась на асфальт. Он поспешил к солдату, норовя наброситься и загрызть…

- Шарик, стой, ко мне! Ко мне! – закричала маленькая девочка, догоняя собаку.

- Катя! – завизжала в ужасе мать девочки. – Стой! СТОООЙ!!!

Солдат резко развернулся, вскидывая автомат и начиная стрелять. Пёс встал на две задние лапы, на секунду завис в воздухе, а затем небрежно рухнул прямо на руки подоспевшей девочки. Её с ног до головы забрызгало кровью…

Раздался оглушительный рёв толпы. Визжала мать, уже почти добежав до дочки. Кричала дочка, гладя окровавленную шерсть любимого пса. Солдат подошёл к ней и врезал по маленькому беззащитному телу ногой, отбрасывая девочку в толпу.

- НЕ ТРОЖЬ МОЕГО РЕБЁНКА, СУКИН СЫН! – заорала мать девочки не своим голосом. Она подбежала к дочке, проверила всё ли в порядке и опять стала кричать.

Солдат не обращал на них внимания, переключившись исключительно на Рыкова, который упорно хромал, еле удерживая предельную скорость.

- Да брось ты эту биту! – крикнул кто-то из толпы.

- Только если в тебя! – ответил хромающий человек, искажаясь от боли при каждом шаге.

Солдат шёл немного впереди Рыкова, идя боком. И тут, когда он решил немного развернуться, Рыков совершил абсолютно неожиданную вещь. Он перешёл на бег, подбежал к стоящему в этот момент спиной к нему солдату и отвесил ему мощный удар битой по левой ягодице, умудрившись сохранить скорость. Он продолжил ковылять, а Толпа просто взорвалась криками и аплодисментами. Идущие умирали от хохота.

- Ну, ты даёшь! – восклицал Лобанов.

- Так держать! – кричали из толпы.

Бедный солдат, казалось, стал ещё суровее, но продолжал идти теперь уже позади хромающего Рыкова. Он внимательно смотрел на хронометр из нержавеющей стали, выжидая тот момент, когда можно будет отомстить за позор перед людьми…

Но Рыков держался молодцом, следя за скоростью и ещё умудряясь махать руками зрителям.

- Как я его? А? Видали? Видали, как я его? – кричал он, потрясая битой.

«Что-то не нравится мне эта бита в его руке…»

«Ничего, может, ускорит процесс вручения билетов моим соперникам…»

«А если решит и ко мне полезть?»

«Ну, тогда я ему не позавидую!»

Опасный отрезок Дороги утратил свою злую мощь, Идущие шли уже более непринуждённо. Многие в толпе всё ещё злились на Калашникова. Ещё бы! Как вспомню слова Потапова по радио – получается, что люди чуть ли не все деньги выкладывали на Короленко. Ох, ну и дураки! Такие, как этот громадина, часто доживают до последних шагов Прогулки, но я никогда не был свидетелем, чтобы побеждал именно такой участник. А уж я то Конец Пути видел не раз…

Прогулка продолжалась.

17.01

Мне впервые за игру захотелось в туалет. Не отливал с самого утра – мочевой пузырь просто разрывался. Конечно, туалетные кабинки за нами на колёсиках не ездили, и потому я как можно незаметнее расстегнул ширинку и стал опорожняться прямо на ходу. Так делали уже многие до меня, никого это не удивляло. Ну, как никого…. Идущим было всё равно, а вот люди из толпы по бокам дороги просто начинали карабкаться друг на друга, пытаясь не упустить ни одной детали процесса. Телекамеры тоже быстро разворачивались в сторону отливающего человека, приближая изображение до максимально возможной отметки. И знаете в чём прикол? Картинки со всех профессиональных камер прямым эфиром транслировались по разным каналам мира. Весело? Неописуемо!

Я закончил отливать под гогот и улюлюканье Толпы, нарочно потрясал членом ещё секунд двадцать, затем спрятал его. Организму полегчало, ничего больше не стесняло движения, и я обрадовался нахлынувшей уверенности, что буду идти ещё так долго, что и невозможно представить…

«Всё путём! – думал я. – Да…. Всё просто презамечательно складывается!»

17.13

Кто-то спросил Иванова, Идущего под номером 18, что он читает. Я обернулся и увидел, что парень уставился в какие-то мятые обрывки бумаги, которые он нёс в руках. Маленькие глазки быстро бегали из стороны в сторону за стеклышками очков.

- Стивен Кинг. «Тёмная Башня». Последний том дочитываю, - ответил Иванов, дочитывая очередной листок, скомкивая его и выбрасывая в сторону. – Я конец последней книги сегодня утром вырвал, не успел дочитать до начала Прогулки. Великая вещь! Прямо не могу оторваться. А всю книгу лень тащить было – большая слишком и тяжёлая.

Кто-то усмехнулся. Но, в основном, Идущие молчали, ничего не говоря Иванову.

«Конечно, читать при ходьбе особенно с плохим зрением – не лучшая идея. Но Прогулке закон не писан. Здесь есть Правила, Участники должны следовать только им, а в остальных случаях можно хоть на голове прыгать, если хочется…»

Иванов шёл минут пять, продолжая читать. Я уже практически позабыл о нём, как вдруг раздался громкий голос:

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬНАДЦАТАМУ!

- Ой, извините, - сказал он и вновь ускорился.

Идущие расхохотались. Даже мрачный Дьяченко с выбитым глазом прыснул от смеха.

- Эй, ботаник, - крикнул Лобанов. – Ты ещё у этих уродов прощения попроси, так, может, они тебя не убьют потом?

Иванов смущённо топал в стороне, продолжая читать. Мы продолжали изредка смеяться, не в силах успокоиться. Я тоже еле сдерживался. Внутри весь организм просто трясся. Почему мне так смешно? Ведь ничего такого потрясающе смешного не произошло! Что это? Истерика? Или мы, Идущие, должны выплеснуть свою энергию, страх, напряжение?

Иванов заговорил через пару минут. Я не оглядывался, не видел с кем он общается. Быть может, сам с собой, но всё же…

- Врачи сказали полгода назад, что я умру через три месяца. У меня выявили рак мозга. Вот я и решил в последние месяцы своей жизни оторваться по полной, наверстать всё, что обычный человек может объять только к старости. Я тоннами читаю книги, смотрю все самые лучшие фильмы на планете. Недавно впервые в жизни научился играть в Counter-Strike, неделю отрывался по полной. Вот уже три месяца прошло с того момента, когда я должен был умереть. Головные боли практически не прекращаются, я жду и жду….

Записался на Долгую Прогулку, решил попытать удачу. Может, если дойду, загадаю желание, чтобы излечиться от рака мозга. А если придётся получать билет, то, что там! – мне и так немного осталось…

- Вот и смертник выявился! – ухмыльнулся Ященко, обходя Иванова спереди и снимая его лицо на камеру.

- Ященко! – окликнул кто-то оператора.

- Ась?

- Забей сраную пасть!

17.19

Москва закончилась очень неожиданно. Кто-то просто крикнул:

- Эй, смотрите!

Я оторвал взгляд от Дороги и увидел обыкновенную табличку, которые можно заметить при въезде в любой из городов СНГ. Надпись «Москва» была перечёркнута красной линией.

Мы все заворожено прошли мимо дорожного знака, а затем уставились вдаль. Магистраль ровной бесконечной полоской разрезала мир на две части, прорываясь куда-то вперёд…

в бесконечность…

в неопределённость…

17.22

За городом толпа стала более редкой. Видны были просветы. И это не могло ни радовать Идущих.

Четыре представителя правоохранительных органов появились на Дороге настолько неожиданно, что даже солдаты на вездеходе не успели среагировать мгновенно. Милиционеры возникли из Толпы, как прыщи ни с того ни с сего появляющиеся на лице по утрам. Они спокойно обошли заслон из таких же милиционеров, показывая полагающиеся документы, перемахнули невысокий оградительный забор и ступили на асфальт. Трое из них сразу бросились в сторону Идущих, а один побежал к вездеходу, выкрикивая:

- Всё в порядке! Мы – местное управление милиции. Все документы при нас. Мы пришли арестовать Ковалёва, разыскиваемого преступника номер один в России.

- Меня?! – воскликнул мужчина с номером 33.

- Меня?! – ещё более удивлённо вскрикнул парень под номером 34.

Они были однофамильцы. Три милиционера подбежали сначала к одному, потом ко второму. Двое держались за кобуру с пистолетом, один приготовил наручники. Но кого арестовывать – было непонятно.

Несмотря на какие-то там документы, солдаты знали свой долг. Один уже вскочил и снял с плеча автомат. Милиционер откинулся назад, в руке моментально возник пистолет Макарова. Одновременно щёлкнули два предохранителя. Абажуров поперхнулся бутербродом и ускорил шаг…

- Назад! Мы имеем право забрать Ковалёва Андрея, и если вы будете препятствовать, мы будем вынуждены…

Прогрохотала короткая очередь. Милиционер скривился, прижав руки к окровавленному бронежилету.

- Сука… - прошептал раненый, а затем, неожиданным и быстрым движением, выкинул правую руку перед собой, разряжая пистолет в голову солдату.

Человек в армейской форме дёрнулся назад телом, запрокинув кровоточащую голову, оступился, перекинулся через противоположный борт вездехода, и безжизненно опал на

асфальт в нелепой позе. Солдаты подскакивали со своих мест, нацеливая оружие на врагов. Началась стрельба. Два милиционера прятались за Идущих, стреляя из пистолетов и запрашивая подкрепление, один бросился к номеру 34 и закричал:

- Как зовут, сука?

- Ч-что? – тревожно спросил Ковалёв.

- Как тебя зовут, бля?! – заорал ему в лицо милиционер, наблюдая краем глаза, как очередь из автомата пробивает череп его напарника. – Говори быстрее, твою мать!!!

- Э-э… Костя…

Милиционер быстро разворачивается и бежит ко второму Ковалёву, раскрывая дужки наручников. Вокруг свистят пули, чудом не попадая в Участников Прогулки. Кто-то в ужасе приседает, затыкая уши и закрывая голову. Сквозь шум стрельбы и брызги крови до моих ушей долетает одно предупреждение за другим, произносимые холодным металлическим голосом из громкоговорителя.

Второй милиционер пытается уползти с дороги в сторону. Ему прострелили обе ноги и руку. Пистолет и два отстреленных пальца валяются на одной из сплошных линий…. Один раненый в шею солдат, сдерживая одной рукой бьющую ключом кровь, бежит к врагу, обегая Идущих. Достигнув цели, он разряжает оставшиеся в магазине АКМ пули в спину милиционера…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕМУ!

Ковалёв что-то кричит. Его лицо прижато к асфальту. На нём сидит последний милиционер, нахлобучивая сзади наручники на сведённые вместе руки. Страж порядка вскакивает, чтобы помочь напарникам и видит, что бой закончен, и все его люди убиты. Он начинает тянуться к кобуре, когда две очереди одновременно превращают его тело в решето. Кровавые брызги с ног до головы окутывают поднимающегося с земли Ковалёва…

Кусочек то ли уха, то ли губы прилипает к стёклышку очков Иванова. Он в ужасе начинает вертеться, пытаясь стряхнуть злополучный предмет, и получает последнее предупреждение. Это приводит его в чувство реальности, он продолжает идти под страхом смерти, аккуратно отскрёбывая неприятную деталь от своих очков.

Слышно визгливое причитание где-то впереди. Дьяченко совсем сходит с ума – он кричит, злится, плачет, смеётся, негодует, молится Богу и в то же время обзывает его грязными ругательствами. Плечо 13-ого номера пробито шальной пулей, рука заливается ручьями крови, на мокром асфальте за ним остаются красные мутные пятна. Повязка сбилась в сторону с изуродованного глаза, что придаёт ещё более ужасный эффект картине…

«Действительно невезучий!» – думаю я.

Всё произошло настолько быстро, что некоторые Идущие просто не могли понять – а не показалось ли всё это. Но нет, не показалось – невесть откуда появившиеся новые солдаты заняли места одного погибшего и одного раненого товарищей, ещё двое молча и оперативно тащили трупы по асфальту, убирая с Дороги.

Один Ковалёв находился в шоковом состоянии, не веря, что его чуть не убили, а его однофамилец хмуро шагал позади всех, пытаясь снять наручники.

- Что-то не помню, чтобы у меня в гороскопе было такое дерьмо! – усмехнулся он. Его портфель постоянно съезжал вниз к наручникам, отчего Андрею приходилось снова и снова его подтягивать, умудряясь не сбросить скорость.

- Ты чё реально преступник? – крикнул ему Калашников.

- Ага, - усмехнулся номер 33. – Есть немного…

- Маньяк что ли? – спросил Рыков, хромая неподалёку и поигрывая битой.

- Да вы что! - рассмеялся Ковалёв Андрей. – Хакер я. Взломал парочку важных государственных объектов. Да ещё и инфу слил китайцам и на запад…

- Ах ты, сволочь, Родину продал, что ли? – вскрикнул Афанасенко с дальнего конца цепочки Идущих.

- Нет, - усмехнулся Ковалёв. – Родина моя – Украина. Родители русские, но родился я в Крыму!

- Большая разница – что Украина, что Россия, - усмехнулся Лобанов.

- Близко расположены, да не то же самое! – ответил «арестованный».

- Так тогда, ты, сука, получается государственный преступник! – злобно рявкнул Афанасенко. – Желаю тебе мучительно сдохнуть на этой дороге!

- Взаимно, - улыбнулся Ковалёв и стал вновь пытаться стянуть наручники с запястий.

Раздался звук треснувшей пластмассы. Иванов получил предупреждение. Он сказал, что наступил на какой-то шприц….Я стал выглядывать вперёд, пытаясь определить того, кто разбрасывает их на Дороге. Но впереди нашей небольшой сформировавшейся компании тянулась цепочка из более чем пятидесяти человек.

«Наверное, с нами идёт какой-то наркоман!» - подумал я. И сразу же забыл об этом человеке.

Прогулка продолжалась. Тучи сгущались и сгущались, вернулся ветер. К шести вечера первого майского дня уже стало темно почти как ночью…

18.00

Тёмной ночью посредине лета
Шёл хипарь дорогой полевой!
Спиздил вишню молодую где-то
И довольный нёс её домой!

Два парня в кожаных куртках распевали какую-то матерную песенку, громко горланя пьяными глотками. У каждого в руке ещё было по бутылке водки, где жидкости осталось граммов пятьдесят.

Он глядел стеклянными глазами
На поля, на дальнюю межу!
И пришла мысля: «а дай-ка я на память
у дороги вишню посажу»!

И солдаты, и Идущие молча наблюдали за пьяницами, ожидая, когда они упадут или остановятся. Кто-то сказал, что у каждого из них по три предупреждения. Но мужики продолжали голосить:

Пусть растёт большая-пребольшая,
Пусть идёт и вширь, и в высоту!
И дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету!
Гопники в тени её прилягут
Подрочить в прохладной тишине.
И, отведав кисло-горьких ягод,
Может статься, вспомнят обо мне.
А не вспомнят, экая досада,
В этот мир пробитым я иду.
Заебись! Не вспомнят и не надо!
Значит, хуй я вишню посажу!

Они ещё несколько раз пропели последние две строчки, а потом один коротко выкрикнул:

Тёмной ночью посредине лета

Топал панк дорогой полевой!

В толпе некоторые люди зааплодировали, что очень воодушевило певцов, и они затянулись «Лесником», песни группы «Король и Шут». Тут уже подключились к хору ещё несколько Идущих, в том числе белорусы – Опятов и Куклин.

Настроение у участников Прогулки было какое-то колеблющееся между истерикой и унынием. Кто-то пел, кто-то хмуро шёл, полностью поглотившись только собственными мыслями. Дорога начинала раздражать. Бесконечные белые полоски, тянувшиеся к недосягаемому горизонту, сводили с ума, врезаясь в память как иголки под ногтями при фашистских пытках.

Я даже начинал уже клевать носом, теряя сознания от какофонии глупого шума и миллионов вспышек фотоаппаратов…

И тут, к всеобщему удивлению и ужасу, прогрохотал гром и на головы Идущих обрушился плотный ливень…

Глава 5: Лужи крови, капли дождя…

Ноги двигались, а сами они - нет.
Вишневые огоньки сигарет, вспышки
фотоаппаратов, бенгальские огни
можно было принять за звезды,
составляющие странные, очень низкие
зловещие созвездия, протянувшиеся
вдоль дороги, и удаляющиеся в
никуда...
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

«Знаете что такое СДД? А я вам скажу!
Сожрите друг друга! Жестко, но, в
целом, верно»
(Борис Акунин «Статский советник»)

20.03

Шесть целых и четыре десятых – число, которое за последние часы стало самым ненавистным для девяноста семи человек. В семь часов вечера практически все Идущие одновременно почувствовали, что самая большая массовая проблема вот-вот начнётся. Ноги переставали слушаться. Опять стали выдаваться предупреждения, участники спотыкались и ругались, но ничего не могли поделать. Дождь лил как из ведра, а проклятый ветер специально направлял жидкие очереди в самые незащищённые места тела от дождя.

Для меня проблемы начались с того, что ветер просто сорвал с моих плеч прозрачную накидку, бросив куда-то назад. Я остался беззащитным перед беспощадным ливнем. Калашников жалостливо на меня косился, но ничем помочь не мог. Сам он еле сдерживал свою собственную накидку, края которой бессильно трепыхались под напором громадной мощи бури.

Следующее происшествие, которой в какой-то степени навредило мне – было падение Куклина, 40-ого номера. Уже где-то два часа передо мной маячил его портфель, обвешанный непонятными русским людям оппозиционными значками. Я загипнотизировано смотрел на него, в уме выговаривая «левой, правой», что по-

настоящему немного помогало идти, но вселяло чувство безысходности. Внутри моей мокрой от дождя головы куда-то улетучилась уверенность в том, что я стану Победителем. Под напором ветра и ледяного непрекращающегося душа я пока ещё не принимал это решение всерьёз, надеясь, что многое образумится…

Неожиданно портфель Куклина резко исчез из поля моей видимости. Ещё секунду я моргал, пытаясь оторваться от цепочек мыслей и вернуться в реальность, как вдруг что-то подвернулось мне под ноги, и я упал…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОКОВОМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ!

- Я больше не могу… - простонал сороковой номер, лёжа рядом со мной на асфальте. Я же встать ещё мог, так как был просто в состоянии глубокого шока – до меня неожиданно дошло, что я откусил себе кончик языка.

Хотелось сказать что-нибудь грубое и неприятное этому сопляку за то, что свалил меня на землю вместе с собой. Но, разлепив губы, почувствовал, как по подбородку течёт кровь – рот был полон кислой жидкости. С отвращением сплюнув, я застонал от ужасной боли в языке. Чёрт, я и вправду откусил кончик языка – то место теперь не чувствовалось из-за неописуемого болезненного сверления, похожее ощущение можно было сравнить разве что с болью, приходящей после испарения наркоза в районе оперируемой раны. Ужасное чувство!

Я попытался встать. Ноги не слушались.

«Что, чёрт подери, такое?!»

Ноги ощутили отдых. Простой отдых и непринуждённость. Ноги спали. Да, спали каким-то мёртвым сном, едва я остановился после двенадцати часов непрерывной ходьбы…

«Боже, нет, НЕТ!!! Не поступай со мной так!»

Я сел на асфальт, принявшись растирать онемевшие конечности. В памяти чётко возник образ ползущего человека из моего последнего сна…

- Давай, твою мать, давай! – начал прикрикивать я, хлопая ладонями по бесчувственной коже.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОКОВОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУРЕЖДЕНИЕ!

И через секунду…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ!

- Нам с тобой полный пиздец… - как-то даже немного весело промолвил Куклин, номер 40. – Наша Дорога подошла к концу…

- Да пошёл ты… - прошептал я и, когда услышал сзади подкрадывающийся вездеход, бросил растирание ног и на четвереньках пополз по Дороге, пытаясь встать. Ноги едва начинали выпрямляться, чтобы стать в полный рост, как мышцы вновь не выдерживали напряжения, и колени опять разбивались в кровь об асфальт. – Давай, давай…

- Эй, свояк! Свояк! – мимо меня простучали по дороге чьи-то кеды. Видимо, Опятов решил позаботиться о своём друге.

- Не надо… Сергей… - раздался убитый голос у меня за спиной.

- Давай-давай, - натужно проговорил где-то сзади голос Опятова. – Дома будешь нюни распускать…

- Миронов! Ты чего? – раздался где-то издали голос Калашникова.

Я коротко взглянул вдаль. Далеко-далеко впереди я увидел маленькую фигурку Калашникова, идущую спиной вперёд. Он смотрел на меня и кричал:

- Поднимайся, давай!

«Вспомнил-таки, - злобно подумал я. – А помочь слабо?»

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Неожиданно я понял, что подошёл мой конец. Да, это был рубеж. Мой предел. Я не мог больше сделать и шагу. Я проиграл. Меня ждёт смерть…

Мимо, шаркая ногами, прошли две тени – Опятов помогал свояку. Куклин ещё жил. Он переживёт меня. Мне стало смешно от этой мысли – меня переживут даже самые слабые…

Я ещё раз бросил взгляд на удаляющиеся спины Идущих. Мелькнул отблеск какого-то фонаря в сумерках – Ященко снимал меня на видео камеру.

«Я тебя уничтожу…» - была последняя мысль, перед тем, как отрубиться…

И, в последний момент перед тем, как потерять контроль над телом, я слышу быстро приближающиеся шаги. Кто это? Солдат? Пятнадцать секунд прошло?!

20.17

- Ну, как, теперь лучше? – голос Калашникова.

- Э-э-э…. Я в Аду?

- Размечтался, - усмехнулся Калашников. – Ты – на Долгой Прогулке….

- Вот говно…

Я, наконец, разлепил глаза и позволил Калашникову отпустить меня, пообещав, что смогу идти сам. Дождь всё ещё шёл, я полностью промок. Абсолютно полностью. И не только от капель дождя, но и от литров ледяной воды из фляг, безжалостно выливаемых мне на голову Калашниковым.

«Молодец, друг. Спас всё-таки. Жаль, что теперь мне светит как минимум воспаление лёгких, ну, да ладно. Я сомневаюсь, что мои ноги позволят увидеть хотя бы рассвет…»

- Спасибо… - сказал я, прогоняя мрачные мысли.

- Да не за что, - усмехнулся номер 22 и дружелюбно похлопал по плечу.

Прогулка продолжалась. Я всё ещё был в строю.

20.38

Рыков курит. Один единственный из всех участников.

- Да, в жизни я не курю. Только в начальных классах увлекался этим. Я так и в анкете писал. Но всё же решил взять с собой пачку сигарет – а вдруг придётся! – он усмехнулся, сделал новую тягу и выпустил дым колечками. – А теперь ботинок натёр ногу и мне становится ясно, что я не дойду до конца…. Вот такой вот я реалист!

20.41

Рыков морщится от боли. Он довольно сильно теряет скорость, болезненно хромая. Предупреждения пока не выдают, но уже через минуту он становится последним в строю смертников…. Сигарета выпадает изо рта, рука лениво дёргается, пытаясь поймать, но огонёк проскакивает между пальцев…

Дождь шёл, а под капюшоном 88-ого номера лоб искрился от пота. В уставших глазах читалась не только обречённость…

Было и кое-что ещё.

Он молчал и продолжал идти, немного похрамывая. Молчала и бита, покрытая искрящимися бусинками воды…

20.43

Ноги еле волочились, надежда на победу практически полностью испарилась, а тут ещё, как назло возникла новая проблема. Я вновь захотел в туалет. Но, теперь уже совсем по-другому, не так как раньше.

«Господи, я же срал утром! Что у меня с организмом?!»

«Нужно что-то делать! Я же не смогу сесть на корточки! И… у меня всё ещё три предупреждения!»

«Это всё Главный! Этот сукин сын всё подстроил! Я не дойду!»

«Нет дойду! Я вытерплю!»

Дождь продолжал лить, минуты уплывали одна за другой, а я всё больше и больше понимал, что не смогу пережить даже половину всех Идущих…

Перед глазами, уставившимися куда-то в асфальт, проплыл ещё один пустой шприц с иголкой. Я продолжал идти, не зная даже, как на это отреагировать – усмехнуться или ругнуться матом.

20.58

Небо темнело. Солнце уже спряталось за городскими зданиями. Длинные тени расползались по улицам, шарахаясь от вспышек фотоаппаратов.

- Говорят, ночью будет очень холодно! – Калашников перекрикивал дождь.

- Много людей поляжет… - донеслось со стороны Лобанова.

Солдаты сменили караул на вездеходе. Новые свеженькие бойцы сидели с автоматами в руках. По независимой ни от кого традиции Долгой Прогулки, очень много людей погибало с наступлением ночи.

Солдаты были готовы исполнять свой долг.

21.00

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОМУ!

- Абажуров?! Что с ним? – спросил кто-то.

Идущие стали вглядываться вперёд. Толстяк приближался к задним рядам – он стремительно терял скорость. Толпа ревела – все камеры устремили объективы на первый номер.

- О, боже!

- Твою мать, он… он…

- Что с ним? – выкрикнул Калашников. – Я не вижу! Объясните!

- У него понос, - выкрикнул Ященко, включая камеру. – Говорили же ему много не жрать!

Я всматривался вдаль и разглядел Абажурова, который шёл в полусогнутом состоянии со спущенными штанами. Бледная кожа ног была покрыта коричневыми ручейками…

- Фуу, не могу на это смотреть!

- О, Боже…

- Господи, спаси нас всех…

Абажуров достиг задних рядов. Вместе с ним нас навестил ужасный тошнотворный запах.

- Вот дерьмо! – выкрикнул Ященко, заткнув одной рукой нос, и продолжая снимать на камеру, проходящего мимо Абажурова. – Не повезло же тебе…

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОМУ!

- Сними штаны! – крикнул Калашников. – Ты идти не можешь!

Абажуров молчал. Он продолжал семенить в спущенных штанах в полусогнутом состоянии. Глаза были закрыты, лицо раскраснелось, вены вздулись на висках от натуги…

Прошла новая судорога. Раздался чавкающий звук, новая волна мерзости побежала по ногам бедняги…

«Он уже последний в цепочке. Хотя нет, ещё Рыков есть…»

88-ой номер ковылял самым последним. Абажуров приближался к нему, так и не сумев ускориться. Рыков, казалось, повалится ещё раньше, хотя взгляд он сумел оторвать

от земли и увидеть Абажурова. И тогда я заметил, что Рыков берёт биту в правую руку, слегка потрясая...

«Нет!» - мой рот раскрывается, но что-то сдерживает крик. Может, мне это самому нужно?

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЕРВОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Один солдат спрыгивает на дорогу.

Абажуров останавливается и пытается подтянуть штаны. Едва ему это удаётся, Рыков настигает его. Судя по спокойному лицу 88-ого номера, я уже решил, что ошибся – он, видимо, даже и не собира…

- ЭЙ! ДЕБИЛ! ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?! – заорал кто-то из первых рядов.

Бита описала длинную дугу в воздухе и врезалась в затылок Абажурова. Зрачки бедняги взлетели к бровям, штаны вновь упали из обессиленных пальцев. Через секунду он рухнул на грязные колени. Рыков шёл дальше, даже не оборачиваясь. Бита болталась из стороны в сторону в такт ходьбы. Она сделала своё дело.

Абажуров ударился лицом в асфальт, политый пару секунд назад собственным поносом.

Четыре долгих мучительных секунды ничего не слышно. Гробовая тишина.

Затем булькающий звук…

И короткая очередь. Абажурову вручили билет. Он – вне игры. Еда не помогла ему.

21.09

Калашников очухивается первым. Он что-то кричит Рыкову, но никто даже не слушает его – каждое слово полно лютой ненависти и мата. Всем ясно, каким путём пошёл 88-ой номер. Идущие молчат, не находя слов, чтобы выразить своё мнение. Кто-то охвачен ужасом, другие – злостью.

- Мы должны его наказать! – крикнул парень с фамилией Жуков.

- С другой стороны, он облегчает нам жизнь! – подал голос какой-то не особо умный участник. На него накинулись с криками и проклятьями.

- Эй, Рыков, ты совсем страх потерял? – крикнул кто-то с передних рядов.

- Идём сюда, скажи мне это в лицо! – донесся ухмыляющийся бас откуда-то сзади.

- Ты довыпендриваешься! – прозвучал ответ издалека. – Бита тебе не поможет!

- Жду не дождусь, когда ты отстанешь, и будешь идти рядом со мной, - промурлыкал Рыков и расхохотался.

Я лениво бросил на него взгляд. Он меня не пугал. С таким матёрым солдатом как я ему не тягаться. Но в чём-то я этого безумца поддерживал. Он, возможно, некоторое время будет отсеивать самых слабых – а это очень хорошо. Путь станет короче хотя бы на толику, а вместе с ним и наши мучения…

Мне всё так же хотелось по-большому, ягодицы были напряжены, но я пока держался, надеясь, сделать Это попозже, когда будет темнее и, быть может, менее опасно. Ноги-то всё ещё болели, а Рыков продолжал помахивать вокруг себя битой, насвистывая какую-то песенку.

21.32

Многие Идущие стали по-настоящему бояться. Некоторые настолько перепугались Рыкова (как же так – теперь их убивают не после трёх предупреждений, а просто за снижение скорости!), что не опускали вопрос насчёт того, чтобы разобраться с безумцем. Кто-то не терял надежды, что Рыков умрёт сам по себе – 88-ой номер болезненно хромал и извивался всем телом при каждом шаге. Он кривился лицом, опирался на бейсбольную биту, хотя при ходьбе она не столько помогала, сколько мешала.

Калашников и Лобанов, те, к кому чаще всего обращались с этим предложением, молча шли, следя за дыханием. Им Рыков практически никак не угрожал, а тратить силы впустую им не хотелось.

21.39

Погибает рыжеволосый парень с номером 71. Я не запомнил его фамилию – первая «Н», а дальше не помню. Рыжий просто рухнул на асфальт, не имея сил подняться. Он пытался ползти, но получалось у него это скверно…

Все молча проходили мимо. Он проговорил:

- Вот собаки! Идут и идут! Нет, чтобы помочь!

Ему выдали третье предупреждение. Один солдат направлялся к нему. На последних секундах с ним поравнялся Рыков, окинул взглядом, решил, что тут даже добивать не придётся. Рыжий был истощён до последней капли. Он лежал лицом на мокром асфальте и, наверное, сил не осталось даже не молитвы…

Пророкотала смертоносная музыка АКМ. Сила удара трижды перевернула труп, покатив его куда-то к обочине. Толпа на этом месте ревела от эйфории…

22.00

Пикает будильник на ручных часах Рыкова.

- Ха, вот бляха-муха! – усмехается Рыков, выключая будильник. – Это ж в десять часов передача с участием моего брата начинается по телику! Вот, блин. Сегодняшний выпуск пропустил! Надеюсь, кто-нибудь из знакомых мне его запишет…

Идущие не смеялись с шутки убийцы, продолжая идти в молчании.

Через пару минут опять появляется фургон с плазменным экраном на боку. Показывают новости Прогулки, которые никто не смотрит (что мы Рыкова не видели?), а затем – таблицу участников.

Я обратил внимание, что добавилось больше надписей «НЕСТАБИЛЬНОЕ», в том числе и у меня.

«Дело дерьмовое! Что же делать?»

22.16

Афанасенко опять начинает хромать. При чём очень резко и сильно. Он спотыкается, дёргается, падает.

- Да что за дерьмо!!! – кричит он, слыша как выдаётся второе предупреждение. – Что у меня с ногой! Бля! Дерьмо! Сука! Я не хочу умирать! Иди, давай, иди!

- Иди ко мне, голубчик! – улыбнулся Рыков, тоже изрядно хромая. Но в отличие от Афанасенко он ещё удерживал скорость. – Давай-давай, я жду!

Номер пять уже оказался почти позади всех, приближаясь к Рыкову. Как он ни старался, но ускориться не получалось.

- Ну, что? Облегчить твои мучения? – спросил Рыков, ступая уже более аккуратно и беря биту обеими руками, занося для удара.

- Ах ты, сука! – Афанасенко получает третье предупреждение, разворачивается и мчится к Рыкову. В длинном красивом прыжке он целится ногой в грудь восемьдесят восьмого номера, но тот изгибается в сторону и задевает пролетающего мимо врага битой.

Афанасенко кувыркается в воздухе и катится по асфальту.

Его время истекает, он едва успевает подняться и пытается ускориться… но не успевает! Солдат вскидывает оружие и начинает стрелять. Афанасенко приседает и дёргается в сторону, пытаясь увернуться от пуль. Зажав курок, солдат ведёт прицел дёргающегося автомата на ускользающего в сторону участника долгой Прогулки…

У пятого номера был шанс убежать. Хотя бы оттянуть время, ворвавшись в неплотный строй толпы. Но он не успел добежать, так как заплетающиеся ноги свалили его на асфальт.

Солдат быстро вёл бесцельно выстреливающие пули в сторону Афанасенко, прочерчивая дырявую полосу на дороге. Пятый номер заелозил ногами, пытаясь отодвинуться от наступающей смерти, но град пуль настиг его, разрывая в клочья одежду и вырывая куски мяса…

Глупый ЩЁЛК! Магазин опустел. Афанасенко досталось всего несколько попаданий, и он всё ещё остался жив. Раненый человек дёргался и хрипел, окровавленные руки тряслись в воздухе. Солдат быстро перезарядил АКМ, подошёл ближе к Афанасенко и коротко стрельнул ему в голову. Прозвенела гильза, с тихим шелестом опали руки по бокам трупа …

- 95! – прокомментировал Рыков. – Ещё мне осталось убить 94 человека!

- Мечтай, - лениво бросил Калашников через плечо.

А я мрачно наблюдал за тем, как исчезает строка с фамилией «Афанасенко» из таблицы участников…

22.20

- Надо же что-то делать, парни! – крикнул Жуков. – Кто меня поддержит? Мы должны покончить с этим уродом!

Кто-то и вправду поддержал Жукова. Начался сбор команды против Рыкова.

Уже через пару минут стало заметно, что убийца нервничает. Он уже больше не ухмылялся, хромал ещё чаще, постанывал от боли…

Когда он получил первое предупреждение, команда «Антирыков» преступила к своим действиям.

22.24

Жукову удалось уговорить ещё трёх человек, чтобы вместе пойти убрать с Дороги Рыкова. Все четверо не отличались сильным телосложением, зато, во-первых, у них не было предупреждений, во-вторых, состояние было явно стабильное, в-третьих, все четверо где-то раздобыли ножи «бабочки». Многие Идущие прихватили их с собой. Как я полагал, не только колбасу резать…

Ровно в 22.24 они быстрым шагом двинулись в сторону 88-ого номера. Солдаты на вездеходе заволновались, двое спрыгнули на асфальт, снимая автоматы с предохранителей. По одному предупреждению выдали каждому из нарушителей Правил.

За эти пятнадцать секунд команда добралась до конца цепочки Участников и атаковала Рыкова. Он видел опасность и заранее подготовился к бою. Первого наступающего врага встретила прямо в лоб банка тушенки, отчего он остановился и сбил строй наступающих. Второй атакующий набросился, метя нож в шею Рыкова, но последний прикрылся заранее снятым портфелем. Лезвие вошло внутрь, воткнувшись в какой-нибудь хлеб или бутылку с водой. Рыков крутанул портфель, заставляя соперника выпустить застрявший нож из руки. 88-ой хотел нанести ему ещё удар битой по голове, но неожиданно пришлось ею защищаться от нового врага. Жуков вскользь прошёлся лезвием по древку, спотыкаясь об выставленную ногу врага, и падая…

Последний из четвёрки вошёл в бой неудачливее всех. Рыков ушёл от удара «бабочкой», развернулся вокруг своей оси и заехал торцом ручки бейсбольной биты в затылок бедняги. Парень кубарем полетел куда-то в сторону.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОМУ!
- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТОМУ!
- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОК ТРЕТЬЕМУ!

Рыков шёл уже пятым с конца, оборачиваясь и с улыбкой окидывая взглядом место битвы. Последний парень обездвижено лежал на асфальте. Его три друга мрачно топали за спиной убийцы. Нож остался только у Жукова. Ещё один парень держался за кровоточащий глаз, всхлипывая и матерясь. А тот, чей нож остался в портфеле у Рыкова, хмуро брёл рядом с раненым товарищем, осматривая его ранение.

Солдаты выдали последнее предупреждение сорок третьему. Один из них лениво подошёл к лежащему, немного постоял, ожидая истечения последних секунд, успел даже вытащить магазин из АКМ, чтобы проверить пули, а затем вручил билет бедняге.

- Уууу! Сволочь! – прорычал тот, кто оставил нож воткнутым в портфель. – Сейчас ты получишь за смерть Жени!

Он ускорил шаг, подбираясь ближе к Рыкову. Тот усмехнулся и стал легонько помахивать с этой стороны себя битой, раздражая и отпугивая соперника. Наконец тот бросился вперёд, слегка вильнул, подныривая под удар оружия, вцепился в шею Рыкова крепкой удушающей хваткой. Каждому из них выдали предупреждение. Оживился Жуков, он приблизился к сцепившимся врагам, потрясая «бабочкой».

Неожиданно парень, душивший Рыкова громко вскрикнул. Он попятился, в его ребре под мышкой торчала рукоятка ножа. Рыков использовал холодное оружие, застрявшее у него в портфеле после одного из врагов. Струйка крови короткими толчками брызгала в сторону.

- Аааа, бляааа… - проревел парень, выдёргивая холодное оружие из собственного тела. – Я тебя…

Прогрохотала очередь выстрелов. Звякнул выпавший нож, парень осел на асфальт, плюхнувшись головой в лужу. Кровь быстро расползалась вокруг тела по мокрой поверхности Дороги…

Настал черёд Жукова. Он атаковал откуда-то сбоку. Рыков не успел среагировать, поэтому просто прикрылся рукой. Лезвие смачно вонзилось в плоть, обезумевшее лицо Жукова залилось брызгами венозной крови. Рыков закричал, но ускорил шаг, не забывая про третье предупреждение. Не выпуская биту из одной руки, вторую он прижал к груди, борясь с невыносимой болью.

Жуков шагал сзади, медленно обходя противника с другого бока.

- Нравится убивать людей, собака? – спросил он, сплёвывая чужую кровь, попавшую в рот. – Нравится, я спрашиваю? И мне нравится. И даже очень сильно хочется совершить это прямо сейчас!

Последнее слово он уже выкрикнул, рванув на врага. Рыков был готов к этому и метнул, не оборачиваясь, своим портфелем в голову Жукова. Удивительно, но тяжёлая сумка не только остановила разгорячившегося парня с ножом, но и свалила на землю.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Ох, ты, твою мать! – злобно выругался Жуков, поднимаясь на ноги. По грязному лицу из носа и губ текла кровь, быстро смываемая каплями дождя. – Вот сукин сын! Кто тебя растил, урод? Твоя мать, наверное, была последней шлюхой из подворотни! А отец твой явно был пидарасом! И пидараса воспитал!

- Давай-давай, что ты пиздишь там, Жуков? Нападай! – крикнул Рыков через плечо. – Или очко играет во Вьетнам?

Жуков не спешил теперь нападать. Он молча брёл, вытирая грязным рукавом кровь.

Рыкова начал обгонять парень с выбитым глазом. Поравнявшись с убийцей, он проронил:

- Всё, я выбыл…. У меня травма! Я тебя не буду трогать!

- А я тебя буду! – усмехнулся Рыков. Он, не снижая скорость, подошёл к Идущему под номером шестьдесят семь и… довольно легонько толкнул рукой.

- Аааааа! Что ты делаешь, придурок!!! – закричал сзади Жуков, видя, что сейчас произойдёт.

Одноглазый устоял на дрожащих ногах. Ему выдали последнее предупреждение. Рупор проговорил где-то совсем близко, буквально за спиной. Номер шестьдесят семь развернулся и в ужасе воскликнул…

Уже через секунду его кишки наматывались на гусеницы вездехода, голова каталась где-то под установкой. Два солдата с отвращением вытирали платками брызги крови со своего лица, шлема и брони.

«О, господи, - думал я. – Неужели этот кретин замочил столько людей?!»

Рыков и сам этого никак не ожидал. Он хохотал от ситуации и кривился от боли в руке. Жуков мрачно брёл за его спиной, не рискуя нападать с тремя предупреждениями.

- Ну что, съели, уроды? – выкрикнул Рыков. – Будете теперь знать, как со мной связываться!

- Господи, люди! – крикнул кто-то. – У него целых три предупреждения! На него бы навалиться хотя бы вдвоём и его расстреляют!

- Ну, попробуйте! – воскликнул Рыков, потрясая битой.

Естественно, никто пока не бросался в поисках смерти…

22.43

И всё-таки ещё два безумца нашлось. Это были Зайцев №17 и Кирилюк №29. Один вооружился собственным портфелем, ведь Рыкова нужно было всего лишь заставить снизить скорость. А второй сложил свой зонтик, намериваясь сражаться с его помощью.

Они бросились бегом в обратном направлении, получив по предупреждению. Рыков теперь следил за двумя фронтами, опасаясь нападения Жукова. Всё бы хорошо, да только Кирилюк с зонтиком в руках оступился и упал. Зайцев напал в одиночку, описывая гигантские дуги портфелем в воздухе над собой. Рыков увернулся от удара, обошёл противника сбоку и, не снижая скорости, изо всех сил толкнул парня в сторону.

Это было самым красивым убийством. Просто удивительно, как всё получилось! Зайцев попятился в сторону, получив второе предупреждение, по инерции добрался до обочины и людей, стоящих на тротуаре. Он на довольно большой скорости врезался в сдерживающую толпу изгородь, случайно продолжил движение, перекидываясь телом через неё, и оказался лежащим на тротуаре, вне Дороги.

«Тю! Попал парень…» - успел подумать я до того, как раздалась очередь Автомата Калашникова. Покидать Дорогу Идущим запрещено при любых обстоятельствах!

Люди в толпе фотографировали свои окровавленные лица, веселясь так, как никогда в жизни…

Кирилюк, так и не добравшись до Рыкова и получив второе предупреждение, сконфужено развернулся и зашагал вперёд вместе с другими участниками. Смерть Зайцева отбила у него всякое желание становиться на пути 88-ого номера.

Жуков уныло вздохнул. Рыков уже не смеялся. Боль в руке была, скорее всего, просто невероятной. Да и хромать он всё ещё не перестал.

23.13

Я смотрю на часы…. Ужас, всё просто расплывается перед глазами! Страшная усталость и истощённость сковывает тело. Фляга за флягой берётся у солдат, но вода мне не помогает…

Мозг плавает. Шум дождя и капель, шуршащих по куртке, сводит с ума. Мне холодно, я промок…

«Что со мной будет? Боже…»

Кто-то опять наступил на шприц и весело проронил:

- Кто-то заболел и делает себе уколы в попу!

Услышавшие это Идущие рассмеялись. Шутка прошлась по всей цепочке. Быть может, и до Мистера Генератора Пустых Шприцов она тоже дошла…

Если он в состоянии её понять.

23.18

Два напившихся идиота, горланящие не так давно «Вишню» и «Лесника», решают бежать из Долгой Прогулки. Улучив удобный момент, они резко перепрыгивают изгородь и врываются в нестройные ряды людей. Толпа огласилась невероятно мощным рёвом и криками. Солдаты заметили беглецов и заволновались. Пулемётчик на вездеходе быстро повернул устрашающую установку в сторону Толпы и зажал на курок. Около двухсот человек бросилось на землю, прикрывая головы. Раздалась непривычная слуху очередь пулемёта. Он ревел так, что закладывало уши. Зазвенели опустевшие гильзы.

По Толпе прошлась коса смерти, вызывая фонтаны крови. Мужчины, женщины, дети, старики – все, кто попадал под свинцовый ливень, лишались конечностей, разрывались на куски и умирали. Одного пьяницу застрелили. Второй ещё почти возле самой изгороди упал в толпе, теперь он схватил какую-то хрупкую девушку за плечи, поднял её и, прикрываясь чужим телом, засеменил между трупами, направляясь к спасительному повороту здания.

Пулемёт молчал. Солдаты что-то кричали друг другу. Один схватил автомат, облокотился на края вездехода, прицелился и пустил три пули в цель. Раздался душераздирающий крик девушки. Она схватилась за торчащее из плеча мясо и раздробленные кости, заверещала ещё громче и упала на землю. Сзади неё стоял один из убежавших участников, держащийся за шею.

Солдат пустил ещё несколько пуль. Тело парня дёрнулось, ноги подкосились, руки оторвались от безобразной раны в горле и на метр от него забрызгали струи крови, искрясь в свете дорожных фонарей.

Ещё пару выстрелов и с беглецами было окончательно покончено…

00.01

Я начинаю теряться во времени…

Мне плохо…

Хочется в туалет…

00.06

В туманное сознание прорывается новость о том, что на пути – новый мост над дорогой и новые озлобленные фанаты Короленко. Опять стягиваются вооружённые силы…

00.16

Мост над нами. Недовольные крики толпы. Плакаты с грязными ругательствами и фамилией Калашникова.

Проходя под мостом, мы уклоняемся от летящих в нас камней и других предметов. Кто-то бросает Коктейль Молотова прямо на середину Дороги. Все перепрыгивают через бушующее пламя…

Дьяченко теряет один ботинок. Он матерится. Приходится выкинуть и второй… 13-ый идёт по мокрому асфальту босиком…

Ковалёв №33, который в наручниках, прыгает, но портфель скользит по рукам, центр тяжести меняется и…

Ковалёв извивается на ходу, пытаясь затушить горящие джинсы. Портфель тоже горит, а сбросить его с наручниками не представляется возможным.

Огонь расползается по дёргающемуся и мечущемуся телу. Никто не помогает преступнику.

Ковалёв мучается очень долго, борясь за жизнь. Он получает билет. Тело потом ещё долго горит посреди дороги…

00.43

Я вижу, как Калашников, идущий рядом, пытается спать на ходу. Едва я пытаюсь повторить это, мои ноги заплетаются, я спотыкаюсь…

00.59

Вроде бы закончился дождь. Идущие потихоньку умирают изнутри. Сон и невероятная усталость подкашивает ноги. Умирают ещё двое, я даже не понял, кто…

Мне невероятно плохо…

01.29

«Если я сейчас не посру, я сдохну от этой боли в животе!»

Я останавливаюсь и чувствую, как голова начинает кружиться от неожиданного прекращения бесконечного движения…

«О, боже! Если мои ноги сейчас почувствуют свободу, они так расслабятся, что я не сделаю потом и шага!»

Предупреждение уже давно прозвучало. Я торопливо стягиваю штаны и, не взирая на гогот Толпы, начинаю своё грязное дело.

Подо мной всё просто хлюпает и булькает. «Скверно, очень скверно!»

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТОМУ!

Я почти всё сделал. Идущие молча проходят мимо, ведь им уже не до дерьма, лезущего из чьей-то задницы…

Вспышки фотоаппаратов мигают настолько часто, что всё сливается в один длинный негаснущий белый свет.

Я просто теряю сознание…

БАХ! Я кувырком лечу вперёд. Голова звенит. В дребезжащий разум прорывается громкое…

- ПРЕ… ПРЕ… НИЕ! … ТЬЕ ПРЕДУ… НИЕ … ЕСЯТ ДЕВ…МУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

Я встаю. Пытаюсь встать. Пытаюсь, пытаюсь… Ага, встал…

Подтянув штаны, я начинаю идти. Зрение и ощущение реальности восстанавливается. Что же это было такое, что у меня теперь голова трещит?!

- Блин, встал всё-таки! – сплюнул Рыков, глядя назад из-за плеча. Он теперь шёл впереди. Я увидел брызги крови у него на бите.

- Ах ты тварь поганая… - прошептал я, дотронувшись рукой до своего затылка и посмотрев на окровавленные пальцы. – Пиздец! Ты попал, сукин сын!

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМУ!

Рыков развернулся и зашагал мне навстречу, занося биту для удара.

«У меня же три предупреждения!!!» - мелькнула запоздавшая мысль.

Он нанёс удар. Я с лёгкостью ушёл в сторону, следя за скоростью передвижения. Я не глядя, прописал удар кулаком в сторону, с которой проходил мимо меня Рыков. Он уже заносил биту для нового удара, как вдруг мой кулак врезался ему в челюсть. Раздался отвратительный хруст.

- Уууу! – завыл Рыков, упав на колени, роняя биту. Один из солдат уже приближался к нему, вскидывая автомат.

88-ой номер сплюнул вязкий сгусток крови, украшенный выбитыми зубами. Затем встал и восстановил свою скорость, продолжая хромать. Где-то ещё дальше за моей спиной и за Рыковым чертыхнулся Жуков, который никак не мог дождаться смерти убийцы…. И тут он достиг лежащей на асфальте биты. Одно предупреждение уже истекло, потому Жуков потратил его на то, чтобы подобрать оружие, которое уже не раз передавалось из рук в руки во время Долгой Прогулки.

- Тебе это уже не пригодится! – крикнул он Рыкову, который хромал впереди, плюясь кровью.

У меня болела голова, а особенно затылочная область. Правое ухо не слышало больше окружающих звуков. Как будто заложило. Я поковырялся в нём пальце и почувствовал, что у меня из головы через ухо идёт кровь…

«О, господи! Что это такое?!» - я был в шокированном состоянии. – «Ну, не могло это со мной произойти!!!»

Рыков стонал от боли в руке и челюсти. К тому же он хромал.

Жуков ещё немного шёл спокойно, а затем напал на Рыкова. Я не оборачивался, только слышал какую-то возню позади себя и вскрики. Мой мозг замер в ожидании выстрелов – у Рыкова и Жукова было по три предупреждения.

- БляяяАААгхкхxx!!! – протяжно вскрикнул Рыков, и раздалась длинная автоматная очередь. Я обернулся. Сзади шагал уставший Жуков с измученной улыбкой на лице. Он опирался при ходьбе на бейсбольную биту, хотя это не сильно помогало. Его щека искрилась тремя параллельными царапинами, которые, скорее всего, оставили ногти 88-ого номера.

Где-то уже далеко позади одинокий солдат тащил кровоточащий труп куда-то к обочине…

02.03

- Ненавижу эту грёбаную жизнь! – кричит Дьяченко. – Не могу я больше так жить! Постоянное невезенье, как какой-то чёртов «Пункт Назначения»! Меня всю жизнь любая вещь пытается убить, честное слово! Я уже смысл жизни потерял! Нет, я ни в коем случае не параноик! Вовсе нет! Оно по-настоящему так происходит! Думал, ну что может на Долгой Прогулке со мной случиться?! Я не могу больше так жить! Я не могу больше так идти!

Но он продолжал перебирать босыми ногами по холодному асфальту и лужам...

02.30 – 03.34

Этот промежуток ночи просто вывалился из моей памяти. Как будто я и не жил в этот момент. Искренне надеюсь и верю, что я какое-то время спал…

Но тело при пробуждении себя отдохнувшим никак не чувствовало …

03.35

Узнаю, что получили билеты ещё несколько человек. Все спрашивают друг друга, пытаясь узнать, сколько человек осталось. Никто не знает ответа.

Ждём приезда фургона и таблицы участников…

04.02

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОК ВТОРОМУ!

- Ой, да не может быть! – воскликнул Калашников. – Это же Кучуку объявили!

- У этого старика не было ещё ни одного предупреждения! – воскликнул кто-то. – Что с ним такое теперь случилось?!

Я даже забыл о боли в голове и стал вглядываться вперёд. Вскоре выяснилось, что старик как-то странно остановился посреди дороги и не делает и шага. Просто стоит.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОК ВТОРОМУ!

Мы почти поравнялись с Кучуком. Бородатый дед стоял на Дороге, делая что-то со своими ногами. Он пропустил какую-то трубку из портфеля себе в карман армейских брюк и как-то её сейчас прикручивал к чему-то.

- Что он делает?

- Эй, дедуля! Что ты там творишь у себя в кармане? – спросил Ященко, проходя мимо и снимая на камеру старческое лицо.

«Когда умрёт этот придурок?! – злобно подумал я о Ященко. – Ну, когда?! Дождусь ли я этого момента?!»

- Не твоё дело, щенок! – прохрипел Кучук, продолжая химичить что-то с какими-то шлангами, торчащими из портфеля. Тени Идущих лениво проползали мимо.

- Вова! Вовочка! – раздался голос из толпы. К обочине подошла горбатенькая старушка, держащая в руках связку каких-то непрозрачных тёмных бутылок.

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ТРЕТЬЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОРОК ВТОРОМУ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!

- Галя, давай быстрее сюда! А то меня сейчас пристрелят!

Старушка бросила Кучуку связку бутылок, но они не долетели и загрохотали по асфальту. Я как раз проходил мимо.

- Молодой человек, боже мой, подайте, пожалуйста! Быстрее! – обратился старик ко мне, жалостливым тоном. Один из солдат приближался к нему.

«Ладно, так и быть!»

Я пожертвовал одним предупреждением, подняв с земли увесистую связку. Старик быстро залил чёрную жидкость из одной бутылки в один из шлангов. Раздался непонятный металлический скрежет, ноги Кучука зашагали снова, равномерно отмеряя метр за метром.

- У меня механические ноги, - усмехнулся старик, глядя на удивлённые взгляды других Идущих. – Протезы. Можно сказать, моё собственное изобретение. Настоящие ноги потерял в Афганистане – на мине подорвался. Теперь установил себе механизированные ходунки. Они могут шагать практически целые сутки, заправляясь вот только одной такой связкой. Мне должны были подать горючее раньше, но я не учёл, что толпа будет такая плотная и моей бедной женушке не удастся пробиться!

- Так вот оно что… - раздались схожие реплики по всей цепочке Идущих. – Ну, всё теперь ясно…

- Это ваша жена? – спросил я.

- Да, - усмехнулся Кучук. – Галочка, любимая. Она и жена моя, и помощник в моих опытах!

- Так вы изобретатель? – удивился Калашников, откуда ни возьмись оказавшийся рядом.

- Есть немного, - улыбнулся старик. – Вот с ногами этими могу ходить до бесконечности, вообще не напрягаясь…

- А как же тяжесть горючего? – удивился я, вспоминая вес связки бутылок.

- А-а, я же не сказал, - хлопнул себя по лбу Кучук. – У меня ещё немного и позвоночник механизирован не без помощи моих знакомых хирурга и физика! То есть я

сделал практически полностью искусственный каркас тела. Любая тяжесть для нормального человека теперь в 2,34 раза легче для меня!

- Хрена себе! – присвистнул Калашников.

- Да ну! – удивился я. – То есть вы теперь можете взять вес более чем в два раза больше, чем, ммм… ну, скажем, я могу?!

- Ну-у… - протянул старик. – Теоретически да. Но практически – вы ведь молодой здоровый и сильный человек, а я больной старик, скрученный радикулитом. Если быть предельно точным, то я сейчас могу поднять чуть больше веса, чем вы сможете.

- Мда, интересная вещь ваша наука!

- А то!

04.29

По-моему, уже забрезжил рассвет. Хотя, быть может, вследствие моей сонливости и усталости я просто видел галлюцинации…

04.53

В этот момент я узнал ещё одну интересную вещь…

Волосатый парень с номером 98 и фамилией Шамрай, как выяснилось, это тот, кто разбрасывал по дороге пустые шприцы. Оказывается, он вкалывал себе в вену какую-то сверхмощную дрянь, чтобы идти, не останавливаясь и не зная усталости.

На грани того, чтобы лишиться сознания, я отыскал его среди Идущих и потребовал дать мне хотя бы несколько граммов этого дерьма, чтобы не получить билет.

Волосатый нахмурился, но всё-таки извлёк готовый шприц откуда-то из-под куртки.

04.02

Вена натужно вздулась, рука начала неметь. Я сжимал и разжимал пальцы, ускоряя поток крови. Когда допинг добрался до сердца, мне стало плохо... то есть, ещё хуже чем раньше…

Через пару мучительных секунд немного полегчало, боль в ногах отступила, а разум стал тихонько уплывать из головы, отставая от идущего вперёд тела…

Стало довольно хорошо. Неплохо! Даже взгляд прояснился, а мир обрёл более правильные краски и чёткие формы. Я не шагал, а плыл, летел, парил над Дорогой…

- Когда оно проходит? – спросил я заплетающимся языком.

- Я, если честно, не знаю, - усмехнулся Шамрай. – Сам понимаешь, чёткой инструкции нет. Один минус, что после этой хрени следует хорошо отоспаться, чтобы не угробить организм. Но тут, как видишь, нормально не поспишь…

- Ты мне этого не говорил, - сказал я, но голос был блаженный и какой-то чересчур ласковый. Я просто не мог злиться в таком приятном состоянии.

- А ты и не спрашивал! – усмехнулся Шамрай, вкалывая себе новый кубик в руку. – Я лично иду пару часов так, потом, когда начинаю засыпать – колю ещё. Начинает кружиться голова…. Потом всё хуже и хуже. Пару часов назад был момент, когда у меня это говно изо рта потекло, а состояние было такое, как будто… ну не знаю… как будто мне разрезали живот, напихали туда тонну битого стекла, зашили и попрыгали на мне!

- Ты меня порадовал. И чего ты продолжаешь вкалывать это? Как ты вообще выжил?

- Ванёк помог. Я его об этом предупреждал. Он сразу мне адреналин вколол в сердце, - Шамрай похлопал себя по нагрудному карману, а я так и не понял – показывал он, где у него сердце расположено, или там шприцы с адреналином в кармане хранились. – Удивительно, как я ещё на ногах иду. И продолжаю допинг употреблять!

- А кто этот Ванёк? – спросил я, разглядывая своим обновлённым взглядом грязные собственные руки.

- А он уже билет получил. Где-то пару часов назад. Славный парень был. Молчаливый, необщительный, не грузил всяким беспросветным флудом мои расшатанные мозги, в отличие от многих других Идущих, но, самое главное, всегда помогал и поддерживал…

Мы продолжали идти, а где-то сзади появились первые лучи восходящего Солнца…

Глава 6: Бегущий человек

Безумие должно где-то начинаться и куда-то идти. Как дорога. Или траектория пули из ствола пистолета.

(Стивен Кинг "Баллада о гибкой пуле")

Бог - отвратительный собеседник. В этом сомнений быть не может...
(Стивен Кинг "Безнадега")

Гаррати думал о том, каково будет лежать в глубочайшей тишине, в вековой пыли с закрытыми глазами, видеть бесконечные, безумные сны, лежать века и века в воскресном костюме. Ничто не будет тебя беспокоить – деньги, успех, страх, радость, боль, горе, секс, любовь. Абсолютная пустота. Ни отца, ни матери. Мертвые – сироты. Конец мукам ходьбы, конец долгому кошмару, конец этой долгой дороге. Тело обретает мир и покой. Совершенная тьма смерти…
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

6.00

- Вуууухуууу! – кричал кто-то далеко впереди. – Чуууувааааакиииии!!! Нужно отметить двенадцать часов от начала Прогулки!!!

- Придурок… забей… пасть… - прохрипел Калашников. Если мне не приснилось, он час назад что-то говорил про спазмы своей правой ноги. Но у меня было такое состояние, что я мог кивать ему в ответ, даже если бы речь шла про розового бегемота, загородившего Дорогу…

«Мы умираем…. Смерть уже началась…. Пули только ускоряют эту бомбу замедленного действия…»

6.13

- ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ВТОРОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОМУ!

Калашников продолжил ходьбу, утолив жажду из фляги.

- Да закрой свою сраную пасть, чёртов диктофон! – гаркнул он, метнув пустую флягу в громкоговоритель.

Некоторые Идущие устало хохотнули…

Прогулка продолжалась.

6.21

«ПРИВЕТСТВУЕМ УЧАСТНИКОВ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ! ЛОБАНОВ – НАШ ГЕРОЙ! КАЛАШНИКОВ, ЯЩЕНКО И КИРПИЧЕНКО ТОЖЕ МОЛОДЦЫ! ОСТАЛЬНЫЕ – НИКЧЕМНЫЕ ДРЫЩИ!» - гласила надпись в стороне от дороги. Рядом расположился палаточный городок. Зрители, так и не дождавшиеся Идущих, мирно сопели в своих палатках. Вдоль дороги стояли пустующие стойки для видеокамер и фотоаппаратов. Одинокий пьяный мужчина сидел у тлеющих углей одного единственного костра в лагере. Он плавно перевёл взгляд с огня на Идущих, лицо расплылось в самой глупой улыбке, которую можно было только вообразить.

- Хайл, мужик! – весело крикнул ему Лобанов. – Как жизнь?

- Хэ! – только и смог выговорить растерявшийся зритель. Он в знак приветствия поднял вверх бутылку с коньяком, потом моментально забыл про Идущих, всматриваясь в оставшуюся искрящуюся светлую жидкость на донышке. Он решил её допить, дважды промазал мимо своего рта горлышком, немного облился…

- Вот как нас любят! – воскликнул Ященко, снимая на камеру незадачливого мужчину.

Мы продолжали идти. Людей вдоль Дороги почти не встречалось, но нам уже было не до них…

6.30

Боль в правой ноге становится невыносимой. У меня нет предупреждений, поэтому я иду на рискованный шаг, чтобы отдохнуть минуту, пожертвовав предупреждениями. Я даже не заметил, как сказал последнюю мысль вслух.

- Не советую, - проронил Калашников. Вид у него был донельзя измученный, как и у большинства из нас. – Тебе придётся топать три часа, не спотыкаясь и не падая.

- Ай, ну и пох…

Я решил рискнуть, так как идти стало по-настоящему невыносимо.

6.32

Я остановился и стал приседать. Мышцы ног не выдержали, и пришлось просто тупо шмякнуться на асфальт боком. Так я и остался лежать, слушая первое выдаваемое предупреждение…

Романтика! Блаженство! Я готов был заснуть!

Идущие проходили мимо, даже не глядя на меня. Последним шёл Жуков, он сильно хромал, используя биту как опору, что практически не помогало.

Второе предупреждение…

Ещё секунд тридцать отдыха…

Я прикрываю глаза, но пытаюсь не класть голову на асфальт – чтобы уснуть мне хватило бы только прикосновения.

«А, может, так и сделать? Почему бы нет? Во сне я не почувствую боли – умру быстро и безболезненно…»

«Нет! Нельзя сдаваться, когда есть хоть какие-то силы!»

«А что если…»

«Никаких «если»! Вперёд, поднимайся! Поднимайся, слабак! Давай!»

- Сопляк! Поднимайся! Поднимайся, если тебе дорога жизнь, сукин ты сын!

Прапорщик пинал меня ногой, сотрясая воздух холла своим паршивым визгливым голосом и плюясь слюной при каждом слове. Где-то рядом в гробовой тишине по стойке «Смирно!» стояло сорок девять остальных новобранцев.

- Я вас, сука, научу уважать старших по званию, молокососы недоношенные! – орал прапорщик и продолжал бить меня тяжёлыми сапогами по рёбрам. – Поднимайся, сволочь! Что, ноги не держат?! Отвечай! Сука!

Так меня встречала армия. Сотней отжиманий от пола, визгливым и вспыльчивым начальником, ежедневными мучениями и бесконечными избиениями…

- Поднимайся, тварь!

«Сколько я был без сознания?!» - мелькнула первая молниеносная мысль, когда я очнулся и открыл глаза. Идущие были далеко. Очень далеко. Очень-очень далеко. Мёртвые точки на горизонте. 6,4 км в час – то, что мне нужно было срочно восстановить.

«Может, солдаты не видели, что я упал?!» - я стал оглядываться. – «Вот дерьмо…»

Рядом стоял солдат. Хронометр ярко сверкнул в лучах восходящего солнца своей сталью. Молчаливое суровое лицо, лишённое всяческих эмоций, возвышалось высоко надо мной. Каменный взгляд был прикован к счётчику, выдающему скорость перемещения лежащего человека…

«Сколько у меня ещё времени?!»

«Прозвучало ли третье предупреждение?!»

Чёрт, чёрт, чёрт…

Я начал подниматься, тело пьяно зашаталось, ноги невыносимо заныли…

«О-о-о, дело очень плохо…. Я не смогу так долго идти…»

Но я зашагал. Вновь мои ноги ощутили бесконечные соприкосновения с асфальтом. Я задел солдата плечом, поленившись обходить. Он поспешно посторонился, а затем я слушал его равномерные шаги у себя за спиной. Страшное необъяснимое отвращение нахлынуло на меня оттого, что я дотронулся до бойца. Это как подёргать за нос мёртвого тигра – вроде бы не опасно, а вдруг укусит!

Для меня Прогулка продолжалась. Я брёл по Дороге, глядя вдаль, где так недосягаемо от меня зависли множество точек – такие же смертники, как и я…

«О, Боже, ну почему я ввязался во всё это?!»

«Помнишь слова Ященко насчёт двух подгрупп участников?»

«Ну и?»

«Так вот… Ты – самоубийца!»

«Я?!»

«Да. Я.»

«Ничего подобного. Я… я уверен, что дойду!»

«Думаешь?»

«Не думаю, я знаю. Я уверен в этом. Я тренировался, и сейчас подготовлен лучше всех! Я слежу за дыханием? Слежу! Я равномерно двигаюсь? Ну, уж поравномернее других! Совет Тринадцатый? Да, пару раз нарушил, но теперь-то я экономлю энергию! По крайней мере, последние несколько часов!»

«Ну-ну. Далеко ли ты дойдёшь, в то время как у тебя из уха и затылка течёт кровь, невыносимо болят ноги, начинает болеть простуженное горло, на плечах три предупреждения и кружится голова?»

«Да. Далеко. Уж точно переживу Иванова какого-нибудь, или Ященко, этот метр с кепкой!»

«Время покажет!»

«Вот и заткнись!»

«Бу-бу-бу!»

6.57

Невозможно догнать остальных Идущих. Просто невозможно! Я не знаю, что делать! Ноги болят так, что хочется ползти на локтях!!! Я не могу больше!!!

«Они бросили меня! Глупцы! Им плевать на мою жизнь! Бесчеловечные сволочи! Ненавижу! Даже Калашников! Они меня даже не проводили взглядом! Им плевать на мою смерть!»

«Надо как-то отвлечься! Думай о чём-нибудь хорошем! И весёлом!»

- Господи, да отвяжись ты от меня, чучело! – ору я на солдата, идущего рядом. Он скептически поднимает на меня взгляд и продолжает преследование.

- Отстань от меня! Как пидор какой-то привязался! – кричу я ему в лицо. Ноль реакции.

«Интересно, на каком он говорит языке?»

- Hey, fucking shit of bitch, don't be so sad! – усмехаюсь я, хлопнув по плечу солдата. Тот слегка отходит в сторону, а я замечаю отпечаток крови, оставленный у него на куртке моей ладонью. – Do you hear me, fucking niger?

«Блин, а я больше языков-то и не знаю!» - мрачно подумал я. - «Может что-то из французского? Что-то я от одного своего друга помню! А вот! Вспомнил! Охота на сов по-французски!»

- Ля шчас уибу! – выкрикнул я солдату в лицо и залился радостным смехом.

Откуда-то спереди донеслось:

- Миронов! Ого-го! Миронов!

Я посмотрел вдаль и увидел двух девушек, идущих вдоль Дороги мне навстречу. Только сейчас я заметил, что мы идём по какому-то лесу. Сосны плотным строем медленно проплывали мимо.

Девушки поравнялись со мной, и пошли рядом.

- Ой, а чего ты тут один идёшь? – спросила светловолосая красавица. – Все уже вон где!

- А вот, решил от общества отдохнуть! – усмехнулся я, натужно хромая на правую ногу.

- А мы тебе не помешаем? – спросили красавицы.

- Вы-то нет, да только одно лишнее дерьмо прилипло тут, никак не могу отделаться! – проворчал я, указывая на молчаливого солдата.

Девушки залились смехом. И тут мне в голову пришла самая глупая мысль за всю Долгую Прогулку.

- Флягу! – выкрикнул я солдату. Он опустил хронометр, отцепил от пояса флягу и дал мне. Я немного попил, затем резко развернулся и облил солдата водой. Он ошарашено отпрыгнул, снял с плеча автомат, осмотрел его, проверил затвор и мрачно стал меня нагонять. Девушки просто падали со смеху, рыженькая достала мобильный телефон и стала снимать меня на видео.

- Ещё флягу! – выкрикнул я солдату. Тот несколько секунд тупо смотрел на меня, затем взял рацию и пробурчал что-то на непонятном шипящем языке.

- Моя твоя не понимает! Китаец что ли? – усмехнулся я. – Эй, цянь-цинь-цянь-пук-пук!

Девушки опять покатывались со смеху. Я чувствовал, что несу полную чушь, но моё теперешнее состояние не оставляло и выбора.

«А что – может, у меня мозг вытекает из головы! Почему бы не наслаждаться последними минутами моего разума?»

Я ещё долго подкалывал сурового солдата, ждущего того, чтобы я снизил скорость ниже нормы. Но я не доставлял ему такого удовольствия. Девушки ещё долго шли параллельно Дороге.

- О, а можно сделать звонок? – спросил я, указывая на Sony Ericsson k750 в руке одной из них. – Один только!

- А вам же вроде запрещено звонить с Дороги… - начала светловолосая. Вторая же подошла к краю Дороги и бросила мне свой мобильный телефон.

У солдата была отменная реакция. Я краем глаза заметил, как он начинает вскидывать автомат еще, в то время как мобильник совершал кульбиты в воздухе, двигаясь по траектории прямо ко мне в раскрытые ладони, а девушка говорила «на-а!», замедленно открывая рот. Моей реакции я потом тоже долго удивлялся.

Я просто раздвинул в стороны руки и не стал ловить мобильник, не дав солдату шанса пристрелить надоедливого участника Долгой Прогулки. Телефон глухо ударился об асфальт, батарея и задняя панелька отделились и весело поскакали дальше по Дороге.

- Что, съел, урод? – я показал средний палец солдату.

- Эй! Вот козёл! – крикнула девушка, видя, как солдат подходит к разлетевшимся деталям мобильника и грубо сбрасывает их ботинком на противоположную сторону от Дороги.

- Извините, девочки, я думал, что он разрешит брать телефон… - оправдывался я, уже отдаляясь от них.

- Да ладно, - донеслось издалека. Девушки остались на том месте, ожидая того, чтобы солдат скрылся из вида, и можно было перебежать дорогу. – Моя мама, кстати, ставила на тебя!

«Спасибо, спасибо! – подумал я. – Ну, хоть немного настроение поднялось!»

- Целых 700 рублей! – донеслось уже издалека…

7.19

Дорога была настолько пуста, что это не могло не удивлять. В лесу не было людей вдоль пути, Идущие ушли слишком далеко вперёд, пропали вертолёты, видимо, следовавшие за основной группой. Только я и солдат. Отличная пара! Один хочет другого убить, а другой знает, что имеет право убить первого.

- В каких войсках служил? – лениво спрашиваю я.

Молчание. Только шумит лес и слышны мерные шаги. Солдат не сводит взгляда с цифр на хронометре.

- Скучный ты, - говорю я. Опять ноль реакции. Я вздыхаю, прикрываю глаза и мысленно пытаюсь загасить проклятую боль во всём теле.

«Да уж, недалеко окончание Дороги.… Да только не то, к которому я стремился вначале…»

«Смогу ли я завалить солдата? Меня ведь этому тренировали…. Оглушить, забрать автомат, запасные магазины, пистолет, бронежилет, нож, рацию…. Убрав тело с Дороги, сколько времени пройдёт до того момента, пока меня не начнут искать?»

Мы продолжали молчаливую ходьбу, а лес по бокам Дороги редел, и шум деревни вдалеке всё нарастал и нарастал…

7.23

- Флягу! Флягу! – кричал я солдату, но тот молчаливо шёл. Он уже несколько раз объявил в рацию, чтобы подвезли фургон с водой, но, видимо, возникли какие-то неполадки.

Деревня виднелась вдалеке. Нарастал рёв Толпы.

«О, блин, у меня совсем нет сил…»

7.30

Людей не так много, как в Москве, но после тихой шумный посёлок просто оглушает. Люди, в основном, болеют за Калашникова. Находится и мой фанат, размахивающий плакатом с моим именем и фамилией, выкрикивая:

Миронов – Чемпион!
А солдат – гондон!

Я устало киваю ему в ответ и стараюсь топать дальше. Неожиданно вижу новый интересный предмет посреди Дороги.

- Камера Ященко! – вскрикиваю от удивления я, затем разгоняюсь до бега своими умирающими ногами и ловко подхватываю видеокамеру с асфальта, даже не снизив скорости.

Я открываю боковую панельку с экраном и вижу, что его пересекает ровно посередине уродливая трещина. Видимо, 100-ый номер уронил её: быть может, ему было ужасно

плохо, или уже три предупреждения и не было ни малейшей возможности вернуться и подобрать её.

- Ну-ка, глянем, что там у нас… - я листаю список видеозаписей и включаю последнюю, которая значится под номером 1408.

Ященко снимал Идущих, подходя поочередно к каждому и задавая вопрос: «Что едят натуралы?». Большинство задумывалось, тормозило, но потом смеялись над шуткой. Многие понимали прикол, начинали посылать 100-ый номер или называть обыкновенную пишу, например, яичницу, борщ, мясо, картошку…

Когда парень с видеокамерой добрался до Калашникова, тот не выдержал, схватил руками записывающее устройство и… изображение на экране завертелось. Видимо, он бросил камеру куда-то вдаль, а, скорее всего, просто противоположно движению. Что сделал после этого Ященко с Калашниковым, или наоборот, было неизвестно – пятен крови на Дороге я пока не встречал.

Камера снимала асфальт до того момента, пока не подошёл я и не поднял её с земли, случайно нажав на кнопку «Остановить запись».

«Всё. Что мне теперь с нею делать? Выкинуть? Хм, а может…»

«Да это глупо! Не уподобляйся Ященко!»

«Но я же не кого-то снимать буду! Да и раздражать никого не собираюсь!»

Камера включилась вновь, съёмка началась. Я немного поснимал свои ноги, меряющие длину асфальта метр за метром, потом навёл объектив на Толпу. Люди радостно загалдели. После этого я записал на видео рожу солдата, топающего рядом и поглядывающего назад в ожидании приезда автомобиля с флягами.

«Ладно, повеселились, и хватит!» - подумал я и решил перейти к делу.

Я навёл объектив на самого себя, перевернув камеру к себе передом. Прокашлявшись, я заговорил:

- Всем привет! Если вы видите эту запись, значит, скорее всего, я уже давным-давно мёртв. Мне просто очень нужно высказаться, перед кем угодно, да хотя бы перед камерой…. С ней и то приятнее общаться, чем, например, вот с этим чудом, - я опять навёл камеру на солдата. Затем вновь стал смотреть в зеркальный объектив, усмехаясь. – У-у, какой страшный! С автоматом! А ведь когда-то и я был одним из этих убийц! Да-да, я тоже солдат. Работал практически на каждой Долгой Прогулке в США, немало убивал Идущих. И что теперь? …

Я ещё долго продолжал говорить сам с собой, записывая своё самое последнее сообщение в жизни…

8.26

- Ну, вот и всё. Мой длинный рассказ подходит к концу, я уже охрип, и очень хочу пить. Представляете? Фляги с водой уже более полутора часов нет! Эти дебилы в касках решили, наверное, бросить меня и не обращать внимания! Я отстал от основной группы, вода осталась там. Они практически вычеркнули меня! Что мне делать?! Если кто-нибудь смотрит эту запись – пожалуйста, подайте на них в суд от моего имени! Как это так?! Я ужасно хочу пить! Мне уже не сделать и шага! Вот, я так уверен в своей смерти, что сбрасываю портфель! Вот…. Оп! … Ну, немного полегчало, но я не пройду и пяти километров! Прощайте все, я завершаю эту съёмку! До свидания! Я вас всех люблю! И ненавижу того, кто придумал всё это дерьмо! Я ненавижу Главного! Да, желаю этому сукину сыну мучительно сдохнуть! Честное слово, ничего больше даже и не хочется…

Журнал «За кулисами Долгой Прогулки»
Из статьи: «Всё об Участнике №59 (Миронов Григорий)»

…

Около половины девятого съёмка самого себя заканчивается. Его монолог уже намного позже будет транслироваться по всему миру, а фильм «Долгая Прогулка: взгляд изнутри» всем известного режиссёра будет включать в себя и эту часовую речь-рассказ о жизни и о том, что видел Миронов в течение пути. И, самое главное, что он понял…

Примерно в восемь часов 59-ый номер с сопутствующим его солдатом достигает нового крупного посёлка под названием Полешуки. Более десяти сотен людей стоят вдоль Дороги. Именно в этот момент происходит роковой поворот в жизни Миронова. Да-да, именно поворот в прямом смысле слова. Миронов сходит с Пути!

Произошло это после неожиданного выстрела из Толпы. Единственного солдата пристрелил в голову мужчина с фамилией Лебедев. Многие его помнят под номером 45, он участвовал в Первой Российской Долгой Прогулке 2007, откуда сбежал ещё с четырьмя Участниками под конец игры. Как рассказывают свидетели происшествия и корреспонденты, Лебедев потянул уже свободного Миронова с Дороги в Толпу, уверяя, что поможет ему сбежать так же, как помогли и ему в своё время. Миронов довольно долго думал, сидя на асфальте, отчего вокруг собиралось всё больше и больше народа. Он был в ужасном состоянии, не знал, что ему теперь делать…

Наконец, он согласился на этот рискованный шаг. Миронов задержался ещё на минуту, забрав у трупа солдата АКМ и запасные магазины пуль. Они с Лебедевым помчались через Толпу, которая поспешно расступалась, гулом поддерживая спасённого участника игры.

Как раз после этого прибыл армейский фургон, нагруженный флягами с водой и пятью солдатами. Узнав о бегстве участника и убийстве солдата, была объявлена тревога всем постам…

Далее, если судить по данным следствия, они вдвоём преодолели территорию посёлка, немного бежали по лесу и выбрались на дорогу, где их должна была ждать машина с Романовым №86 из предыдущей Прогулки. Но оба мужчины угодили в западню, так как Романов оказался убит, а вокруг машины скрытно расположилось около двух десятков спецназовцев. Скорее всего, кто-то из подопечных Романова и Лебедева слил информацию правоохранительным органам. Началась перестрелка, вследствие которой Лебедев был убит почти сразу. Профессиональный солдат Миронов Григорий устроил настоящий ад для своих противников, держась загнанным в угол с одним автоматом и двумя

магазинами более трёх часов, после чего его расстреляли снайперы. До этого ему удалось ликвидировать пять солдат, две овчарки и ранить руководителя захвата.

Авторское отступление: Философия Долгой Прогулки

Мы ничего не приносим в этот мир и
ничего не можем из него унести...
(Стивен Кинг "Долгая прогулка")

Какой непредсказуемой бывает судьба! Раз, и нет человека. Пускай и такого хорошего. Пускай и уверенного в себе, в своих силах, в своих возможностях. Да, нечасто умирает главный герой произведения. А особенно редко так случается в рассказах от первого лица, что даже с логической точки зрения вызывает не столько удивление, сколько недопонимание происходящего. Ну, да ладно, какая разница? Идущий под номером 59 сошёл со своей дистанции где-то в первой полусотне участников, пройдя около восьмидесяти трёх километров (даже чуть больше). Теперь это всего лишь документальные данные. Пустая надпись. Ничего более. Его тело после смерти потревожат всего дважды – сначала контрольным выстрелом и немного позже крематорием, так как хоронить его никому не нужно, ведь родственников и знакомых у Миронова во всём мире нет.

Всё. Game over. Немногочисленные болельщики, поставившие свои сбережения на 59-ый номер, немного будут возмущаться, рвать на себе волосы, быть может, плакать (а что – деньги ведь жалко), ну и материться, конечно.

А что до читателей повести? Им ведь, надеюсь, не плевать на судьбу такого человека, как, например, Миронов? Или Абажуров? Или Короленко? Ведь они – люди, и мы с вами, дорогой читатель, тоже люди. Тоже homo sapiens, тоже умеем любить, страдать, переживать, бояться, радоваться, злиться, удивляться, выпивать по вечерам и моментально засыпать утром, едва выключив будильник…

К чему я несу эту беспросветную муть? Отвечу. Скажите, уважаемый читатель, зачем вы читали мою повесть? Чтобы узнать, кто станет победителем? Или какое желание он загадает? А может, вы сделали настоящую ставку? Пускай, и не деньгами, может, просто поспорили с самим собой? Решили, например, что именно Куклин дойдёт до конца, подумав, что автор побоится убить самого себя…. Да и как, получается, ему удалось написать потом это произведение?

Ой, извините, я ушёл в сторону от ответа. Сейчас, соберусь с мыслями и скажу. Подождите…

И так, я думаю, вы понимаете, что это уже конец произведения, да? Вы правы. Это уже конец. Основная мысль прозвучала, да и она являлась совсем не Окончанием Пути. Идея повести заложена в персонажах. В их взаимодействии.

Почему погиб Короленко? Он должен был дойти до конца…

Почему погиб Рыков? Он был достаточно сильным, чтобы пройти больше….

Почему погиб Миронов? Ведь этот мужчина был натренирован, быть может, лучше всех…

Ответ един. Эти люди были одиноки. «Они подвешены во времени…». Эта цитата из оригинальной «Долгой Прогулки». Стивен Кинг говорил это устами Рея Гаррати, что было не абсолютной правдой. Не «мы», а «они». Речь идёт о тех, кто не добился поддержки других участников. Они ориентировались только на свои силы. Только на самих себя.

Это не только Рыков, Короленко и Миронов. Это касается всех Участников. Всех Идущих. Всех, получивших билеты. И всех Победителей…

У Кинга Рей Гаррати дошёл до самого конца Прогулки со своим другом Маквайсом. Это один из примеров, подтверждающих моё наблюдение…

Кто же тогда победит в моей повести? Я, наверное, знаю. Им будет Калашников. Да, если ничего неожиданного не произойдёт на пути, и, если он не потеряет поддержку других Идущих – Победителем станет 22-ой номер. Так должно быть, исходя из моего собственного ЗАКОНА ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ, и глядя на происходящее с философской точки зрения. Побеждают не сильнейшие. Побеждают те, кого уважают и в кого верят в ближнем кругу в момент опасности. Короленко ненавидели. Его отношение к соперникам отразилось, вызвало ещё более худшее отношение к нему самому. А это и привело к ускорению приближения смерти. А Миронов? Да, силы стали покидать его в первый же день. Но поддержка Калашникова во многом изменила ход судьбы 22-ого номера. Таких же случаев много: взять хотя бы белорусов Опятова и Куклина. Помощь и поддержка – залог успеха. Вот она – Истина Долгой Прогулки. Знает ли об этом Главный? Я думаю, что нет, хотя наглядных примеров предостаточно, если этот сукин сын хотя бы иногда интересуется происходящим на Дороге, отрываясь от ласок многочисленных шлюх.

И что теперь? Автор скажет последние красивые туманные речи и проститься? Хм, а вы так жаждете узнать, что будет дальше? Да бросьте, оно вам надо? Идите лучше почитайте другие книги – вы ведь получили от моей повести то, что хотели? Нет ещё?! Вам не нравится такой расплывчатый конец?! Хотите увидеть не многоточие, а большую жирную точку на этой истории? Такую же, как в «Тёмной Башне» Стивена Кинга? Полную вопиющую всеразрушающую и всеобъемлющую завершённость?

Ну что ж, ваше желание – закон.

Отбросим философию, отбросим перо писателя…. Внимание, на сцене голые факты!

Хроники Долгой Прогулки 2008.

(специально для читателей отобрал самое интересное из репортажа для газеты Times)

1) **Павленко, №75**, погиб, едва перешагнув стартовую линию. Он споткнулся, а так как уже имел три предупреждения из-за опоздания на старт, получил билет.
2) **Короленко, №37**, имея три предупреждения, упал от удара битой во время нападения постороннего человека из толпы. Убийца был ликвидирован сразу после вручения билета участнику.
3) **Фролов, №96**, получил билет, остановившись у трупа отца с тремя предупреждениями. Надо заметить, что начинал игру совсем неподготовленным и с видимыми физическими повреждениями, так как не явился вовремя на старт и даже попытался оказывать сопротивление приехавшим за ним солдатам.
4) **Абажуров, №1**, получил три предупреждения из-за того, что у него развилось нешуточное расстройство желудка. Участник Рыков, №88, ударил его битой, из-за чего Абажуров потерял сознание и не смог ускориться за пятнадцать секунд.
…
6) **Афанасенко, №5**, стал сильно хромать из-за боли в ноге, получая предупреждения. Рыков оглушил его битой, ускорив вручение билета.
…
11) **Ковалёв, №33**, получил билет, забыв обо всём и пытаясь потушить горящую одежду.
…
23) **Рыков, №88**, впал в истерику, нарвался на кулаки нескольких Идущих, не смог больше встать.
…

“Философия Долгой Прогулки” © Куклин Василий, 2007

34) **Миронов, №59**, был расстрелян снайперами, когда попытался убежать с Дороги не без помощи двоих сбежавших участников Долгой Прогулки 2007.

…

38) **Иванов, №18**, впал в истерику, бросился догонять рассыпающуюся книгу, пытаясь дочитать конец произведения. Получил билет с последним листиком в руках. Последние слова были: «Ну, Кинг и даёт! Это ж надо было так придумать…»

…

49) **Куклин, №40**, умирает при саботаже в момент взрыва моста. Опятов один единственный достиг противоположного берега. Он продолжает идти по Дороге, а организаторы Прогулки ускоренно прокладывают новую Дорогу для оставшихся участников через Толпу. Много жителей погибает из-за пулемётных очередей.

…

55) **Опятов, №73**, не может больше идти. Он срывает с себя майку и с диким криком бежит к вездеходу. Обнажённый торс обвешан взрывчаткой. Взрыв убивает его и ещё нескольких участников, а также всех четырёх солдат. Но ситуация быстро берётся под контроль с вертолёта, до прибытия новых солдат на вездеходе.

…

58) **Дьяченко, №13**, - один из погибших от взрыва вездехода. Что удивительно – он находился довольно далеко от эпицентра. Его прибило к земле отлетевшей лентой гусеницы.

…

71) **Кучук, №42**, умирает, ни имея шанса сделать и шага. Напомним, что на 29-ом часу Долгой Прогулки, у него отказали механические ноги, и ему пришлось отцепиться от искусственного тела. Выяснилось, что у старика есть какой-то секретный механизм на спине, с помощью которого он ещё ехал на колёсиках довольно длинное расстояние, пока не закончилось топливо.

…

83) **Лобанов, №48**, убит из пистолета. Максименко, оказывается, пронёс оружие на Прогулку, а когда понял, что не пройдёт больше и километра, стал стрелять во всех самых крепких со словами: «Для поддержания баланса!»

…

85) **Максименко, №55**, расстрелян солдатами за нарушение Правил.

86) **Калашников, №22**, не в силах больше идти с простреленной ногой (прострелил Максименко). Он получает билет.

…

89) **Барановский, №7**, не в силах больше идти. Падает, умирает ещё до получения билета.

…

97) **Шамрай, №98**, употреблявший допинг на протяжении всей Прогулки впал в состояние передозировки. Адреналин никто колоть ему не стал, участник получил свой билет.

98) **Носов, №68**, решив избавиться от соперников с помощью лома, напал на Кирпиченко. Тот несколькими ударами изуродовал лицо Носова, вогнав стеклышки очков в глаза участнику. Не видя и не

понимая ничего, Носов стал идти в обратном направлении, вследствие чего получил свой билет.

99) **Кирпиченко, №30**, умер от удара ломом по голове. Напомним, что до этого он воткнул холодное оружие в спину Ященко, и, подумав, что уже победил, помчался вперёд, размахивая руками болельщикам. А сотый номер с трудом нагнал его и раздробил последнему сопернику затылок ломом.

100) Ященко, №100, победил…. Как утверждают эксперты, практически по чистой случайности, так как все самые сильные соперники отбыли ещё до девяноста трупов, в основном из-за нелепых смертей, вражды друг с другом и невнимательных нарушений Правил игры. После смерти Кирпиченко, Ященко упал и не смог больше сделать и шагу. Скорая помощь была готова и его буквально за пару минут доставили в ближайшую больницу, где лучшие московские доктора стали спасать умирающего человека.

Журнал «За кулисами Долгой Прогулки»
Из статьи: «Всё о победителе»

Выпуск 145

«Ященко Владислав Викторович, 20-летний победитель Долгой Прогулки 2008 года, находится в больнице уже около двух недель спустя с момента Финиша. Состояние у него теперь не критическое, и даже практически стабилизировалось. В многочисленных снах он всё ещё бредит и выкрикивает ругательные слова, фамилии погибших Участников и т.д. В бодром состоянии способен пока только принимать пищу. Боится темноты, закрытой двери, посторонних звуков. Он находится в специальной звуконепроницаемой палате. Требует встречи с Главным. Пока из Америки ответ не приходил…»

…

Выпуск 149

«После ампутации ног, сложнейшей операции лёгких и переливания крови пациент находится в бессознательном состоянии уже три дня. Прошло два месяца со дня окончания Прогулки…»

…

Выпуск 153

«Ященко пришёл в себя. Жаждет общения, общества и последних новостей. Пока ему разрешено общаться только с медсестрой и специализированным психологом»

…

Выпуск 160

«Впервые к Ященко допущены посетители. Его бывшая жена и его бывший лучший друг общаются с ним около шести часов. На следующий день Ященко навещает Пётр Андреевич Прокопенко, главный организатор русской «Долгой Прогулки». Они общаются около часа в добродушной обстановке, затем Прокопенко уходит»

Выпуск 161

«Впервые допущены журналисты. Ященко охотно отвечает практически на любые вопросы. Много шутит и ухмыляется, иногда покашливает и отрывается от интервью для принятия таблеток»

…

Выпуск 184

«Прошло целых три месяца после Долгой Прогулки 2008. Ященко начинает пользоваться полученными бессчётными гонорарами. Сначала он, не выходя из палаты, организовывает себе покупку великолепного дворца в Англии, три шикарных и дорогих автомобиля. Он нанимает целую армию различных телохранителей, которые день и ночь дежурят вокруг его больницы. 22-ого августа совершена скрытная попытка проникнуть в здание человеком, как выяснилось, с ног до головы обвешанного взрывчаткой. После этого бдительность охраны утроилась»

Выпуск 185

«Ященко смотрит новости и записи Долгой Прогулки, несмотря на предостережения докторов. Любые тревожные моменты он встречает с постоянной ухмылкой, говоря корреспондентам, что он слишком «пофигистичный» реалист и живёт только настоящим днём, а прошлое его не волнует»

…

Выпуск 197

«Медсёстры каждый вечер видят направляющихся девушек в палату Ященко с вызывающего вида одеждой…

Также победитель Долгой Прогулки тратит баснословные суммы денег на восстановление ног, но дальше очень дорогих протезов дело не доходит. Ященко они напоминают немного Кучука, поэтому он просит обить железный Каракас или кожей, или пластмассой, чтобы они как-то отличались от ранее увиденных»

Выпуск 198

«Первые пробы встать на протезы. Слова Ященко:

- Конечно, не родные ноги, но зато теперь не приходится напрягаться при ходьбе или беге. Достаточно надавить на рычажок!»

Выпуск 199

«Ященко впервые за полгода связывается с Главным. Последний намеревается совершить визит в Россию и встретиться. Ященко имеет множество догадок на этот счёт, но не спешит их оглашать. Во время ожидания он становится более замкнутым и молчаливым. Бытует мнение, что он обдумывает своё Желание»

Выпуск 200

«Ященко заключает ряд договоров с разными фирмами и компаниями мира. Начиная от косметики и заканчивая киноиндустрией. Бросив большие средства на поиск своей цифровой видеокамеры, которую забрал Миронов, он находит её и решает выпустить в свет в виде документального фильма. Уже не ради денег, а просто из интереса, чтобы посмотреть, что из этого получится»

…

Выпуск 204

«Фильм Ященко не без помощи часового монолога Миронова обретает мировую известность и просто взламывает мировой прокат. Все несоизмеримые расходы Ященко окупаются ещё только в первый день премьеры фильма. Владислав нанимает целую команду секретарей, которые ведут подсчёт его собственности, доходов и расходов»

Выпуск 205

«Ященко начинает заниматься благотворительностью, помогает с деньгами старым знакомым, много денег вкладывает в украшение своей родной улицы в Москве, организовывает дорогостоящее пиршество в честь погибших в Долгой Прогулке 2008. На празднике открыт великолепный мраморный памятник с девяноста девятью мужскими фигурами, в точности воссозданных с настоящих людей.

В день открытия Ященко впервые выбирается из больницы, под прикрытием нескольких десятков солдат и около тысячи московских милиционеров. Он выступает с короткой речью на пиршестве, переживает небольшое покушение, обошедшееся без жертв, и удаляется под прикрытием назад в больницу»

…

Выпуск 210

«Прошло восемь месяцев. Мир готовится к новой Долгой Прогулке. Главный находит свободную минуту прилететь в Россию, чтобы наведаться к Ященко. Их встреча и семичасовой разговор состоялись в закрытом помещении в больнице. Итоги переговоров не оглашались, но и Ященко, и Главный собираются встретиться на Красной Площади в Москве через несколько дней. Ященко стал ещё более молчалив. А Главный намекнул, что даже понятия не имеет, что хочет загадать Ященко. Видимо, 100-ый номер решил высказать желание перед широкой публикой»

На этом выпуске журнал «За кулисами Долгой Прогулки» заканчивается и, в силу некоторых происшествий на Красной Площади, тираж прекращается навсегда.

Глава 7: Идеальный Game Over.

Право убить, право казнить, право гноить - камера!
Уничтожать и закрывать и наплевать - камера!
Я - террорист, я - экстремист в обществе крыс - камера!
Лучший контроль -быть за стеной, быть под землей- камера!

(Pet Nihil «Dogma»)

Толпа…

Её было настолько выразительно много, что, казалось, не бывает столько на свете людей, а всё это вокруг – лишь обман, мираж, многотысячные подвижные голограммы с невероятно высоким уровнем детализации и анимации. Люди шевелились, волновались, каждый по-своему, по-особенному. Но все эти вариации были схожи в одном: миллионы лиц смотрели именно на нас, ни на кого более. Только на нас. Ни на соседа, ни на Главного, ни на Победителя. Только на нас. На Идущих, которые закончили свою Долгую Прогулку…

Вспышки фотоаппаратов…

Сначала их не было. Да… Когда я опять почувствовал то, что могу дышать, видеть, слышать и понимать происходящее, их не было. Толпу я увидел сразу – миллионы людей с изумлёнными лицами застыли вокруг Красной площади и смотрели на нас. А потом начался невероятный нарастающий гул, аплодисменты и вспышки фотоаппаратов…Они ослепляли даже не глазные яблоки, а сам мозг, разрушая и деморализуя его клетки. Ты закрываешь глаза, но вспышки продолжают прорываться сквозь бардовую завесу век, отчётливо ставя печать на твоей памяти как, как на каком-то важном документе. Можно заслоняться руками, кричать, верещать, топать ногами или даже бить себя по лицу – никто не перестанет вас мучить, наоборот – частота миганий станет ещё больше, что может довести вас как минимум до потери сознания, а как максимум – до психиатрической лечебницы…

Идущие…

Я опять видел знакомые лица, знакомые майки, знакомые номера. Они стояли вокруг меня, слегка покачиваясь на неуверенных ногах, ошарашено озираясь по сторонам и задавая короткие несложные вопросы друг другу или себе самому. Мы находились прямо посреди площади, испуганно сбившись в кучку и глупо таращась на многомиллионную Толпу. Я видел рядом с собой всех участников Прогулки, даже тех, кто погиб ещё до меня. Неподалёку стоял Фролов, который один из всех нас был в окровавленной майке. Лицо его было в синяках и ссадинах, локти и кисти рук тоже. Мистер Розовые Кролики всё ещё был в своих весёлых тапочках…

«Я понял, - мелькнула первая мысль с момента возвращения из тьмы после получения билета. – Мы все сейчас в таком виде, в каком были на стартовой линии! Хм, тогда что же это за место? Ад? Рай? Или это так выглядит загробная жизнь?! Неужели нам теперь следует любоваться вспышками фотоаппаратов целую вечность?!»

При этой мысли мне стало плохо. Многие Участники Долгой Прогулки удивлённо топтались на месте, осматривая свои целые и здоровые конечности, не веря своим глазам.

- Мы в… Аду? – робко спросил Дьяченко откуда-то сбоку. Я посмотрел на него, ожидая опять увидеть изуродованное окровавленное лицо, но на меня смотрел всё тот же 13-ый номер, чистый и без всяких ранений. Он выглядел именно так, каким я впервые видел его на старте, когда суеверный неудачник пытался добиться у организаторов Прогулки разрешения не надевать майку.

- Какого чёрта тут происходит?! – раздался голос Кучука. Он бродил вокруг столпившейся кучи Идущих, осматривая свои шагающие протезы, скрытые большими армейскими ботинками и камуфляжными армейскими штанами маскировочного цвета. – Где мы, люди?

- Калашников! – воскликнул я, и стал расталкивать участников, чтобы пробраться в центр столпившейся кучи. – Калашников! И ты с нами?!

- Ну а как же… - ухмыльнулся №22. Он выглядел каким-то напряжённым и внимательно всматривался в лица других участников. Он кого-то искал. – Где этот Максименко? Мне надо ему пару слов сказать…. Ага, вот он!

Калашников направился куда-то, а я, не понимая, что происходит, последовал за ним.

Мы подошли к номеру 55, который как раз стал пятиться от Калашникова, стягивая свой портфель с плеч.

- Ну что, урод, вот мы и свиделись! – Калашников молниеносно ринулся вперёд, расталкивая попадающихся на пути Идущих, достигнул побледневшего паренька с номером 55 и со всего размаха руки заехал крепким ударом прямо в лицо бедняги.

Свидетели происшествия дёрнулись разнимать затеявших драку товарищей. У Максименко был сломан нос. Калашникова удерживало пять человек, а он кричал, плюясь и краснея от ярости:

- Сукин ты урод! Я тебя ненавижу! Я замочу тебя, блядская ты тварь! Ты прострелил мне ногу на Долгой Прогулке, сука! Ты лишил меня возможности победить! «Для поддержания баланса», говоришь?! Сейчас я тебе покажу «для поддержания баланса»! …

Калашников в истерике заметался, освобождаясь от сдерживающих его рук. Затем, когда свобода на одну секунду окружила его, он рванул вперёд, прорываясь сквозь толпу участников, чтобы сломать шею Максименко. Более двадцати человек рвануло на обезумевшего мужчину, сдерживая его ярость, тупо наваливаясь на него всем скопом. Сквозь десятки сплетённых рук и ног Калашников пробил только одну руку и потянулся к ускользающей жертве. Он цапнул уголок майки, разворачивающегося и убегающего Максименко, но ни более того.

- Я убью его! Зачем вы держите меня?! У этого придурка пистолет! Он замочит нас всех!!! Он замочил меня! Теперь мы в этом Аду! Я умер из-за этого кретина! Из-за этого сумасшедшего конченого психа!

- А, так это он убил меня?! – опомнился Лобанов, стоящий неподалёку от меня. – Ах, он сукин сын!

Теперь пришлось успокаивать второго разозлившегося мужчину. Максименко уже давно скрылся из виду. Калашникова повалили на землю, но он продолжал орать:

- У меня там осталась дочь! Жена! Верните мою жизнь!!! Я незаслуженно погиб! Я должен был дойти!!!

- А кто же победитель? – спросил кто-то.

- Надо высчитать, - бросил Афанасенко. – А что, и вправду интересно…

- ПАПА!!! – раздался крик Фролова. – ПАПА!!!

Мы все удивлённо обернулись. Мужчина с седыми волосами и израненным лицом крепко обнимал парня в розовых тапочках. Они оба рыдали и что-то спрашивали друг друга сквозь всхлипывания.

- Откуда он здесь?! – подал голос Опятов.

- Аааааа! – заорал сосед Опятова с номером 33, указывая на него. – Это смертник! Это тот смертник, подорвавший несколько человек и вездеход!

- Да вы что?! – Опятов попятился назад.

- Это правда? – спросил подошедший к Опятову Куклин.

- Нет… - начал было тот.

- Он – смертник! Люди, он смертник! – заорал Кирпиченко с дальнего конца группы участников. – Убить его!

- Да пошли вы нахрен! – усмехнулся Опятов, схватил себя за ворот майки и разорвал её пополам, оголив торс, обвешанный какими-то пакетиками с белым порошком и неаккуратно сложенными проводами. – ВСЕ НАЗАД! А НЕ ТО Я ВАС ВСЕХ ЗДЕСЬ УНИЧТОЖУ!!!

Толпа участников Долгой Прогулки шарахнулась в разные стороны. Мы застыли, в ужасе глядя на самоубийцу.

- Мне всего лишь стоит нажать на кноп…

Громко ухнул выстрел где-то сзади меня. Идущие пригнулись к земле, боязливо озираясь по сторонам. Прогрохотало ещё три выстрела, отчего все зажали уши и многие закричали.

Максименко стоял сзади всех, нацелив пистолет на Опятова. Последний рухнул на асфальт, обливаясь кровью. Провод с кнопкой на конце выпал из обессиленной руки.

- Я… я, честное слово, никого не хотел убивать на Долгой Прогулке… я… - Максименко запнулся. По его лицу текли слёзы. – Я… я обезумел… простите меня, прошу вас… господи, мне так жаль…

Он приставил дуло пистолета себе к правому виску и… зашипел, отстранив его в сторону. На коже остался красный ожог. Мы молча наблюдали за его действиями…

Едва 55-ый номер собрался вновь поднести уже остывшее оружие себе к голове, как вдруг раздался короткий хлопок, и посреди его лба расцвёл ярко-красный цветок, брызжа кровью во все стороны…

- Снайпер! – крикнул кто-то.

Все вскочили. Калашников, не обращая ни на кого внимания, подошёл к трупу Максименко и пнул его ногой, гаркнув на безжизненное тело:

- Молодец! Красавец прямо! А кто мне мою семью вернёт?! А?

- Папа! – донёсся слабый крик издалека. Сквозь шум нереальной Толпы, сквозь шум копошащихся рядом участников Долгой Прогулки… голос его девочки…

- Папа! – детский крик повторился.

- Андрей! – вторил женский возглас.

Калашников обернулся на зов. Вдалеке, у самого основания Толпы возле Кремля, к участникам Долгой Прогулки приближалась небольшая горстка людей. Небольшая, конечно, по сравнению со всеми зрителями, но состоящая как минимум из полутысячи человек.

Впереди всех бежали две фигурки – ребёнка и девушки. Калашников сделал три заплетающихся шага им навстречу, с замершим сердцем и трясущимися руками. Его глаза до боли вглядывались в знакомых людей. Он боялся моргнуть, опасаясь упустить мираж…

- ВНИМАНИЕ, УЧАСТНИКИ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ! – над площадью прокатился величественный голос Главного. – ВЫ ТОЛЬКО ЧТО СТАЛИ УЧАСТНИКАМИ НАСТОЯЩЕГО ЧУДА! ДА-ДА, ВЫ БЫЛИ ВОСКРЕШЕНЫ ПО ЖЕЛАНИЮ ЯЩЕНКО, ПОБЕДИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ 2008! ВСЕ ВОПРОСЫ И БЛАГОДАРНОСТИ К НЕМУ – К САМОМУ БОГАТОМУ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ЧЕЛОВЕКУ НА ЗЕМЛЕ! ИМЕННО ОН ПОЖЕЛАЛ, ЧТОБЫ Я ВОСКРЕСИЛ АБСОЛЮТНО ВСЕХ ЛЮДЕЙ ПОГИБШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ 2008! РАДУЙТЕСЬ РОССИЯНЕ, ОЖИВЛЕНЫ НЕ ТОЛЬКО ТЕ, ЗА КОГО ВЫ БОЛЕЛИ И НА КОГО СТАВИЛИ СТАВКИ! ВЕРНУЛИСЬ К ЖИЗНИ ПОГИБШИЕ ПРИ СЛУЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, НАХОДЯСЬ ВОЗЛЕ ДОРОГИ, - участники заволновались, озираясь по сторонам. И вправду, многие оживлённые люди были без маек с номерами. Один парень, погибший, видимо в толпе, стоял в одних только трусах. В промежутке времени для оживления он, видимо, спал. Повезло ещё, что не принимал душ. - ХОЧУ ДОБАВИТЬ, ЧТО ВОСКРЕШЕНО ДОВОЛЬНО МНОГО УБИЙЦ, СМЕРТНИКОВ И ДРУГИХ ЛЮДЕЙ, ВЫРАЗИВШИХ СВОЁ АНТИСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НА ДОРОГЕ. ВСЕ ОНИ БУДУТ АРРЕСТОВАНЫ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРАВИЛ И НАКАЗАНЫ В СООТВЕТСТВИИ С ДЕЙСТВУЮЩИМИ ПРАВИЛАМИ, НОРМАМИ И ПОРЯДКАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ. ПРАВО ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАТОРАМИ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ СНИМАЕТСЯ ЗА СЧЁТ ТОГО, ЧТО ДАННЫЙ ПУНКТ ДОГОВОРА И ПРАВИЛ ДОЛГОЙ ПРОГУЛКИ ДЕЙСТВУЕТ ТОЛЬКО В ТЕЧЕНИЕ САМОЙ ИГРЫ. ВЫ ВОЗВРАЩЕНЫ К ЖИЗНИ В ТАКОМ ВИДЕ, В КАКОМ НАЧИНАЛИ ДОЛГУЮ ПРОГУЛКУ – небольшая пауза. - МНЕ ТОЛЬКО ЧТО ДОЛОЖИЛИ, ЧТО ПРОИЗОШЛИ НЕКОТОРЫЕ ПЕЧАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ В ТОЛПЕ ОЖИВЛЁННЫХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТЬ МИНУТ. УЧАСТНИКИ, ПРОШУ ВАС НЕ СОВЕРШАТЬ ГЛУПОСТЕЙ И ЗАБЫТЬ БЫЛЫЕ ОБИДЫ РАДИ ВАШЕГО ЖЕ БЛАГА. ВЫ ИМЕЛИ ПРАВО УБИВАТЬ ДРУГ ДРУГА НА ДОРОГЕ, НО ТЕПЕРЬ ВЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ЗАКОНА, И, НАДЕЮСЬ, ВЫ ЭТО ПОНИМАЕТЕ. ПО ПЕРИМЕТРУ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ РАСПОЛОЖЕНО ОКОЛО ДВУХСОТ СНАЙПЕРОВ, КОТОРЫЕ БУДУТ ЛИКВИДИРОВАТЬ ВСЕХ ЗАЧИНЩИКОВ ПОДОБНЫХ ДЕЙСТВИЙ. ОТНЕСИТЕСЬ К ЭТОМУ С УМОМ. ДЛЯ ВАС ДОЛГАЯ

ПРОГУЛКА ОКОНЧЕНА, НО, ВАМ НЕСКАЗАННО ПОВЕЗЛО, ЧТО ПРОИГРЫШ ДЛЯ ВАС ВПЕРВЫЕ ЗА ИСТОРИЮ ПРОГУЛКИ ЗАКОНЧИЛСЯ ТАК ХОРОШО, ЧТО ВЫ ДАЖЕ ПРАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ ПОТЕРЯЛИ. Я БЫ ДАЖЕ ОТМЕТИЛ, ЧТО ВЫ МНОГО ЧЕГО ПРИОБРЕЛИ. НАПРИМЕР, КАК «ПИЩУ ДЛЯ УМА» ТАК И СОВЕРШИЛИ МНОГИЕ НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. Я ПРОШУ ВАС… Э… Я…

На далёкой-далёкой от нас гигантской сцене, освещённой прожекторами стоял Главный. Он перестал говорить в микрофон и замолчал, запнувшись буквально на полуслове. Только сейчас я заметил громадный экран на одном из зданий, где показывали крупным планом то наши лица, то лицо Главного. Но что такое? Почему он не договорил?

Участники молчали. Всех раздирало множество чувств, мыслей и идей. Но что же из них обладало большим приоритетом?

Безусловно, я был очень рад тому, что меня вернули к жизни. Но, почему-то, никак не удивлён, не поражён, не ошарашен…

Я оторвал взгляд от асфальта и устремил его на экран. Главный продолжал улыбаться в микрофон, но улыбка медленно сползала с лица. Его правая рука зависла возле правого уха, два пальца упёрлись куда-то внутрь.

Он слушал рацию через наушник. Главный получал какую-то информацию. Что-то настолько важное, что он даже оборвал свою речь перед многотысячными телекамерами и миллионами людей.

«Я понял! Точнее, чёрт побери… Он понял! Этот дурак, одарённый силой исполнять желания, понял свою ошибку! Да! Я теперь всё понимаю!!! О, господи, как всё просто! Насколько удивительна судьба! Господи, что может сделать с человеком случайность!»

Я просто сиял. Вскочив на ноги, и сияя душой, я двинулся к Калашникову, не сводя взгляда с экрана. Главный быстро бледнел. Его маленькие глазки испуганно бегали из стороны в сторону, цепляясь то за толпу оживлённых Идущих, то за телекамеры, снимающие его, то за миллионы жителей Москвы…

«Ох, какой всё-таки молодец Ященко! Ну, просто самый умный человек на планете! Господи, да он даже сам, наверное, не представляет, какую умную вещь совершил! О, боже, какой он молодец!»

- Эй, - похлопал я по плечу Калашникова, который затянулся долгим поцелуем со своей любящей женой. Дочка радостно прыгала вокруг них, плача от счастья. – Заканчивайте, потом доцелуетесь! Надо сваливать!

Калашников удивлённо воззрился на меня.

- Что?! Ты о чём вообще?!

- Конец Долгой Прогулке! Главный этого ещё не понял! Быстрее валим, пока он на нас небо не обрушил или не приказал снайперам покосить всех участников! Бежим! – несмотря на взволнованную речь, я просто ликовал. Мне было так хорошо, что я вприпрыжку пустился вперёд. – Давай за мной, Калашников! Уходим!

Приближались милицейские сирены. Несколько автомобилей спецназа остановились неподалёку – солдаты повалили толпой, направляясь к неорганизованному сборищу воскрешённых, расталкивая невиновных участников и тех, кто только что прибежал сюда из общей массы миллионов людей. У некоторых спецназовцев были фотографии виновных.

«О, господи! Я ведь убил несколько спецназовцев! Надо срочно валить!»

Вновь повязали Ковалёва №33. Рыков, который убил нескольких человек, в ужасе бросился наутёк. Его быстро догнали и усмирили, оглушив и нацепив наручники.

Я понёсся ещё быстрее. Калашников еле поспевал, видимо, даже не зная, каких я дел натворил, убежав с Дороги.

Досталось многим другим участникам. Также не остались безнаказанными некоторые люди, кто погиб в толпе. Отца Фролова арестовали и повели к машине.

- Всё нормально, сынок, всё наладится, - успокаивал он плачущего сына, идущего рядом.

- Ба! Кого я вижу! – выкрикнул Короленко, становясь у нас на пути. – Ха-ха, какие люди! Вот так встреча! – он потирал гигантские кулаки, в предвкушении хорошей драки.

- Короленко Александр, - раздался голос сбоку. – Вы обвиняетесь в воровстве! Пройдёмте с нами.

- Я?!

- Это тебе за кроссовки Фролова! – крикнул Калашников вслед уходящему Короленко.

- Андрей, не останавливайся! На нас с тобой тоже обвинение может найтись! Бежим!

- Ты объяснишь, что происходит?! – выкрикнул Калашников, волоча за собой жену и дочку.

- Подожди… потом… - бросил я через плечо, расталкивая людей у себя на пути. – Быстрее!

Мы бежали по майкам участников. Многие поняли, что нужно сваливать, пока не поздно. Я тоже стянул с себя майку и получше запахнулся в куртку, Калашников последовал моему примеру.

На пути возник Абажуров. Он истерично хохотал. Пробегая мимо, я шепнул ему короткую подсказку, чтобы он убирался отсюда, на что он крикнул мне издали в ответ:

- Какая теперь, к чёрту, разница! Ха-ха-ха-ха! Ты посмотри, что Афанасенко решил сделать! Ну и придурок! Ха-ха-ха-ха!

Я остановился и обернулся. Номер пять одиноко бежал к сцене, на которой Главный всё ещё бродил взад-вперёд, слушая наушник. Предчувствуя самое худшее, я отыскал неподалёку взглядом труп Опятова. Точно! Всё теперь ясно! Ярый активист Афанасенко наконец-то получил свой шанс! Всё, что он хотел изменить в мире! В своей жизни! В жизни каждого на планете! Теперь он получил этот шанс!

Афанасенко, оказывается, в суматохе снял взрывчатое устройство и направился бегом к сцене, где Главный, не замечающий ничего вокруг, слушал длинный монолог какого-то своего сотрудника…

«Ну что ты там можешь так долго слушать? – думал я с ухмылкой на лице. – Рейтинги Долгой Прогулки практически упали до нуля? Желание Ященко всё перевернуло вверх дном? Игры больше нет? Если даже её проведут снова, она совсем не принесёт денег? Ха-ха, да вы, батенька, попали в глубочайшую жопу! Работать вам теперь только Исполнителем Желаний в цирке! Молодец, Ященко, чёрт возьми! Какой он молодец! Какой умный ход! Неужели человечество настолько глупое, что не могло додуматься до такой простой вещи, как Желание о воскрешении всех погибших участников? Ну Ященко и дал жару! Молодец! Как он только додумался до такого?! Теперь игра закроется навсегда! Не будет больше сотни трупов на каждый месяц май! Не будет грязных денег и проклятых ставок! Не будет предупреждений! Ха-ха…»

Я даже представлял, как всё было. Ященко коротко высказал желание прилюдно, немного подождал, глядя на реакцию Главного, который перед камерами и зрителями просто не мог отказаться, а потом 100-ый номер под шумок сваливает прочь. Куда-нибудь за сцену, в свой бронированный лимузин, уезжая на нём далеко-далеко, на какое-нибудь солнечное побережье, полное богатств, девочек в бикини, шампанского «Crystal» и дорогих яхт. А Главный выполняет желание, смотрит на полученный эффект, говорит короткую речь воскрешённым, а потом…. Его рация разрывается от криков и стонов его сотрудников и помощников. Всё летит к чертям. Он не должен был воскрешать тех, кто получил билеты – это просто в прах уничтожило структуру проекта. Долгая Прогулка завершила своё существование…

… почти…

Остался самый последний шаг. Маленькая точка в конце. Точка, несущая в себе всепоглощающую завершённость…

«Ай, молодцы, ребята! – опять подумал я, понимая, что нужно срочно покидать Красную Площадь, но и не в силах оторвать взгляда от разворачивающегося спектакля. – Ну, вы и даёте! Ященко, Афанасенко…. Ну и молодцы, нет слово прямо-таки! Вот ведь как всё пошло…»

Афанасенко достиг сцены. Мелькнуло три вспышки. Три милиционера охранника были убраны с пути. Видимо, Афанасенко подобрал пистолет Максименко…

Калашников наконец нарушил наше молчание:

- Ты, твою мать, объяснишь, что происходит?!

- Смотри, - просто сказал я.

И тут ко мне подбежали два милиционера.

- Вы – Миронов Григорий Александрович?

- Нет, я Соколовский Сергей, - быстро проговорил я, не задумываясь, хотя голос предательски дрогнул.

«Ну же, где взрыв?!»

Милиционеры многозначительно переглянулись. Один стал извлекать из кармана мою фотографию, второй спросил:

- Могу ли я посмотреть ваши документы?

- Господи, да я же участник Прогулки! – воскликнул я. – Меня только-только оживили! Не брал я с собой на Дорогу документы!

«Где чёртов взрыв?!»

Милиционер извлёк фотографию, коротко взглянул на неё, и сказал старшему по званию: «Он!»

Второй, как будто не слыша напарника, протянул мне руку вперёд и сказал:

- Вы Соколовский? О, боже! Не может быть! Я ведь за вас болел! Столько денег поставил…

- Э-э… - я медленно вытянул руку вперёд и слишком поздно понял, что это подвох.

Уже падая лицом на асфальт, я услышал крик дочки Калашникова.

- Что вы делаете?! – заорал её отец.

- Ваш друг обвиняется в убийстве нескольких людей, прошу вас отойти в сторону и мешать следствию! – сказал один милиционер.

Я распластался на асфальте, разбив правую бровь и подбородок. Милиционер взгромоздился на спину, заломив мои руки за спину и защёлкнув наручники на запястьях.

- Готов чебурек! – прошептал он мне на ухо, дыхнув зловонным дыханием. – А Соколовского на Долгой Прогулке не было! Я знаю весь список участников наизусть!

- Ну и ладно, - усмехнулся я, продолжая смотреть на сцену из такой неудобной позиции и улыбаться.

Что удивительно, там ничего не происходило. Я начал терять надежду – Главный медленно останавливается после хождения взад-вперёд, дотрагивается до какой-то цепочки на шее и начинает что-то шептать губами.

«Поздно! Он колдует! ОН… ОН… ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ МЫ ОПЯТЬ ВСЕ…»

А потом из-за кулис рядом с Главным появилась новая фигура. Афанасенко пробежал пол сцены, что-то крикнул, и, едва все камеры, прожектора и снайперские винтовки стали поворачиваться в его сторону, он, прокричав «АЛЛИЛУЙЯ! СВОБОДА!», надавил на злополучную кнопку, активировавшую бомбу. Последний кадр одной из ближайших к сцене видеокамер в роковой момент показал всему миру лицо Главного, удивлённого, убитого последними новостями и не верящего собственным изумлённым глазам…

Грохот взрыва пронёсся над головами москвичей, содрогнулась земля, тугая волна горячего воздуха повалила многих людей, повыбивав стёкла ближайших зданий.

Афанасенко убил себя и Главного, превратив наспех организованную сцену в кучу горящего тряпья…

Милиционер перекатился на бок, закрывая голову руками. Напарник просто стоял с разинутым ртом…

Я вскочил на ноги и побежал. Я не видел Калашникова и его семью. Быть может, они остались за спиной – я не оглядывался. Теперь это не важно. Я бежал, мечтая выбраться из этого ада, смешно нагнувшись и помогая бегу плечами – руки были сцеплены сзади…

Когда волна пыли и дыма накрыла меня и ближайшую стену Толпы, я понял, что это мой день…. Теперь меня уже никто никогда не поймает…

С неба падали какие-то обломки и ошмётки…

На асфальт куда-то в толпу упал окровавленный медальон в виде монетки на цепочке***…

Уже через десять минут взволнованный народ заполнил всё открытое пространство Красной площади, пытаясь разобраться в ситуации. Прилетело два пожарных вертолёта, повсюду слышались сирены. А люди как какие-то зомби топтались на месте пытаясь понять, что они собирались увидеть здесь и что увидели… Что загадал Ященко, исполнилось ли это и куда он подевался? Что случилось с Главным и не было ли это частью игры или каким-то глупым розыгрышем? И что делают множество белых маек с красными номерами, в беспорядке сваленные под ноги?

---

* - отсылка ко второму по уровню мастерства написания автором Куклиным Василием произведению «ВСЁ ИЛИ НИЧЕГО» (Прим. автора)

Эпилог: Победители Долгой Прогулки.

Кислотный туман разъедал наши шлемы,
А им все равно – ведь это приказ
У них в голове простые микросхемы
Задание принято: разыскивать нас
И голые тела опущены в слякоть
Измученные легкие просят курить
Менты оторвали моей души мякоть

Мелькает вопрос: “Как дальше жить?”
(Pet Nihil «Клиническая смерть»)

И так, выжили практически все Идущие, исключая Опятова, Афанасенко и Максименко. Намного позже, когда жизни участников наладились, произошли ещё несколько смертей – были убиты два паренька с номерами 65 и 84 озлобленными фанатами, поставившими на них в своё время большие деньги. Также что-то страшное случилось с Дьяченко. Наверное, он и вправду был таким невезучим. Говорят, отцу Фролова дали невероятно маленький тюремный срок, аргументировав, мол, он защищал сам себя. Угу, бейсбольной битой! А для Короленко наоборот – за какую-то кражу кроссовок усадили глубоко за решётку, навешав кучу штрафов и взиманий. Про Рыкова же, как в истории Российской Федерации, так и в ежедневных новостях никогда больше не было сказано и слова…

Иванов, больной раком мозга, за три месяца после воскрешения, написал книгу о Долгой Прогулке. Она прославилась далеко не так, как фильм Ященко, но денег 18-ому номеру хватило ещё на несколько дорогих операций, отсрочивших дату смерти. Сколько я его знаю, он до сих пор живёт…

Куклин вроде бы тоже стал писателем, а Абажуров, насколько я знаю, посвятил себя горному туризму. Говорят, он сейчас невероятно похудел…

Собственно, о других участниках я сам не интересовался – просто знал многое из теленовостей.

Ященко всё такой же богатый. Постоянно всех удивляет чем-то новым и интересным. Организовывает разные весёлые мероприятия. Говорят, ему удалось как-то навестить Рея Гаррати, одного из предыдущих победителей Американской Долгой Прогулки. Они дружно пообщались, делясь впечатлениями о богатой жизни. Сам Ященко, кстати, с недавних начал сочинять стихи. Сейчас они добиваются успеха только за счёт громкого имени, но пока есть деньги и свободное время, почему бы не заняться тем, чего душа просит?

Ященко получил от Прогулки только деньги, а из-за денег – славу. Его жена, видимо, к нему не вернулась. Друг, скорее всего, помирился, но общались они мало. Кто-то где-то как-то высказал мнение, что лучшие друзья Ященко – дорогие девочки по вызову. Теперь этот человечек пропал без вести…

Вреда Долгая Прогулка нанесла Ященко не мало. Начиная от здоровья и заканчивая постоянным страхом, что найдутся враги среди бывших соперников. Его армия телохранителей настолько огромна и профессиональна, что готова дать отпор даже небольшому государству. 100-ый номер страдает маразмом и паранойей…

А с Калашниковым мы не раз ещё выпивали по стаканчику пива. Его семья всегда была рада моему приходу, несмотря на то, что я постоянно приезжал совсем ненадолго, был в бегах, под разными именами. Что удивительно, Калашников не забросил футбол, а даже наоборот, теперь играет вдвойне больше и, судя по футбольным новостям, достиг немаленьких высот в своём ремесле.

Ну а я…. А что я? Кому интересно что-то про меня? Я такой же, как и все остальные Идущие. Во сне всё также слышу выдаваемые предупреждения, а память просто не в силах забыть о страшной атмосфере Прогулки…. Едва речь заходит о больших расстояниях пешком, у меня ёкает сердце.

Единственное, чем выделяюсь из Толпы – преследованием милиции. Меня ищут. Поиски не прекращаются – в новостях, в Интернете, в городах и на границах. Ищите, ищите! А я буду довольно попивать пивко, глядя на экран телевизора в доме, за окном которого идёт вечный снег…

Но, несмотря на это, я много хожу пешком, продолжая тренировать ноги. Я закаляюсь и учусь бороться с болезнями. Я качаю мышцы.

Много чего пришлось обдумать. Я многое понял. Кое-что решил в себе изменить. Понял смысл Долгой Прогулки, её настоящий секрет. Я понял то, как победил Рей Гаррати и другие Идущие до него. Закон прост. Понял это на примере всех самых сильных, погибших в Последней Прогулке. Да, теперь всё ясно. И это даёт повод для того, чтобы призадуматься над участием в Долгой Прогулке.

Если проект возобновят…

Ведь всё невероятно просто…

Жизнь – это стремление к победе. Глупое прямолинейное стремление будет прервано рано или поздно каким-нибудь посторонним наблюдателем или собственной нелепой ошибкой, которые могут возникнуть при скучном однообразии. Но если действовать взаимосвязями, перебираясь очень витиеватым путём от хорошего поступка к хорошему, можно достигнуть более высоких результатов, правда, потеряв больше времени на это…

Но на Дороге, как и в жизни, если задуматься, торопиться-то некуда…

Куклин Василий (Могилёв)
02.11.2007-29.11.2007